

Ученые записки

НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

ISSN 2411-7951

Главный редактор

Моторин А. В., д. филол. наук, профессор

Зам. гл. редактора

Макаров В. И., к. филол. наук, доцент

Торопова Е. В., к. ист. наук, доцент, гл. редактор
научного направления (Великий Новгород)

Ариас-Вихиль М. А., д. филол. наук, с. н. с. (Москва)

Бессуднова М. Б., д. ист. наук, доцент
(Великий Новгород)

Васильев Я. А., к. ист. наук, доцент (Великий Новгород)

Владимирова Н. Г., д. филол. наук, профессор
(Калининград)

Гайдуков П. Г., д. ист. наук, член-корр. РАН (Москва)

Гиппиус А. А., д. филол. наук, профессор,
член-корр. РАН (Москва)

Жукова Е. Ф., к. филол. наук, доцент
(Великий Новгород)

Каминская Т. Л., д. филол. наук, доцент
(Великий Новгород)

Ковалев Б. Н., д. ист. наук, профессор
(Санкт-Петербург)

Кулик С. В., д. ист. наук, профессор (Санкт-Петербург)

Куприянова Е. С., д. филол. наук, профессор
(Великий Новгород)

Маленко С. А., д. филос. наук, профессор
(Великий Новгород)

Прохорова О. Н., д. филол. наук, профессор (Белгород)

Седов Вл. В., д. искусств., профессор, член-корр. РАН
(Москва)

Семенова А. Л., д. филол. наук, доцент
(Великий Новгород)

Тарабардина О. А., к. ист. наук (Великий Новгород)

Терешкина Д. Б., д. филол. наук, доцент
(Великий Новгород)

Шмелева Т. В., д. филол. наук, профессор
(Великий Новгород)

№ 4 (49) 2023

Учредитель и издатель – Федеральное
государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого» (НовГУ)

Адрес редакции и издателя:
173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 1216
Тел. (8162) 338830 доб. 2294
Факс: (8162) 974526
E-mail: enotes@novsu.ru
<https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/>

Ученые записки

Новгородского государственного университета
№ 4 (49) 2023

Выпускающий редактор: Макаров В. И.
Оригинал-макет подготовлен редакцией
сетевого издания «Ученые записки
Новгородского государственного университета»

Свидетельство

Эл № ФС77-58076 от 20 мая 2014 г.
Роскомнадзора Российской Федерации
Выходит не менее 4 раз в год

Подписано в печать 24.06.2023 г.
Дата выхода 30.06.2023 г.

Отпечатано: ИП Копыльцов И.П.
349052, Воронежская обл., г. Воронеж,
ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56
Тел. 89507656959, e-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

© НовГУ, 2023

© Авторы статей, 2023

Memoirs of Novgorod State University

ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL

ISSN 2411-7951

№ 4 (49) 2023

Editor-in-Chief

Motorin A. V., Doctor of Philology, Professor

Deputy Editor-in-Chief

Makarov V. I., Candidate of Philology, Associate Professor

Toropova E. V., Candidate of History, Associate Professor,
Research Area Chief Editor (Veliky Novgorod)

Arias-Vikhil M. A., Doctor of Philology, Senior Scientific
Researcher (Moscow)

Bessudnova M. B., Doctor of History, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Vasiliev Ya. A., Candidate of History, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Vladimirova N. G., Doctor of Philology, Professor
(Kaliningrad)

Gaidukov P. P., Doctor of History, Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Gippius A. A., Doctor of Philology, Professor, Corresponding
Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Zhukova E. F., Candidate of Philology, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Kaminskaya T. L., Doctor of Philology, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Kovalev B. N., Doctor of History, Professor
(Saint Petersburg)

Kulik S. V., Doctor of History, Professor (Saint Petersburg)

Kupriyanova E. S., Doctor of Philology, Professor
(Veliky Novgorod)

Malenko S. A., Doctor of Philosophy, Professor
(Veliky Novgorod)

Prokhorova O. N., Doctor of Philology, Professor (Belgorod)

Sedov VI. V., Doctor of Art History, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

Semenova A. L., Doctor of Philology, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Tarabardina O. A., Candidate of History (Veliky Novgorod)

Tereshkina D. B., Doctor of Philology, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Shmeleva T. V., Doctor of Philology, Professor
(Veliky Novgorod)

Founder and Publisher —

Federal State Budgetary Educational

Institution of Higher Education

“Yaroslav-the-Wise Novgorod State University”

(NovSU)

Postal Address:

173003, Russian Federation, Veliky Novgorod,
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya str., office 1216

Tel.: +7 (8162) 338830 add. 2294

Fax: +7 (8162) 974526

E-mail: enotes@novsu.ru

<https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/>

Memoirs of NovSU

№ 4 (49) 2023

Executive Editor: Makarov V. I.

Camera-ready copy is prepared

by the Memoirs of NovSU editorial staff

Registration Certificate:

El No. FS77-58076 of May 20, 2014, issued by the
Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media

Published no less than 4 times a year

Signed for publication on June 24, 2023

Published on June 30, 2023

Printed by IE Kopyltsov I. P.

349052, Voronezh Region, Voronezh

27-56, Marshala Nedelina str.

Tel.: +7 (950) 765-69-59

E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

© NovSU, 2023

© Authors of articles, 2023

(16+)

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА

1	Бешкарев А. А., Пыстина О. В.	Формирование медиаобраза политической партии в региональном информационном пространстве (на примере Коми отделения КПРФ)	269
2	Потяркин Д. Е.	Справочная правовая система как средство массовой информации (на примере СПС «Консультант Плюс»)	274

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

3	Белоногов А. Л.	Партийный аппарат Ленинграда в 1935—1941 гг.: институциональный аспект	279
4	Васильев Я. А.	О задачах учреждений мелкого кредита в Новгородской области	284
5	Григорьева Н. В.	Роль новгородского музея в сохранении могилы Г.Р.Державина	289
6	Ефимов А. А.	Телефонизация как начальный шаг Департамента уделов по развитию имений Массандра и Ай-Даниль	294
7	Кляшев А. Н.	«Другие» протестанты — смена религиозной идентичности	298
8	Ковалев Б. Н.	Господи, спаси землю русскую! Церковь и пропаганда в годы Великой Отечественной войны	304
9	Колотков М. Б., Зарубина К. А.	История уголовной политики Российского государства (конец 1917 — середина 1918 гг.)	309
10	Кулик С. В.	Добровольное и вынужденное сотрудничество граждан нашей страны с нацистскими оккупантами	313
11	Мухаметзянова-Дуггал Р. М.	Религиозное поведение верующих Башкортостана	317
12	Трушин М. В.	Бактериолог и ректор Императорского Казанского университета Н.М.Любимов в воспоминаниях друзей и коллег	321

ЛИНГВИСТИКА

13	Гиржева Г. Н., Заика В. И.	Житийные топосы как элементы образа персонажа в рассказе Юрия Буйды «Чудо о Буянихе (поэма)»	328
14	Розе Е. Е., Водолажченко Н. В.	Перевод препозитивных атрибутивных кластеров в текстах экологической тематики	335
15	Рыжкова Е. В., Кокконен Е. И.	«Сказочные» карикатуры как инструмент дискредитации в британском политическом дискурсе (на примере The Guardian)	339
16	Станевич С. В., Назарова И. Г.	Комментирование и компилирование медицинской литературы в византийский период Поздней Античности и Раннего Средневековья	347
17	Ткаченко О. А.	Политический нейминг: тенденции и стратегии	352

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

18	Абрамова В. И., Архангельская Ю. В.	Пушкинский миф в фольклоре рунета: биографический аспект	357
19	Боденчук В. А., Шадурский В. В.	История создания и деятельности Новгородской ассоциации пролетарских писателей: вопросы и ответы	362
20	Владимирова Н. Г., Куприянова Е. С.	Интердискурсивность и проблема раздвоенности персонажа (И.Макьюэн «Машины как я» и Дж.Уинтерсон «Хозяйство света»)	367
21	Култышева О. М., Яковинов М. В.	Тематическое разнообразие творчества М. Шульгина	371
22	Харитоновна А. В.	Женские образы в малой прозе А. Варламова	377
23	Юрчук Л. А.	Обходы «со звездой» в контексте святочной обрядности Псково-Печорского Обозерья и Великоречья	382

CONTENTS

MEDIA STUDIES			
1	Beshkarev A. A., Pystina O. V.	Formation of the media image of a political party in the regional information space (on the example of the Komi branch of the communist party)	269
2	Potyarkin D. E.	Reference legal system as a mass media (on the example of RLS "Consultant Plus")	274
HISTORY AND ARCHEOLOGY			
3	Belonogov A. L.	Leningrad Party Apparatus in 1935—1941: Institutional Approach	279
4	Vasil'ev Ya. A.	About the tasks of small-scale credit institutions in Novgorod region	284
5	Grigor'eva N. V.	The role of the Novgorod museum in the preservation of the grave of Gavriil Derzhavin	289
6	Yefimov A. A.	Telephone installation as the initial step of the Department of Provinces for the development of Massandra and Ai-Danil estates	294
7	Klyashev A. N.	"Other" Protestants — change of religious identity	298
8	Kovalev B. N.	Lord, save the Russian land! Church and propaganda during the Great Patriotic War	304
9	Kolotkov M. B., Zarubina K. A.	The History of the criminal policy of the Russian state (late 1917 — mid 1918)	309
10	Kulik S. V.	Voluntary and forced collaboration of Soviet citizens with Nazi occupiers	313
11	Mukhametzhanova-Duggal R. M.	Religious behaviour of believers of Bashkortostan	317
12	Trushin M. V.	Bacteriologist and rector of the Imperial Kazan University N.M. Lyubimov in the memoirs of friends and colleagues	321
LINGUISTICS			
13	Girzheva G. N., Zaika V. I.	Hagiographic topoi as elements of the image of a character in Yuri Buida's story "The Miracle of Buyanikha (The poem)"	328
14	Roze E. E., Vodolazhchenko N. V.	The translation of prepositive attributive chains in the ecological texts	335
15	Ryzhkova E. V., Kokkonen E. I.	"Fairytale" cartoons as a tool for discrediting in British political discourse (a case study of The Guardian)	339
16	Stanevich S. V., Nazarova I. G.	Commenting and compiling medical literature in the Byzantine period of Late Antiquity and Early Middle Ages	347
17	Tkachenko O. A.	Political naming: trends and strategies	352
LITERARY STUDIES			
18	Abramova V. I., Arkhangelskaya Yu. V.	The Pushkin's myth in the Russian internet folklore: biographical aspect	357
19	Bodenchuk V. A., Shadursky V. V.	The history of the creation and activity of the Novgorod Association of Proletarian Writers: questions and answers	362
20	Vladimirova N. G., Kupriyanova E. S.	Interdiscursivity and the problem of the character's split consciousness (Ian MacEwan "Machines Like Me" and Jeanette Winterson "The Lighthouse")	367
21	Kultysheva O. M., Yakovinov M. V.	Thematic variety of M. Shulgina's creativity	371
22	Kharitonova A. V.	Female images in A. Varlamov's short prose	377
23	Yurchuk L. A.	Christmas star in the context of Christmas rituals (Pskov-caves region and Velikaya river basin area)	382

А.А.Бешкарев, О.В.Пыстина

ФОРМИРОВАНИЕ МЕДИАОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ КПРФ)

Целью статьи является выявление способов создания образа региональной политической партии на примере сетевых СМИ и социальных медиа Республики Коми за период с 2020 по 2023 гг. Научная новизна работы заключается во всестороннем анализе региональных сетевых ресурсов, формирующих образ компартии в Республике Коми, что до сих пор не становилось предметом научного осмысления. В результате определено, что образ выбранной для анализа коммунистической партии предстает в региональном медиаполе в трех вариантах в зависимости от типа, аудитории и идеологической направленности сетевого ресурса: положительный — на страницах социальных медиа самого регионального отделения КПРФ; смешанного типа — в телеграм-каналах, представляющих гражданскую журналистику региона; преимущественно негативный — в официальных СМИ Республики Коми.

Ключевые слова: медиаобраз; политическая партия; социальные сети; сетевые СМИ

Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время медиа выступают одним из средств манипуляции и влияния на массовое сознание. Важнейшим инструментом этого воздействия является создание медиаобразов, которые стали неотъемлемой частью современной журналистики. В сфере политики в силу ее информационной природы медиаобразы играют особенно важную роль. При этом в процессе политической коммуникации при создании медиаобразов появились новые непосредственные методы работы с аудиторией с помощью социальных медиа: телеграм-каналов, пабликов, личных аккаунтов, поскольку аудитория СМИ склонна персонифицировать поступающую к ней информацию. «Явления, идеи, политические программы чаще всего ассоциируются с конкретными лицами, стоящими за ними или являющимися их носителями. Персонификация помогает людям ориентироваться в информационном пространстве и основывается на особенностях восприятия сведений общественным сознанием» [1, с. 218].

Теоретической базой настоящего исследования послужили труды, в которых изучаются теоретические и практические аспекты формирования имиджа и медиаобраза, в том числе в социальных сетях и интернет-коммуникации [2, 3], в современных СМИ и других каналах коммуникации [4-6], а также имиджеформирующий потенциал СМИ в разных странах [7].

Массмедиа формируют общественное мировоззрение, и многие объекты действительности человек познает через призму СМИ. При этом, как отмечается в современных исследованиях, «медиаобраз не претендует на объективность, являясь компонентом журналистской картины мира. Он связан с процессом стереотипизации действительности, являясь вторичным образованием по отношению к своему прототипу — предмету речи, существующему в объективной реальности» [8, с. 8].

Деля обзор исследований, посвященных медиаобразу, Ю.Н.Драчева и Е.Н.Ильина обращают внимание на то, что составляет содержательную суть медиаобраза: образ кого или чего изучают специалисты? Обычно это три типа объектов изучения: собственно люди в их персональном или обобщенном представлении, образы неких абстрактных явлений, а также образ территории, государства, города, края и пр., вмещающий в себя локативные, общественно-политические, культурные, языковые и иные составляющие [8, с. 10]. В нашем исследовании указанные составляющие совмещаются, поскольку образ политической партии включает в себя и образ лидера, и абстрактные понятия (идеология), и регион с его особенностями.

Выделяются следующие факторы, которые учитываются при формировании имиджа партии: 1. Программно-идеологическая составляющая (разработка программных документов политических партий, подготовка текстов программных выступлений и интервью лидеров и представителей партий и др.). 2. Событийная составляющая (иницирование политических событий и информационных поводов). 3. Личностная составляющая (знание настроений, требований и установок своих последователей и умение показать, что политик — именно тот, кто полностью отвечает потребностям публики). 4. Внешняя составляющая (разработка выдержанных в схожих стилистических решениях агитационных и информационных материалов, наличие собственной эмблемы, цветовой гаммы) [9, с. 57-62].

Все указанные факторы реализуются в публикациях разных источников. Программно-идеологическая составляющая воплощается прежде всего в собственных медиаресурсах компартии, событийная находит отражение в новостных материалах СМИ и телеграм-каналов региона, личностная развивается в средствах позиционирования лидера партии, а внешняя проявляет себя в визуальном оформлении медиаресурсов. Следовательно, существуют три вида источников, в которых находит отражение образ компартии. Нами они будут рассмотрены в порядке их близости к ее позициям: первоисточник, телеграм-каналы и официальные СМИ.

Образ регионального отделения КПРФ в медиа Республики Коми. В Республике Коми компартия обрела высокую популярность на фоне экологических протестов, в первую очередь после того, как

общественности стало известно о планах строительства полигона для твердых бытовых отходов на железнодорожной станции Шиес на границе региона. Организованный коммунистами митинг 2 июня 2019 г. собрал в Сыктывкаре по разным оценкам от 3,5 до 8 тыс. человек — больше, чем любой другой за историю города.

Для аудитории любая политическая сила персонифицируется в образе ее самого яркого медийного представителя, и в Республике Коми в его роли выступает руководитель Коми регионального отделения КПРФ Олег Михайлов, который осенью 2021 г. победил на выборах в Госдуму РФ.

Далее обратимся к характеристике того, как компартия презентуется в медиаполе Республики Коми.

1. Страницы Коми республиканского отделения КПРФ в социальных сетях. Партия активно ведет страницы в интернете, она представлена в следующих социальных сетях: официальная группа «ВКонтакте» «Люди и события КПРФ. Республика Коми» (численность подписчиков 4445 человек) (<https://vk.com/kprfl1>); официальная страница Олега Михайлова «ВКонтакте» (9400 друзей и подписчиков) (<https://vk.com/mikkomi>); страница партии «ВКонтакте» «Кпрфкоми Агитатор» (1637 подписчиков) (<https://vk.com/kprfnarod>); официальный YouTube-канал «За свободную Коми» (1,71 тыс. подписчиков) (<https://www.youtube.com/channel/UCMCKino7hQfw62cHADZ283g>); официальный телеграм-канал «Komi REDpublic» (367 подписчиков) (<https://t.me/KomiRed>). Партия выбрала несколько наиболее популярных социальных сетей и развивает свои аккаунты в них, что позволяет ей не рассеивать фокус внимания на разные площадки.

1. Страница «Люди и события КПРФ. Республика Коми» оформлена в фирменном цвете партии — красном. На обложке присутствуют qr-коды, позволяющие перейти на другие ее страницы. В нижнем углу размещен адрес электронной почты и телефон, по которым можно осуществлять обратную связь. В группе есть раздел с обсуждениями, где большую часть составляет перечисление статей и законов. Высокая интерактивность страницы формирует представление о партии как об организации, открытой для коммуникации с населением. В блоке «Статьи» представлены речи депутата Олега Михайлова «Перемен требуют наши сердца!», «Невыученные уроки Ивана Морозова» и др., названия которых зачастую строятся на использовании прецедентных текстов, близких современной аудитории. В группе присутствуют материалы, касающиеся проблем региона и страны, публикуются новости компартии и ее программы. Есть посты, обличающие депутатов правящей партии, которые сопровождаются хэштегами *#ГастролеровНамНеНадо*, *#ЧемоданВокзалМосква*, *#ЕдРоВведро*, что отражает идейную направленность региональных коммунистов, связанную с негативной оценкой деятельности некоторых приезжих депутатов и политической централизации.

2. Депутат ведет свою страницу «ВКонтакте», на которой открыты подписки, среди них — паблики коммунистической направленности, новостные ресурсы, познавательные группы. Контент страницы О.Михайлова состоит как из репостов из различных сообществ с комментариями, так и из его собственных постов. Их стиль включает в себя разговорные элементы, например, «кладет болт», что связано со стремлением выглядеть искренним перед своей аудиторией и близким к ней. Кроме того, на странице политика размещены видео его выступлений и реплик на заседаниях в Госдуме.

3. Страница на сайте «ВКонтакте» «Кпрфкоми Агитатор» является агитационной и состоит из репостов из других сообществ. Контент направлен на формирование у аудитории представления о коммунистической идеологии и в меньшей степени ориентируется на новости и события. Из всех ресурсов компартии «ВКонтакте» он является наименее популярным, и число его подписчиков уменьшается.

4. Контент YouTube-канала «За свободную Коми» по большей части состоит из трансляций выступлений Олега Михайлова. В начале каждой трансляции появляется эмблема канала, включающая в себя два флага: коммунистический и альтернативный флаг Республики Коми. Символика альтернативного флага поддерживает образ партии как выступающей за самобытность, уменьшение влияния федеральной власти. В трансляциях депутат обсуждает такие острые темы, как экология, политика, экономика, милитаризм. Во время стримов открыт чат, где каждый желающий может задать свой вопрос.

5. В названии телеграм-канала «Komi REDpublic» присутствует игра слов *red* (красный) и *republic* (республика), которая отсылает к фирменному цвету партии. По большей части данный ресурс является новостным и состоит из кратких заметок о событиях, связанных с политикой, и репостов из телеграм-канала проекта «Новая республика».

Выявление в соцсетях лексико-семантических единиц, обозначающих лидеров и членов регионального отделения КПРФ, позволило определить, что в медийном контексте партийная организация позиционируется как многочисленная группа, выделяющаяся прежде всего на основе должностных признаков (*заведующий организационным отделом Коми рескома КПРФ, первый секретарь местного райкома КПРФ*), а также временных (*ветеран партии, новый член КПРФ*), возрастных (*старшее поколение партийцев, молодые коммунисты-межрайонцы*) и географических (*лидер коммунистов Троицко-Печорска, печорские коммунисты*) особенностей. Авторы, формируя политически ориентированный контент, для обозначения представителей партии используют большое количество номинаций одного семантического поля (*коммунисты Коми, парламентарий*), среди которых значительное место занимают синонимы, в том числе и контекстуальные, формирующие положительный облик представителя компартии (*активисты и союзники КПРФ, комсомольцы-герои*). Можно заключить, что члены КПРФ наделяются лидерскими качествами, а партия показывается как многочисленная и деятельная.

Таким образом, Коми республиканское отделение КПРФ активно представлено в региональном инфополе и развивает свои страницы в социальных медиа. Все ресурсы объединяют узнаваемые образы: коммунистический флаг, красный цвет, а также единый стиль языка публикаций. Помимо этого, для аккаунтов КПРФ характерна возможность осуществления обратной связи со своими избирателями.

2. Освещение деятельности РО КПРФ в телеграм-каналах. Мессенджер Telegram начал набирать популярность в связи с блокировкой Instagram в России весной 2022 г. По данным сайта daily.afisha.ru, 40 млн человек подписались на российские каналы в нем накануне блокировки «Инстаграма» [10] (Instagram, продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России). Мы рассмотрели политические каналы, которые являются самыми крупными по числу подписчиков.

1. Канал «РВК — Раньше всех. Коми» насчитывает 6287 подписчиков и ориентируется на жителей региона, которые хотят оставаться в курсе последних событий. «РВК» подробнее, чем СМИ, освещает деятельность партии. Редакторы нередко прибегают к негативным оценочным суждениям по поводу ситуаций, связанных с КПРФ: *«Еще пока лидер фракции КПРФ, иноагент Виктор Воробьев нашел в числе жалобщиков на него ранее судимого за коррупцию и связи с логиновской ОПГ экс-руководителя Эжвинского РОВД Будякова. Некрасиво получилось»* (<https://t.me/ranshevsex>, 20.04.2022) («включен в реестр иностранных агентов»).

2. Канал «ПолитКоми» с 1220 подписчиками публикует новости региона и освещает резонансные события, связанные с КПРФ: *«Суд принял иск депутата Михайлова к главе Коми Владимиру Уйбе о защите чести и достоинства»* (<https://t.me/northKomi>, 10.06.2022). Авторы обращают внимание на инициативы лидера КПРФ, связанные с проблемами региона: *«Депутат Госдумы Олег Михайлов (КПРФ) в связи с социальной напряженностью в Коми из-за добычи песка возле Сыктывкара предложил ввести ограничение на пользование недрами вблизи населенных пунктов»* (<https://t.me/northKomi>, 16.07.2022). При этом на канале публикуются и мини-расследования, например, касающиеся доходов депутатов Коми, в том числе Олега Михайлова: *«В собственности Михайлова находится полквартиры (общей площадью 54 кв. метра). Еще одна квартира (41,2 кв. м) — в безвозмездном пользовании. Кроме того, ему предоставлена депутатская квартира в Москве (83,6 кв. м)»*.

3. Канал «Усы Печорина» (7489 подписчиков) ориентируется на интересующихся политикой. Сообщество критично оценивает деятельность партии: *«Лидер фракции КПРФ в Коми Виктор Воробьев против ликвидации конституционного суда в Коми. Вопрос — почему. Ответ — потому что можно ловить хайп на национальном вопросе»* (<https://t.me/usipechorina>, 26.11.2021) («включен в реестр иностранных агентов»). Критике подвергается популизм партийцев при отсутствии реальных дел: *«Такое ощущение, что местная КПРФ <...> будет дальше раскачивать политическую лодку в Коми, роняя рейтинг руководства региона и поднимая свой»* (<https://t.me/usipechorina>, 23.01.2023).

4. Общее число подписчиков политического канала «КОМИ ТЕЛЕГА. Что видим — то поем» — 6545. Его авторы анализируют политическую ситуацию в регионе, упоминая успехи О. Михайлова и давая положительные оценки его деятельности: *«Михайлов вопреки негативным прогнозам сделал и еще один прорыв — он сумел выстроить команду и комплексную идеологию, закрепив себя как альтернативу любому кандидату власти в Коми»* (<https://t.me/komitelega>, 30.12.2021). Оценка деятельности лидера компартии в этом медиаресурсе социально обусловлена и является как рациональной, так и эмоциональной: *«Ну а Михайлов демонстрирует государственную логику»* (<https://t.me/komitelega>, 10.02.2023); *«Последние опросы в тг-каналах выдали неожиданную вещь — в Коми оформился популярный политик в классическом смысле, — это Олег Михайлов»* (<https://t.me/komitelega>, 01.03.2021). Положительно оценивается авторами идейное противостояние регионального отдела партии ее центральному руководству и оппонирование региональной власти. Коми отделение КПРФ в постах называют «своенравным», что редакторами оценивается как способ достижения победы (<https://t.me/komitelega>, 26.09.2021).

Таким образом, редакторы телеграм-каналов, как правило, не стремящиеся придерживаться норм профессиональной этики, могут позволить себе больше свободы в оценках и выражениях. Если СМИ (как показывает дальнейший анализ) оценивают деятельность партии внешне объективно либо прибегают к приему умолчания, то телеграм-каналы тяготеют к всестороннему разбору, который порой достаточно критичен по отношению к партии и ее членам. Анализ вербальной репрезентации медиаобразов лидеров компартии позволяет говорить о том, что многочисленную группу составляют лексические единицы, характеризующие партийцев как людей, обладающих организаторскими способностями и получивших доверие населения. Отрицательные характеристики при репрезентации их образов связаны прежде всего с иноагентским статусом и отсутствием конструктивного подхода при решении проблем региона.

3. Освещение работы компартии в республиканских СМИ. Работа со СМИ — одна из важнейших составляющих формирования медиаобраза в политике, поскольку от СМИ зависит, как будет складываться общественное мнение о партии. Нами были рассмотрены публикации с упоминанием КПРФ Коми в трех популярных изданиях Республики Коми по статистике ресурса «Медиалогия» [11].

1. Информационное агентство «Комиинформ» в своих сообщениях акцентирует внимание на негативных моментах деятельности партии: *«Андрей Кичигин: “Я ни разу не видел Михайлова с красным флагом — флагом моего деда, победителя фашизма”»* (<https://komiinform.ru>, 08.12.2022). Например, ряд публикаций был посвящен баннеру с георгиевской лентой, обнаруженному в мусоре возле офиса регионального отделения партии. Первая под заголовком *«Сыктывкарцев возмущил выброшенный во дворе офиса КПРФ баннер с*

георгиевской лентой» (<https://komiinform.ru>. 12.05.2022) содержала в себе видео, в котором прохожая выражала недовольство по поводу того, что баннер находился среди мусора. В дальнейшем упоминания о баннере исчезают, и вместо него появляется номинация «георгиевская лента» — знак памяти о героях Великой Отечественной войны: «*Эксперты прокомментировали скандал с георгиевской лентой в мусоре у офиса КПРФ в Сыктывкаре*» (<https://komiinform.ru>. 20.05.2022). С помощью этого заголовка, привлекающего внимание компрометирующей информацией, автор стремится разоблачить коммунистов как не уважающих историческую память. Издание достаточно часто берет комментарии у экспертов, которые в чем-либо обвиняют партию: «*Ухтинский коммунист обвинил лидера КПРФ Олега Михайлова в отклонении от идеологии партии*» (<https://komiinform.ru>. 30.03.2022). Данные заметки создаются по одному шаблону: после отрицательных высказываний о партии кого-либо из местных политиков СМИ берет у него как у эксперта комментарий и строит на его основе публикацию, дискредитируя имидж партии. У КПРФ складывается следующий образ: ее члены не уважают ветеранов и не следуют собственной идеологии.

2. Публикации ИА «БНК», посвященные РО КПРФ, также обращают внимание на некоторые недостатки в деятельности партии: «*Елена Иванова: "Поведение депутатов от КПРФ в Госсовете Коми для меня неприемлемо"*» (<https://www.bnkom.ru>. 30.11.2022). Упоминаний о КПРФ достаточно много, но поводами для них служат в основном важные события региона, например, выборы: «*По итогам обработки 80% протоколов в Коми на выборах в Госдуму лидируют «Единая Россия» и кандидат КПРФ*» (<https://www.bnkom.ru>. 20.09.2021). Критике подвергается и моральный облик членов партийной организации: «*Депутат Совета района Печоры Алексей Громов (КПРФ) попал на видео в момент драки с депутатом Совета поселения Печоры Виктора Олейника (исключен из ЛДПР в 2022 году)*» (<https://www.bnkom.ru>. 03.01.2023).

3. Издание «КомиОнлайн» с точки зрения стиля публикаций освещает деятельность партии нейтрально, о чем свидетельствуют следующие фрагменты, избегающие оценочных суждений: «*Против лидера фракции КПРФ республиканский парламент ввел еще ряд санкций*» (<https://komionline.ru>. 21.04.2022); «*В мае Сыктывкарский горсуд принял на рассмотрение иск о защите чести, достоинства и деловой репутации, который подал депутат Госдумы России, представитель КПРФ Олег Михайлов*» (<https://komionline.ru>. 07.10.2022). При этом чаще всего поводом для материалов о компартии являются проблемные ситуации: «*Олега Михайлова в Госсовете Коми сменил Виктор Воробьев. Молодой юрист известен своим иском к спикеру Сергею Усачеву*» (<https://komionline.ru>. 10.10.2021) («включен в реестр иностранных агентов»).

Итак, КПРФ фигурирует в новостях, освещающих резонансные события региона: победа на выборах, признание члена партии иностранным агентом и т.д. Однако мероприятия, проводимые партией и направленные на формирование ее имиджа, как правило, игнорируются журналистами, в отличие от организованных партией «Единая Россия». Созданию отрицательного имиджа представителей компартии способствует отбор негативных новостных поводов и экспертных оценок.

Таким образом, политический медиадискурс со свойственной ему институциональностью требует особых средств конструирования образа партии: он складывается из образа лидера, идеологии и особенностей региона, где работает ее отделение. Можно выделить следующие составляющие, которые влияют на формирование имиджа партии: программно-идеологическая, событийная, личностная и визуальная. Медиаобраз Коми отделения КПРФ формируется в первую очередь с помощью медиатекстов, адаптированных к восприятию массовой аудиторией.

Образ компартии в медиаполе Республики Коми по-разному представлен в трех различных сферах медиакommunikации региона. Ресурсы самой компартии и ее лидера О.Михайлова в соцсетях акцентируют такие ее свойства, как открытость к общению, близость к своей аудитории (личностный фактор), способность решать актуальные для Республики Коми проблемы (идеологический и событийный факторы). При этом Коми отделение КПРФ оформляет ресурсы в соцсетях единообразно и узнаваемо (визуальный фактор). Телеграм-каналы, выступающие в качестве гражданской журналистики, не скованные рамками соблюдения этических норм, в зависимости от своей позиции дают положительную или отрицательную характеристику представителей местного отделения компартии: стремление к популярности, личному обогащению или, напротив, бескорыстность и успешность в противостоянии политическим элитам. То есть при создании медиаобраза политической партии в региональном информационном пространстве авторы каналов обращают внимание на событийную и личностную составляющую. Наконец, официальные СМИ региона сосредоточены на личностном и событийном факторах презентации образа, подчеркивая негативные черты коммунистов как политической силы (скандальность, непатриотичность) тематикой публикаций и ссылкой на авторитеты.

1. Корженева О.В. Медиаобразы в массовой политической коммуникации // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2013. № 1. С. 218-226.
2. Ефимова И.Н., Маковейчук А.В. Социальные сети как новый механизм формирования имиджа субъектов политической деятельности // Известия АлтГУ. 2012. № 4-1(76). С. 245-248.
3. Зазыкина Е.В. Символика как составная часть имиджа политической партии // Акмеология. 2005. № 2. С. 69-76.
4. Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации: монография / [научный редактор Е.Н.Ильина]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет. Вологда: ВоГУ, 2022. 329 с.
5. Мельникова Т.С. Политический имидж государственной власти как социально-психологический феномен массового сознания // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 4. С. 149-152.

6. Пеньков В.Ф. Имидж власти или власть имиджа? // Pro nunc. 2006. № 4(7). С. 59-67.
7. Ресурсы массовой коммуникации в формировании страновых имиджей / И.В.Сидорская и др.; под ред. И.В.Сидорской. Минск: БГУ, 2016. 191 с.
8. Драчева Ю.Н., Ильина Е.Н. Введение // Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации: монография / [научный редактор Е.Н.Ильина]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный университет. Вологда: ВоГУ, 2022. С. 7-14.
9. Ханов Г.Г., Чижов Д.В. Имидж политической партии: основные составляющие и методы продвижения // Журнал о выборах. 2006. № 2. С. 57-62.
10. Афанасьева Н. Телеграм в цифрах: в каких странах работает мессенджер и как переживает блокировки [Электр. ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/infoporn/22599-telegram-v-cifrah-v-kakih-stranah-rabotaet-messendzher-i-kak-perezhivaet-blokirovki/> (дата обращения: 17.02.2023).
11. Республика Коми: рейтинг СМИ за 2021 год [Электр. ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/10923/> (дата обращения: 17.02.2023).

References

1. Korzheneva O.V. Mediaobrazy v massovoy politicheskoy kommunikatsii [Media images in mass political communication]. Vestnik SPbGU. Yazyk i literature, 2013, no. 6, pp. 218-226.
2. Efimova I.N., Makoveychuk A.V. Sotsial'nye seti kak novyy mekhanizm formirovaniya imidzha sub"ektov politicheskoy deyatelnosti [Social networks as a new mechanism for the formation of the image of subjects of political activity]. Izvestiya AltGU, 2012, no. 4-1(76), pp. 245-248.
3. Zazykina E.V. Simvolika kak sostavnaya chast' imidzha politicheskoy partii [Symbolism as an integral part of the image of a political party]. Akmeologiya, 2005, no. 2, pp. 69-76.
4. Il'ina E.N., ed. Mediaobraz regiona v sovremennoy massovoy kommunikatsii: monografiya [Media image of the region in modern mass communication: monograph]. Vologda, 2022. 329 p.
5. Mel'nikova T.S. Politicheskii imidzh gosudarstvennoy vlasti kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen massovogo soznaniya [The political image of state power as a socio-psychological phenomenon of mass consciousness]. Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta, 2010, no. 4, pp. 149-152.
6. Pen'kov V.F. Imidzh vlasti ili vlast' imidzha? [The image of power or the power of image?]. Pro nunc, 2006, no. 4(7), pp. 59-67.
7. Sidorskaya I.V., ed. Resursy massovoy kommunikatsii v formirovanii stranovykh imidzhey [Mass communication resources in the formation of country images]. Minsk, 2016. 191 p.
8. Dracheva Yu.N., Il'ina E.N. Vvedenie [Introduction]. Mediaobraz regiona v sovremennoy massovoy kommunikatsii: monografiya. Vologda, 2022, pp. 7-14.
9. Khanov G.G., Chizhov D.V. Imidzh politicheskoy partii: osnovnye sostavlyayushchie i metody prodvizheniya [The image of a political party: the main components and methods of promotion]. Zhurnal o vyborakh, 2006, no. 2, pp. 57-62.
10. Afanas'eva N. Telegram v tsifrakh: v kakikh stranakh rabotaet messendzher i kak perezhivaet blokirovki [Telegram in numbers: in which countries the messenger works and how it survives blocking]. Available at: <https://daily.afisha.ru/infoporn/22599-telegram-v-cifrah-v-kakih-stranah-rabotaet-messendzher-i-kak-perezhivaet-blokirovki/> (accessed: 17.02.2023).
11. Respublika Komi: reyting SMI za 2021 god [Komi Republic: media rating for 2021]. Available at: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/10923/> (accessed: 17.02.2023).

Beshkarev A.A., Pystina O.V. Formation of the media image of a political party in the regional information space (on the example of the Komi branch of the communist party). The purpose of the article is to identify ways to create an image of a regional political party using the example of network media and social media of the Komi Republic for the period from 2020 to 2023. The scientific novelty of the work consists in a comprehensive analysis of regional network resources that form the image of the Communist Party in the Komi Republic, which has not yet been the subject of scientific understanding. As a result, it was determined that, depending on the type, audience and ideological orientation of the network resource, the image of the Communist party chosen for analysis appears in the regional media field in three variants: positive — on the social media pages of the regional branch of the Communist Party itself; mixed — in telegram channels representing the civic journalism of the region; predominantly negative — in the official media of Komi Republic.

Keywords: media image; political party; social networks; network media.

Сведения об авторах. Алексей Александрович Бешкарев — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина; ORCID: 0000-0002-6731-4712; beshi@mail.ru; Ольга Владимировна Пыстина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина; ORCID: 0000-0001-6148-5070; olga-pystina@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 31.05.2023.

Ссылка на эту статью: Бешкарев А.А., Пыстина О.В. Формирование медиаобраза политической партии в региональном информационном пространстве (на примере Коми отделения КПРФ) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 269-273. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).269-273

For citation: Beshkarev A.A., Pystina O.V. Formation of the media image of a political party in the regional information space (on the example of the Komi branch of the communist party). *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 269-273. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).269-273

Д.Е.Потяркин

СПРАВОЧНАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КАК СРЕДСТВО МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СПС «КОНСУЛЬТАНТ ПЛЮС»)

Статья посвящена справочной правовой системе (СПС) в контексте выполняемых ее функций средства массовой информации (СМИ). В первую очередь, СМИ определяется как радио, газета, телевидение, иная традиционная форма распространения информации. Однако технические изменения расширили рамки понятия СМИ. Появились, например, сетевые интернет-издания. Информация некоторых из них основана, в том числе, на материалах, составляющих содержание баз данных. Акцентируется внимание на том, что СПС также обладает признаками СМИ. Справочная система может быть зарегистрирована как электронное периодическое издание. В данной статье применен междисциплинарный подход — с учетом позиций юриспруденции и журналистики рассматривается правомерность расширительного определения СМИ. В частности, определяется, насколько обоснованно говорить о справочных системах как одной из форм СМИ.

Ключевые слова: справочная правовая система, средство массовой информации, правовая информация

Введение. В современных условиях наряду с традиционными СМИ (телевидение, радио и газеты), большую популярность приобрели новые формы распространения информации, в первую очередь, сетевые.

Это связано с развитием технологии Интернета и доступностью техники (компьютеров и мобильных устройств). В результате мы оказались в условиях, когда время для принятия решений стремительно сжимается. В этих обстоятельствах востребована краткая оперативная информация в электронном формате.

Первая правовая информационная система в России появилась в 1976 году с образованием научного центра правовой информации¹. Несмотря на это работа с нормативными правовыми актами (НПА) долгое время проводилась, что называется, вручную; аналитические исследования печатались в специализированных журналах, а правовые новости не были оперативными.

Изменения начались с развитием частных справочных правовых систем.

Системы дают возможность не только легко и быстро работать с НПА. Они также обеспечивают своих читателей актуальным новостным и аналитическим контентом. То есть выполняют функции СМИ — обеспечивают постоянный выпуск правовых новостей и юридической аналитики.

Обзор литературы. В юридической литературе справочные правовые системы изучаются как объект авторских прав, включающий в себя охраняемые результаты интеллектуальной деятельности: базы данных и программы для ЭВМ (О.С.Амосова [1], С.П.Гришаев [2], И.Юрлов [3]). Рассматриваются через призму договора возмездного оказания информационных услуг (Н.А.Дорохова [4], Л.Б.Ситдикова [5]). Определяются и как способ систематизации законодательства, в том числе обеспечивающий открытость и доступность правовой информации (С.В.Липень [6], Г.Г.Егоров [7]).

Аналитические тексты в журналистике, включая юридическую аналитику, исследовал А.А.Тертычный [8]. О полезности при принятии решения, как критерии деловой журналистики, писала в своей работе В.Н.Тищенко [9].

Как регулируются правоотношения в области СМИ подробно изложено И.А.Панкеевым [10]. Такая разновидность СМИ, как сетевые издания, явилась предметом исследований, в частности, А.А.Никитенко [11], Е.М.Пак [12].

На сегодняшний день, можно сказать, нет комплексных научных исследований вопроса, насколько справочная правовая система может относиться к средствам массовой информации.

Методика. Объектом исследования являлись материалы СПС «КонсультантПлюс». Основные документы системы — НПА и информационно-аналитические материалы — расположены, в большей своей части, в двух блоках. По состоянию на 15.03.2023 в блоке «российское законодательство» СПС КонсультантПлюс находилось 439 693 документа, а в блоке «комментарии законодательства» — 151 960.

Большим количеством документов объясняется произвольный отбор информационных и аналитических материалов. Такая выборка оправдала себя, т.к. тексты справочной системы являются стандартизированными, затрагивают узкий набор тем и почти не отличаются друг от друга по структуре и стилю изложения.

Материалы блока комментариев рассматривались не только в направлении от изменений НПА к аналитике. При появлении новых НПА или изменений к ним тот же анализ шел в обратном порядке: от аналитического текста к нормативному источнику его появления.

При изучении новостной части обращалось внимание на общепринятые правила написания новостей, в частности, на соблюдение правил перевернутой пирамиды, стилистику сообщений, наличие всех или некоторых элементов новостного сообщения (заголовки, лид, корпус новости, цитаты, ссылки на источники).

Результаты исследования. Определение средства массовой информации дано в ст. 2 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее — Закон «О СМИ»).

Под ним понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием).

Исходя из этого можно выделить четыре главных элемента СМИ: периодичность, массовая информация, форма распространения, постоянное наименование.

Периодичность и постоянное наименование — элементы, присущие многим сферам деятельности. Только в совокупности с формой распространения массовой информации они имеют значение для квалификации издания как СМИ.

Закон «О СМИ» определяет сообщения и материалы, предназначенные для неограниченного круга лиц, как «массовую информацию» (ст. 2).

Неограниченный круг лиц не означает его неопределенность. Тематика будущего СМИ, указываемая при его регистрации, предопределяет будущую аудиторию. Так, деловые СМИ обеспечивают информацией, в том числе правового характера, людей, принимающих решения на разном уровне.

СМИ, даже узкой специализации, работают с информацией для неперсонализированного читателя. Это обстоятельство является существенным отличием от оказания информационных услуг путем предоставления доступа к СПС или к ее базе данных.

Гражданское законодательство не содержит норм, посвященных данному виду обязательств. В этом случае принято использовать общие положения о возмездном оказании услуг, содержащиеся в главе 39 ГК РФ, и исходить из того, что оказание информационных услуг — это поиск, сбор, переработка информации по заданию заказчика.

Сами по себе сбор и распространение информации не являются уникальными критериями — такая деятельность присуща любой аналитической работе с информацией. Целевая же направленность информационных услуг под индивидуального заказчика несвойственна средствам массовой информации. Задача последних — создавать информационные продукты для неограниченного круга лиц. Решить такую задачу можно с помощью соответствующих форм распространения.

Например, правовой сервер КонсультантПлюс (www.consultant.ru) зарегистрирован как электронное периодическое издание, специализированный правовой сервер (свидетельство² Эл № 77-6731 от 08.01.2003).

Под электронными периодическими изданиями понимаются издания, в которых информация:

- представлена в электронно-цифровой форме,
- прошла редакционно-издательскую обработку,
- имеет выходные сведения, тиражируется и распространяется на машино-читаемых носителях.

В судебной практике «электронное периодическое издание» зачастую используется как синоним «сетевого издания»³. В таких случаях необходимо обращать внимание на контекст и понимать, что «электронное» и «сетевое» относятся друг к другу как общее и частное. Соответственно сетевое издание — разновидность электронного средства массовой информации в форме сайта сети «Интернет», зарегистрированного в качестве средства массовой информации в соответствии с Законом «О СМИ».

Верховный Суд РФ⁴ исходит из того, что сайты в сети Интернет не подлежат обязательной регистрации как средства массовой информации, т.к.

— при распространении информации через сайты отсутствует продукция средства массовой информации,

— любое лицо может иметь доступ из любого места и в любое время к сообщениям и изображениям, составляющим содержание сайта.

Действительно, нет обязанности регистрировать сайт, но нет и запрета делать это. Представляется, что суд сформулировал эту позицию исходя, в первую очередь, из того, что не все сайты работают как СМИ. Большинство из них — визитные карточки юридических и физических лиц.

Сайт Консультант Плюс, например, совмещает обе эти функции. Он содержит:

- краткую информацию о компании (<http://www.consultant.ru/about/>),
- перечень актуальных новостей (<http://www.consultant.ru/legalnews/>),

— ссылку на версию базы данных, к которой предоставлен бесплатный доступ (http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home&utm_source=online&utm_medium=button).

Однако СПС, в отличие от любого другого СМИ, не «публикует» очередной выпуск, не предлагает отдельный архивный номер для интересующихся прошлыми публикациями. Здесь проявляется особенность электронного издания — есть лента новостей, начинающаяся в КонсультантПлюс с 07.05.2015, есть база данных, которая предлагается пользователю целиком.

Насколько материалы этой базы данных являются массовой информацией, квалифицируют ее как СМИ зависит от характеристики этих материалов. В зависимости от статуса текста, размещаемого в СПС, можно выделить:

- 1) нормативные правовые акты,
- 2) информационные сообщения (новости),
- 3) аналитические тексты.

Нормативный правовой акт — официальный письменный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм.

Законы и любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения (ч. 3 ст. 15 Конституции РФ).

Официальным опубликованием считается первое размещение на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) или первая полная публикация в Парламентской газете, Российской газете или Собрании законодательства РФ. В отличие от официальных публикаций размещение правового акта в СПС имеет справочный характер.

В настоящее время практически все нормативные документы находятся в открытом доступе на сайтах соответствующих государственных органов и судебных инстанций. СПС, собирая эти акты в одном месте, обеспечивает не только удобный поиск и работу с ними, но и дополняет их аналитическими и новостными текстами.

Если в новостном сообщении, как правило, один новый инфоповод, то в основе аналитического материала — «жизненная ситуация». Соответственно для ее анализа могут быть использованы несколько инфоповодов, объединенных общей темой, и не обязательно новых.

В обоих случаях все материалы содержат максимально приближенные к инфоповоду тексты. Они изобилуют ссылками на конкретные статьи и пункты НПА, то есть построены по законам формальной логики. В них приводятся идеальные модели, описывается как должно быть. Соответственно эти тексты не про реальную правовую жизнь общества и причины возможных проблем.

Доступ к большей части аналитики возможен только через подписку, в то время как доступ к нормативным документам можно получить и бесплатно. Подобная схема сочетания открытого и платного доступа используется и классическими СМИ. Необходимо оформить подписку, чтобы прочитать определенные материалы, например, РБК (<https://www.rbc.ru/>) и Ведомостей (<https://www.vedomosti.ru/>).

Новостной контент в СПС создается на основе:

- нормативного правового акта или его проекта,
- позиции суда или государственного органа, закреплённой в его документе.

Размещение новостей в СПС не превращает автоматически справочные системы в СМИ. По сути, в этих новостях кратко излагается содержание принятого документа. Они даже не отражают субъективную позицию их автора. Представляется, что их главное назначение — обратить внимание к платной части системы.

Деловые издания в зависимости от читательского интереса могут менять соотношение видов материалов и трансформироваться в универсальные СМИ. Как установила Э.Б.Терченко [13, с. 55], на примере издания «Ведомости», аудиторию перестали интересовать сугубо деловые новости. Ей интересно все, и она готова читать об этом даже на деловом сайте.

В СПС все информационные материалы основываются на имеющихся в системе нормативных актах. Поэтому для повышения привлекательности СПС читателям не могут быть предложены информационные продукты из других областей.

Заключение. Действующее законодательное определение СМИ охватывает все традиционные СМИ. Одновременно с этим оно позволяет рассматривать как СМИ и другие формы предоставления информации. Например, формы, связанные с сетью «Интернет» и базами данных — справочные правовые системы.

У СПС есть регистрация СМИ, постоянное наименование, периодические выпуски новостей и обновлений системы. СПС имеют узкую специализацию, и в ее рамках рассчитаны на широкий круг лиц.

Несмотря на это, представляется, что СПС — это квазиСМИ. Ядро справочной системы составляют нормативные правовые акты. Информационный блок целиком произведен от него, и создается как оперативная и доступная форма ознакомления с новыми или наиболее востребованными документами. Аналитические тексты представляют собой комментарии законодательства, а не отражение правовой стороны жизни общества. Каждый абзац аналитического текста подкреплен ссылкой на нормативный акт, и подчас стопроцентно копирует его содержание.

СПС не имеет всего спектра правовой информации — нет критических исследований о принятых решениях, нет предложений о возможных путях изменения законодательства и судебной практики. СПС не позволит себе критику правоприменительной практики. Все это остается в руках традиционных СМИ, в целом, и журналиста, в частности, а именно: замечать, расследовать, интервьюировать и показывать жизнь российской правовой системы.

Примечания

1. Информационный рынок в России / Ю.М.Арский, Р.С.Гильяревский, В.С.Егоров, Г.З.Залаев, Н.Т.Клещев, А.С.Комаров, А.Н.Лаверов, И.И.Родионов, В.А.Цветкова, А.Г.Чесноков. М.: ВИНТИ, 1996. С. 74.
2. Перечень наименований зарегистрированных СМИ // <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/?id=230676&page=> (дата обращения: 16.03.2023).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.12.2020 № 5-КГ20-96-К2 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=FlgIqNTa47HTqOuE2&cacheid=6AA3FC177365DBBBF8C047EC687C5298&mode=splus&rnd=rXmBMQ&base=ARB&n=651380#pd0JqNT2B3lrUHnT1> (дата

- обращения: 23.02.2023). Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18.11.2020 № Ф10-3068/2020 по делу № А83-14991/2018 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=DXhHgWtkWx2NclY9&cacheid=9174DB3828EC964347E36728B65D4DB3&mode=splus&rnd=NhTvA&base=ACN&n=128376#NEiHgWTlae8VTdiO> (дата обращения: 23.02.2023).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации” (п. 6)» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101401/ (дата обращения: 16.03.2023).
1. Амосова О.С. Справочные правовые системы как объект гражданских прав: понятие и этапы развития // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*. 2013. № 6. С. 208-212.
 2. Гришаев С.П., Амосова О.С. Справочные правовые системы как объект гражданских прав // *Хозяйство и право*. 2013. № 6. С. 13-21.
 3. Юрлов И. Бадам данных нужна защита [Электр. ресурс] // *Эж-Юрист*. 2011. № 43. URL: <https://center-bereg.ru/b4623.html> (дата обращения: 16.03.2023).
 4. Дорохова Н.А. Договоры об информационно-правовом обслуживании // *Информационное право*. 2011. № 2. С. 16-20.
 5. Ситдикова Л.Б. Теория и практика применения законодательства в вопросе заключения и расторжения договора возмездного оказания информационных услуг // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2008. № 2. С. 23-27.
 6. Липень С.В. Законы о нормативных правовых актах стран СНГ — индикаторы процессов информатизации и цифровизации системы законодательства // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 8. С. 22-33.
 7. Егоров Г.Г. Эффективность справочных правовых компьютерных систем как фактор улучшения качества систематизации российского законодательства // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2014. № 4. С. 75-80.
 8. Тertychnyy A.A. Аналитическая журналистика. М., 2020. 351 с.
 9. Тищенко В.Н. Деловая журналистика: типология и видовые признаки // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2014. № 12. С. 137-145.
 10. Панкеев И.А. Правовое регулирование СМИ. М., 2019. 372 с.
 11. Никитенко А.А. Интерактивность, мультимедийность, гипертекстуальность как детерминирующие типологические признаки сетевых изданий // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. 2009. № 1. С. 159-166.
 12. Пак Е.М. Сетевые издания: истоки формирования и особенности функционирования // *Журналистский ежегодник*. 2012. № 1. С. 79-82.
 13. Терченко Э.Б. Читательские предпочтения аудитории делового издания (на примере сайта газеты «Ведомости») // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. 2020. № 1. С. 42-58.

References

1. Amosova O.S. Spravochnyye pravovyye sistemy kak obyekt grazhdanskikh prav: ponyatiye i etapy razvitiya [Reference legal systems as an object of civil rights: concept and stages of development]. *Fundamentalnyye i prikladnyye issledovaniya: problemy i rezultaty*, 2013, no. 6, pp. 208-212.
2. Grishayev S.P., Amosova O.S. Spravochnyye pravovyye sistemy kak obyekt grazhdanskikh prav [Reference legal systems as an object of civil rights]. *Khozyaystvo i pravo*, 2013, no. 6, pp. 13-21.
3. Jurlov I. Bazam dannikh nuzhna zashita [Databases need protection]. *EJ-Lawyer*, 2011, no. 43. Available at: <https://center-bereg.ru/b4623.html> (accessed: 16.03.2023).
4. Dorokhova N.A. Dogovory ob informatsionno-pravovom obsluzhivani [Agreements on information and legal services]. *Informatsionnoye pravo*, 2011, no. 2, pp. 16-20.
5. Sitdikova L.B. Teoriya i praktika primeneniya zakonodatelstva v voprose zaklyucheniya i rastorzheniya dogovora vozmeznogo okazaniya informatsionnykh uslug [Theory and practice of the application of legislation in the matter of concluding and terminating a contract for the provision of information services for compensation]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, 2008, no. 2, pp. 23-27.
6. Lipen S.V. Zakony o normativnykh pravovykh aktakh stran SNG – indikatory protsessov informatizatsii i tsifrovizatsii sistemy zakonodatelstva [Laws on normative legal acts of the CIS countries — indicators of the processes of informatization and digitalization of the legislative system]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava*, 2019, no. 8, pp. 22-33.
7. Yegorov G.G. Effektivnost spravochnykh pravovykh kompyuternykh sistem kak faktor uluchsheniya kachestva sistematsizatsii rossiyskogo zakonodatelstva [Efficiency of reference legal computer systems as a factor in improving the quality of systematization of Russian legislation]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2014, no. 4, pp. 75-80.
8. Tertychnyy A.A. Analiticheskaya zhurnalistika [Analytical journalism]. Moscow, 2020. 351 p.
9. Tishchenko V.N. Delovaya zhurnalistika: tipologiya i vidovyye priznaki [Business journalism: typology and specific features]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedeniye*, 2014, no. 2, pp. 137-145.
10. Pankeyev I.A. Pravovoye regulirovaniye SMI [Legal regulation of the media]. Moscow, 2019. 372 p.
11. Nikitenko A.A. Interaktivnost, multimediynost, gipertekstualnost kak determiniruyushchiye tipologicheskiye priznaki setevykh izdaniy [Interactivity, multimedia, hypertextuality as determining typological features of online publications]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2009, no. 1, pp. 159-166.
12. Pak E.M. Setevyye izdaniya: istoki formirovaniya i osobennosti funktsionirovaniya [Online publications: origins of formation and features of functioning]. *Zhurnalistkiy yezhegodnik*, 2012, no. 1, pp. 79-82.
13. Terchenko E.B. Chitatelskiye predpochteniya auditorii delovogo izdaniya (na primere sayta gazety Vedomosti [Reader preferences of the audience of a business publication (on the example of the website of the Vedomosti newspaper)]. *Vestnik Mosk. un-ta, Ser. 10, Zhurnalistika*, 2020, no. 1, pp. 42-58.

Potyarkin D.E. Reference legal system as a mass media (on the example of RLS “Consultant Plus”). The main task of the legal reference system (LRS) is to facilitate the search and analysis of legal documents — regulatory (normative) legal acts, information messages and analytical materials. All texts, contained in the LRS, regardless of legal status, have a common legal specialization. The content of the system, its main core are normative legal acts. With the development of the system, information and analytical materials begin to play an important role in it. Such texts can be compared with publications generally accepted in journalism, especially in online media. All LRS content is intended for an indefinite circle of people — it is not formed for a specific customer. LRS has its own permanent name, daily releases of information materials. Finally, its electronic form of distribution is registered as mass media. The listed formal criteria raise the question of whether LRS can be considered as an unconventional form of mass media.

Keywords: reference legal system, mass media, legal information.

Сведения об авторе. Денис Евгеньевич Потяркин — кандидат юридических наук; АО «Консультант Плюс — Новые Технологии», ведущий юрист-аналитик; ORCID: 0009-0009-7336-073X; denis.potyarkin@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 31.05.2023.

Ссылка на эту статью: Потяркин Д.Е. Справочная правовая система как средство массовой информации (на примере СПС «Консультант Плюс») // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 274-278. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).274-278

For citation: Potyarkin D.E. Reference legal system as a mass media (on the example of RLS “Consultant Plus”). Memoirs of NovSU, 2023, no. 4(49), pp. 274-278. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).274-278

А.Л.Белоногов

ПАРТИЙНЫЙ АППАРАТ ЛЕНИНГРАДА В 1935—1941 ГГ.: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается структура ленинградских партийных органов и процессы ее эволюции во второй половине 30-х гг. XX в. Показана динамика изменения численного состава ответственных работников руководящих органов Ленгоркома — бюро, секретариата и ключевых отделов его аппарата, а также районных комитетов ВКП(б) Ленинграда. Проведенный в работе анализ структуры различных органов ленинградской партийной организации позволил выявить основные направления, методы и региональную специфику их работы, а также раскрыть механизмы взаимодействия партийных структур между собой. В статье прослеживается механизм принятия ключевых в масштабе города решений, включая назначения и снятия с должности ответственных работников различного ранга. В работе сделаны выводы о причинах и последствиях структурной и функциональной эволюции партийного аппарата Ленинграда, об усилении или ослаблении партийного контроля над различными институтами и организациями города.

Ключевые слова: Ленинградский горком ВКП(б), партийный аппарат, руководящие ответственные работники, бюро горкома, секретариат горкома, региональные партийные структуры

Темой исторических исследований нередко становится функционирование партийных структур различного уровня, вопросы их формирования и кадровая политика. Некоторые работы посвящены деятельности партийных структур в отдельных регионах — в Смоленске, в Киеве, в Тверской (Калининской) области, в Сибири, на Урале, а также в Ленинграде [1-8]. Помимо этого затрагиваются вопросы продвижения по службе региональных секретарей, экономической политики партии в годы индустриализации, общие вопросы работы партийных органов в регионах [9]. Однако сравнительно малоисследованными остаются процессы изменения, происходившие в партийном аппарате Ленинграда в конце 1930-х гг.

К 30-м гг. XX в. в СССР была достигнута определенная стабилизация и унификация структурных подразделений партийной и государственной власти. К этому моменту завершился процесс перетекания властных полномочий от советских органов к партийным, а также от представительных к исполнительным, то есть фактически ключевые решения в это время принимались исполнительными партийными органами высшего уровня [6, с. 35]. Ситуация, сложившаяся в Ленинграде, не являлась исключением.

Ленинградская организация ВКП(б) в 30-е гг. XX в. насчитывала более 100 тыс. коммунистов, объединенных примерно в 2—3 тыс. первичных ячеек. В этот период в ней боролись две разнонаправленные тенденции. Процессы индустриализации приводили к росту числа первичных ячеек, что требовало пропорционального увеличения партийного и государственного аппарата управления, разукрупнения районов города и создания в них новых райкомов. Одновременно с этим целая серия партийных чисток, последовательно проводимых в те же годы, естественным образом уменьшала численность коммунистов в Ленинграде. В течение второй половины 1930-х гг. их количество в ленинградской партийной организации увеличивалось, однако темпы роста были относительно небольшими. Так, на 1 июля 1937 г. она включала в себя 127 645 коммунистов [10], а к 1941 г. их численность достигла 151 793 человек [11, с. 152].

В 1935 г. город подразделялся на десять районов, однако впоследствии в целях оптимизации системы управления и выращивания партийных кадров была проведена административная реформа, вследствие чего к 1937 г. количество районов города увеличилось практически вдвое за счет разделения наиболее крупных из них.

Процедура избрания руководства городской партийной организации была такова: сначала организовывались выборы в первичных партийных ячейках, которые выдвигали делегатов на районные партконференции. На них избирались делегаты городских партконференций, каждый из которых по состоянию на 1938—1940 гг. представлял примерно 150—200 членов партии с решающим голосом [12, 13, л. 2]. На городской партконференции из числа её делегатов избирался Ленинградский горком ВКП(б). Таким образом, руководящие органы ленинградской партийной организации формировались по многоступенчатому территориально-производственному принципу. На практике зачастую состав делегатов партконференций и руководящих органов партийной организации регулировался административно [8, с. 83].

Пленум горкома проводился не реже 2 раз в год; в его состав в 1935 г. входило 70 членов и 20 кандидатов [14]. На Пленуме избиралось бюро, количество членов которого, согласно п. 40 Устава ВКП(б) 1934 г., не могло превышать 11 работников и двух секретарей — первого и второго, утверждаемых ЦК [15]. Новый Устав ВКП(б), принятый в 1939 г. (п. 45), позволял вводить в состав бюро горкома 4—5 секретарей (первого, второго и третьего секретаря, а также секретарей по кадрам и по пропаганде), при этом предельное число членов бюро по-прежнему не могло превышать 11 человек [16]. Каждый из секретарей курировал те или иные отделы аппарата горкома. Увеличение числа секретарей, появление должностей секретаря по кадрам и по пропаганде было не случайным: оно было связано с усложнением системы городского хозяйства и промышленности и отражало приоритеты партийного руководства Ленинграда, которое стремилось сделать акцент прежде всего на вопросах подбора кадров и пропаганды.

В состав бюро горкома в 1930-е гг. в разное время входило от 4 до 10 членов и от 2 до 4 кандидатов. В бюро могли входить заведующие ключевых отделов горкома, начальник Ленинградского управления НКВД и по должности — председатель президиума Ленсовета. Последние два должностных лица включались в бюро обычно методом кооптации без проведения формального голосования. Таким образом, в 30-е гг. XX в. можно наблюдать своеобразное «персональное сращивание» партийного аппарата, советского аппарата и органов НКВД. Кроме того, на заседание бюро могли вызываться секретари райкомов и члены ревизионной комиссии.

Секретариат собирался как правило в составе секретарей горкома и вызванных ответственных работников, в зависимости от того, какие вопросы были поставлены на обсуждение. Секретариат был более узким по составу, имел четко прописанные полномочия в решении определенного круга вопросов, и «специализировался» главным образом на приеме, исключении и восстановлении в партии, а также на кадровых вопросах, в то время как бюро занималась всеми проблемами партийной организации города и спектр проблем, выносившихся на его заседания, обычно был более широким.

Спецификой Ленинграда и Москвы было то, что с 1931 по 1950 г. должности первого секретаря Ленинградского горкома и обкома совмещались одним лицом [8, с. 80]. С 1934 по 1945 г. эту должность бессменно занимал А.А.Жданов, который, однако, лично присутствовал на заседаниях бюро и секретариата не часто. Секретари Ленинградского горкома, как и члены бюро, избирались на его пленуме, а затем утверждались ЦК [14, л. 6]. В отличие от Жданова, остальные члены бюро и секретариата менялись достаточно часто.

В соответствии с принятым в 1935 г. календарём заседаний горкома, секретариат и бюро собирались дважды в месяц [17, л. 88]. С июля 1938 г. по предложению А.Жданова бюро должно было собираться 3 раза в месяц, при этом на повестку дня очного заседания предполагалось выносить не более трех вопросов одновременно [18, л. 1]. Это решение было связано прежде всего с усложнением процессов управления в Ленинграде и с необходимостью обеспечить более тщательный партийный контроль над ними со стороны бюро. Большая часть решений в бюро и секретариате принималась методом опросного голосования, однако наиболее важные вопросы рассматривались на очных заседаниях с участием вызванных ответственных работников, не входивших в бюро. Тематика обсуждаемых вопросов включала в себя три примерно равных компонента: партийно-кадровый, хозяйственный и культурно-массовый.

В аппарате Ленинградского горкома работало 7—8 отраслевых отделов. Одним из ключевых подразделений аппарата горкома был созданный в 1935 г. отдел партийных кадров — он давал заключения по назначению и перемещению всех сотрудников, входящих в номенклатуру горкома, а его заведующим был второй секретарь [19, л. 37]. Необходимо отметить, что кандидатуры заведующих отделами Ленгоркома в обязательном порядке выносились на утверждение ЦК, а заместителей заведующих бюро горкома утверждало самостоятельно.

В 1939 г. после XVIII съезда ВКП(б) и принятия нового Устава партии в аппарате горкома произошли структурные изменения: взамен существовавших ранее отделов были созданы новые: отдел кадров, организационно-инструкторский отдел, отдел городского хозяйства и военный отдел. В функции последнего входило оказывать помощь военным органам в области постановки на воинский учет, организации призыва и мобилизации [8, с. 86-87]. Появление военного отдела в структуре партийного аппарата города прежде всего можно связать с нарастанием военной угрозы в конце 1930-х гг. и с расположением Ленинграда в непосредственной близости от государственной границы.

Из созданных структурных подразделений самым большим стал отдел кадров, количество ответственных работников которого в 1939—1940 гг. колебалось в диапазоне 56—68 человек. Важно отметить, что заведующим отдела кадров был по совместительству секретарь горкома (секретарь по кадрам), что свидетельствовало о ключевой позиции отдела в ленинградском партийном аппарате. Сектора отдела кадров в значительной степени соответствовали прежним производственно-отраслевым отделам горкома, но отличались от них по функциональному предназначению.

По численности персонала оргинструкторский отдел и отдел пропаганды и агитации уступали отделу кадров и находились на второй позиции в иерархической структуре партийного аппарата города. Новыми относительно небольшими производственно-отраслевыми подразделениями горкома, созданными в начале 1940 г., стали следующие отделы: оборонной промышленности, машиностроительной промышленности, электростанций и электропромышленности, судостроительной промышленности, пищевой промышленности и торговли, строительства и городского хозяйства, а также промышленный отдел. Исходя из этого списка, можно сделать вывод о том, развитие каких отраслей промышленности было приоритетной задачей для ленинградского партийного аппарата. В этот период для оптимизации процессов руководства ключевыми отраслями промышленности требовался точечный подход, что приводило к созданию в аппарате Ленгоркома узкоспециализированных отделов, каждый из которых контролировал одно из приоритетных направлений. Их появление можно также связать с поиском новой эффективной организационной структуры органов власти в условиях нарастания военной угрозы.

В совокупности на июль 1939 г. штат ответственных работников горкома насчитывал 146 человек, а с учетом секретарей и их помощников — 152 человека. К февралю 1940 г. штаты ранее существовавших отделов Ленинградского горкома были сокращены на 29 единиц [20, л. 4]. Однако за счет создания в аппарате горкома семи новых производственно-отраслевых отделов в начале 1940 г. общее количество ответственных работников возросло до 168 человек. В последующие годы происходил дальнейший рост количества сотрудников горкома

— к 1941 г. их число достигло 200 человек и оставалось примерно на этом уровне до 1948 г. [8, с. 90]. Основная причина роста численности ленинградского партаппарата была связана с необходимостью адаптировать структуру органов власти к новым условиям — усложнению и диверсификации промышленности и городского хозяйства, происходившим в этот период времени.

Ответственными работниками Ленгоркома и райкомов были сотрудники, занимавшие должность от инструктора отдела и выше, при этом более половины работников аппарата занимали должности инструкторов. В их обязанности входила работа с первичными парторганизациями, сбор информации по тем или иным вопросам и подготовка материалов для заседаний бюро и секретариата. Назначение всех ответственных работников райкомов утверждалось решением вышестоящего партийного комитета—бюро горкома. Техническими работниками были машинистки, стенографистки, статистики, бухгалтеры, делопроизводители и др.

Механизм назначения и снятия с должности ответственных работников аппарата горкома, согласно утвержденному порядку, был таков: предложения готовил отдел парткадров (с 1939 г.— отдел кадров) при участии особого сектора, а затем вопрос выносился на заседание бюро или секретариата для формального утверждения [21, л. 3].

Принцип формирования партийного аппарата на уровне районов Ленинграда был схож с организацией аппарата горкома. В пленумы райкомов Ленинграда входило как правило от 55 до 65 членов [22, л. 9]. В бюро райкома по Уставу ВКП(б) 1934 г. могло входить от 5 до 7 человек [15], а по Уставу 1939 г. — от 7 до 9 человек и трех секретарей райкома [16]. Кандидатуры секретарей и членов бюро выдвигались райкомами по согласованию с профильным отделом горкома (отделом кадров или сектором кадров парторганизаций), а затем утверждались на бюро. При этом согласно 53 параграфу Устава ВКП(б) на должность секретаря райкома мог быть выдвинут работник, имеющий партийный стаж не менее трех лет. Нарушение райкомами этого правила могло приводить к отклонению выдвинутой кандидатуры на бюро горкома.

Согласно обобщенным данным по 7 районам Ленинграда, с февраля 1934 по февраль 1935 г. пленум райкома в среднем созывался 1 раз в 1—2 месяца, а бюро собиралось 2—3 раза в месяц [23, л. 15]. Все ключевые решения принимались обычно на заседаниях бюро, а пленумы райкомов, по свидетельству самих руководителей городской парторганизацией, превращались в торжественно-парадные собрания [22, л. 9]. Повестка дня заседаний бюро райкомов была схожа с повесткой заседаний бюро горкома. Согласно тем же обобщенным данным, на заседаниях бюро рассматривались следующие вопросы: партийная работа и выдвижение партийных кадров, промышленное развитие, вопросы культуры и массовой работы, снабжения, торговли и общественного питания, коммунального хозяйства, советской работы и разное.

В рамках одного заседания могли обсуждаться как кадровые вопросы, связанные с номенклатурными назначениями, так и сугубо бытовые и хозяйственные проблемы города— заготовка дров, работа столовых, общественного транспорта, завоз овощей и фруктов в Ленинград и т.д. Оставшиеся вопросы, которые проходили под рубрикой «разное», могли быть связаны, например, с оборонной работой, ПВО и т.д. [24, л. 27]. Около половины вопросов решалась на бюро райкомов методом опросного голосования: так в Смольнинском районе с февраля 1934 г. по февраль 1935 г. опросом было решено 337 вопросов из 704, поставленных на повестку дня [23, л. 15].

Как и на городском уровне, в аппарате райкомов для обеспечения текущей работы создавались отраслевые отделы. В общей сложности в структуру райкома в середине 30-х гг. XX в. входило 8 отделов, причём только во главе пяти из них стояли заведующие, а три оставшихся были представлены лишь одним сотрудником в должности помощника заведующего. Заведующим отделом парткадров по совместительству как правило был второй секретарь райкома [25, л. 104].

Согласно штатному расписанию, утвержденному на апрель 1936 г., в большинстве райкомов Ленинграда работало от 22 до 26 ответственных работников разного уровня и 15 технических работников. Совокупный штат ответственных работников райкомов Ленинграда в 1936 г. по сравнению с 1935 г. был увеличен примерно в 2 раза: сначала с 212 до 368 человек, а после разукрупнения Пригородного района — до 425 человек. За тот же период количество технических работников райкомов возросло с 111 до 230 человек. В последующие годы продолжался дальнейший количественный рост сотрудников аппарата райкомов Ленинграда. В 1939 г. в райкомах работало уже около 1100 сотрудников, более 735 из которых были ответственными работниками и почти 379 — техническими. Таким образом, во второй половине 30-х гг. XX в. количество ответственных работников райкомов Ленинграда возросло примерно в 3 раза. Впоследствии совокупный штат ответственных работников районных комитетов партии Ленинграда несколько уменьшился и к 1941 г. составил 587 человек, а в 1948 г. вновь увеличился и практически вернулся к прежнему значению — 699 человек [8, с. 90]. Эти тенденции свидетельствуют, во-первых, об усложнении процессов административного управления в Ленинграде в 30-е гг. XX в., и, во-вторых, об увеличении роли партии в регулировании этих процессов. Однако не всегда вакансии в райкомах и Ленгоркоме были заполнены: партийные органы Ленинграда в 1930-е гг. испытывали существенный кадровый голод. В силу этого один и тот же ответственный работник мог по совместительству возглавлять два отдела либо заместитель заведующего отделом мог в течение достаточно продолжительного времени исполнять обязанности заведующего [26, л. 53].

В середине 30-х гг. XX в. в райкомах Ленинграда были представлены следующие должности ответственных работников: первый и второй секретари (с 1938 г. также третий секретарь), помощники

секретаря (один или несколько), пять заведующих отделами (иногда также заместители заведующих) и от 11 до 13 инструкторов в зависимости от размеров того или иного района. При этом каждый из последних был прикреплен, как правило, к одному из отделов. Инструкторы с точки зрения своего статуса и материального положения стояли внизу данной иерархической пирамиды.

Таким образом, во второй половине 30-е гг. XX в. в Ленинграде наблюдался постепенный рост количества коммунистов, который периодически приостанавливался в связи с различными кампаниями партийных чисток, но затем снова возобновлялся. На основе анализа работы ленинградского партийного аппарата можно сделать вывод, что основными тенденциями во второй половине 30-х гг. XX в. было увеличение количества как структурных подразделений, так и партийных работников, занятых в горкоме и райкомах Ленинграда. Появление новых производственно-отраслевых отделов и рост числа секретарей в структуре партийного аппарата было связано с усложнением системы управления мегаполисом, индустриализацией, развитием и диверсификацией промышленности города и, соответственно, с созданием новых первичных партийных ячеек. Все это требовало пропорционального роста числа ответственных работников ленинградского партийного аппарата, увеличения числа секретарей в горкоме и райкомах, а также введения должностей секретаря по кадрам и секретаря по пропаганде для обеспечения контроля над развитием ключевых отраслей городского хозяйства. Кроме того, в 30-е гг. XX в. можно наблюдать «персональное сращивание» партийного аппарата, советского аппарата и органов НКВД.

Основой работы Ленгоркома в условиях нарастания военной угрозы был подбор эффективных кадров для решения задач, поставленных высшим руководством страны, что постепенно происходило во второй половине 30-х гг. XX в. При этом, судя по появлению новых производственно-отраслевых отделов в структуре партийного аппарата, приоритет отдавался таким направлениям, как машиностроение, судостроение, электроэнергетика, строительство, легкая и пищевая промышленность.

1. Фэйнсод М. Смоленск под властью Советов. Смоленск, 1995. 493 с.
2. Harris J.R. The Great Urals: regionalism and the evolution of the Soviet system. New York, 1999. 235 p.
3. Boterbloem K. Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945—1953. Montreal, 1999. 448 p.
4. Блэквелл М. Дж. Воссоздание коммунистической партии в Киеве после нацистской оккупации. 1943—1946 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 163-170.
5. Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945—1964). Кемерово, 2005. 311 с.
6. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. 292 с.
7. Стефаненко А.Ю. Инициативные группы и внутрипартийная оппозиция: случай Ленинградского Горного Института (1925—1939 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4(37). С. 397-401. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).397-401
8. Болдовский К.А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «Ленинградского дела». СПб., 2018. 310 с.
9. Мохов В.П. Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000. 204 с.
10. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 2. Д. 1400.
11. Болдовский К.А. Аппарат Ленинградской городской партийной организации в 1945—1948 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 149-162.
12. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1293.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 2587.
14. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 30.
15. Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) 1934 года [Электр. ресурс]. URL: <http://opentextnn.ru/history/istorija-rossii/istorija-gosudarstvennogo-upravlenija-posle-1917-g/library-istorija-gosudarstvennogo-upravlenija-posle-1917-g/ustavy-rsdrp-rkp-b-vkrp-b-kpss/ustav-vkrp-b-1934-g> (дата обращения: 22.02.2023).
16. Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) 1939 года [Электр. ресурс]. URL: <https://opentextnn.ru/history/istorija-rossii/istorija-gosudarstvennogo-upravlenija-posle-1917-g/library-istorija-gosudarstvennogo-upravlenija-posle-1917-g/ustavy-rsdrp-rkp-b-vkrp-b-kpss/ustav-vsesojuznoj-kommunisticheskoy-partii-bolshevikov-1939-g> (дата обращения: 22.02.2023).
17. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 80.
18. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1321.
19. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 863.
20. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 2557.
21. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1324.
22. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 2558.
23. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2в-1. Д. 1376.
24. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1864.
25. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 292.
26. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 912.

References

1. Feynsod M. Smolensk pod vlast'yu Sovetov [Smolensk under Soviet Rule]. Smolensk, 1995. 493 p.
2. Harris J.R. The Great Urals: regionalism and the evolution of the Soviet system. New York, 1999. 235 p.
3. Boterbloem K. Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945—1953. Montreal, 1999. 448 p.
4. Blekvell M. Dzh. Vossozdanie kommunisticheskoy partii v Kieve posle natsistskoy okkupatsii. 1943—1946 gg. [Reestablishment of the Communist Party in Kiev after the Nazi Occupation. 1943—1946]. Noveyshaya istoriya Rossii, 2011, no. 2, pp. 163-170.

5. Konovalov A.B. Partiy'naya nomenklatura Kuzbassa v gody "poslevoennogo stalinizma" i "ottepeli" (1945—1964) [Party Nomenclature of Kuzbass Region during the "Postwar Stalinism" and "Thaw" period (1945—1964)]. Kemerovo, 2005. 311 p.
6. Chistikov A.N. Partiyno-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-zapada Sovetskoj Rossii 1920-kh godov [Party and State Bureaucracy in the North-Eastern part of the Soviet Russia in the 1920s]. St. Petersburg, 2007. 292 p.
7. Stefanenko A.Yu. Initsiativnye gruppy i vnutripartiynaya oppozitsiya: sluchay Leningradskogo Gornogo Instituta (1925—1939 gg.) [Initiative groups and inner-party opposition: the case of Leningrad Mining Institute (1925—1939)]. Memoirs of NovSU, 2021, no. 4(37), pp. 397-401. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).397-401
8. Boldovskiy K.A. Padenie "blokadnykh sekretarej". Partapparat Leningrada do i posle "Leningradskogo dela" [The Fall of "Blockade Secretaries". Leningrad Party Apparatus before and after the "Leningrad Case"]. St. Petersburg, 2018. 310 p.
9. Mokhov V.P. Elitizm i istoriya: Problemy izucheniya sovetskikh regional'nykh elit [Elitism and History: Studying Regional Soviet Elites]. Perm', 2000. 204 p.
10. Tsentr'al'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb) [Central state archive of historical and political documents of Saint Petersburg]. F. 25. Op. 2. D. 1400.
11. Boldovskiy K.A. Apparat Leningradskoy gorodskoy partiynoy organizatsii v 1945—1948 gg. [Apparatus of the Leningrad City Party Organization in 1945—1948]. Noveyshaya istoriya Rossii, 2011, no. 2, pp. 149-162.
12. TsGAIPD SPb. F. 25. Op. 2. D. 1293.
13. TsGAIPD SPb. F. 25. Op. 2. D. 2587.
14. TsGAIPD SPb. F. 25. Op. 2. D. 30.
15. Ustav Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov) 1934 goda [All-Union Communist Party (Bolsheviks) Charter of 1934]. Available at: <http://opentextnn.ru/history/istoriya-rossii/istoriya-gosudarstvennogo-upravleniya-posle-1917-g/library-istoriya-gosudarstvennogo-upravleniya-posle-1917-g/ustavy-rsdrp-rkp-b-vkp-b-kpss/ustav-vkp-b-1934-g> (accessed: 22.02.2023).
16. Ustav Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov) 1939 goda [All-Union Communist Party (Bolsheviks) Charter of 1939]. Available at: <https://opentextnn.ru/history/istoriya-rossii/istoriya-gosudarstvennogo-upravleniya-posle-1917-g/library-istoriya-gosudarstvennogo-upravleniya-posle-1917-g/ustavy-rsdrp-rkp-b-vkp-b-kpss/ustav-vsesoyuznoj-kommunisticheskoy-partii-bolshevikov-1939-g> (accessed: 22.02.2023).
17. TsGAIPD SPb. F. 25. Op. 2. D. 80.
18. TsGAIPD SPb. F. 25. Op. 2. D. 1321.
19. TsGAIPD SPb. F. 25. Op. 2. D. 863.
20. TsGAIPD SPb. F. 25. Op. 2. D. 2557.
21. TsGAIPD SPb. F. 25. Op. 2. D. 1324.
22. TsGAIPD SPb. F. 25. Op. 2. D. 2558.
23. TsGAIPD SPb. F. 25. Op. 2v-1. D. 1376.
24. TsGAIPD SPb. F. 25. Op. 2. D. 1864.
25. TsGAIPD SPb. F. 25. Op. 2. D. 292.
26. TsGAIPD SPb. F. 25. Op. 2. D. 912.

Belonogov A.L. Leningrad Party Apparatus in 1935—1941: Institutional Approach. The article examines hierarchical structure and size of Leningrad party institutions as well as its transformations that occurred in the 2nd half of 1930s. The dynamics of quantitative personnel changes of the city and district Leningrad party committee institutions such as bureau, secretariat and its departments is being shown in the study. The analysis of various Leningrad party organizations enabled to determine the basic functions, methods and regional patterns of their work, as well as to find out how they interacted with each other. The article traces the decision-making process on the city level, including assigning to a position and dismissing employees of various ranks. The paper draws conclusions about the causes and consequences of the structural and functional evolution of the Leningrad party apparatus, about the strengthening or weakening the party control over various institutions and organizations of the city.

Keywords: Leningrad city communist party committee, district party committee, party apparatus, senior responsible employees, city committee bureau, city committee secretariat, regional party structures.

Сведения об авторе. Андрей Львович Белоногов — аспирант Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, отдел современной истории России; ORCID: 0009-0001-8516-5511; a.belonogov@spbu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 31.05.2023.

Ссылка на эту статью: Белоногов А.Л. Партийный аппарат Ленинграда в 1935—1941 гг.: институциональный аспект // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 279-283. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).279-283

For citation: Belonogov A.L. Leningrad Party Apparatus in 1935—1941: Institutional Approach. Memoirs of NovSU, 2023, no. 4(49), pp. 279-283. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).279-283

Я.А.Васильев

О ЗАДАЧАХ УЧРЕЖДЕНИЙ МЕЛКОГО КРЕДИТА В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются основные вопросы деятельности учреждений мелкого кредита, созданных в Новгородской области. Освещаются цели и задачи их работы, место в хозяйственной жизни региона, перспективы развития. Автор отмечает, что опыт, накопленный дореволюционными учреждениями мелкого кредита Новгородской губернии, может оказаться полезным и сейчас. Рассматривается роль и взаимоотношения с руководством, членами, клиентами.

Ключевые слова: учреждения мелкого кредита, ломбарды, займы, ссуды, сельское хозяйство, кооперация, Новгородская область, Новгородская губерния, благотворительность

В настоящее время всё более активно пропагандируется опыт дореволюционной российской экономики, как наиболее применимый в современных социально-экономических условиях [1-7]. Справедливо отмечается значительное число полезных находок и начинаний в эту эпоху, что может оказаться чрезвычайно полезным для современной российской экономики.

Одним из аргументов служит то, что постперестроечная экономика находится в схожем положении с экономикой России 1860—1890- гг. Конечно, полного совпадения нет, и не может быть, однако большинство определяющих факторов налицо: коренное изменение всей социально-экономической системы, значительное количество пережитков, малоимущее и, в целом, некредитоспособное население, непростая ситуация в промышленности и сельском хозяйстве и т.п. [8, 9].

Положение осложняется общим изменением отношения к экономическим проблемам на высшем уровне [10, 11]. Так, если до отмены крепостного права роль государства для хозяйственной инициативы оценивается как сдерживающая, после отмены — скорее, как нейтральная (до реформ С.Ю.Витте и П.А.Столыпина), в период «перестройки» как ускоряющая, подталкивающая. Теперь оно практически полностью самоустранилось и ушло из этой сферы, предоставив решать большинство вопросов самим предпринимателям (исключая сырьевую отрасль) [12].

На уровне промышленного производства это привело к вымыванию и разорению появившихся совсем недавно и еще не окрепших средних и мелких предпринимателей и монополизации на новом уровне развития. В сельском хозяйстве же — к отстранению непосредственного производителя от рынка и замещению его места перекупщиками, в целом не заинтересованными в долгосрочном кредитовании сельскохозяйственного производства [13].

Одним из путей выхода из сложившейся ситуации может стать возрождение системы кооперации, имевшей большое значение для отечественной экономики не только в дореволюционное время, но и в период НЭПа (не только потребительская, но и снабженческая, кредитная и др.) [14, 15]. Однако без организации действенной помощи государства, особенно на первых порах, без его возвращения на рынок этот процесс может занять значительно больше времени и усилий [16]. Серьезная опасность того, что данный вектор развития может не состояться заключается в том, что проводниками этой политики будут, в том числе и на местах, правительственные чиновники [17], которые пока, вряд ли готовы к активной совместной работе с производителем [18].

В этом отношении большой интерес представляет опыт Орловской области, в которой в сельском хозяйстве набирает обороты кооперативное движение, и где кооперативы сами принимают непосредственное участие в управлении рынками (см., например, интервью с бывшим губернатором Е.С.Строевым) [19]. Подобные процессы наблюдаются, например, и в Саратовской области.

Вышеуказанные проблемы имеют место и в современной экономической жизни Новгородской области, которая относится к числу дотационных и не может рассчитывать на значительный приток средств с мест или госбюджета. С другой стороны, опыт дореволюционного реформирования сельского хозяйства показывает, что простое вливание денег или перераспределение земель между сельскими жителями может и не иметь значительного и долговременного эффекта [20]. Существовавшая общинная идеология (в какой-то степени облегчившая победу и колхозному строю) мало ценила частную собственность и общественные финансы. В этом отношении, простое безответственное и безвозмездное наделение сельских жителей недвижимостью и средствами может не достигнуть цели. Более действенным считалось привитие агрономических знаний, правовой культуры и навыков торговой и финансовой деятельности, сотрудничества с кредитными учреждениями и т.п. [21].

Тем не менее, из опыта дореволюционных кредитных учреждений известно, что далеко не все категории городского и сельского населения попадут в сферу ипотечного или коммерческого кредита, прежде всего, те, кто не занимается активной предпринимательской деятельностью [22]. В связи с остановкой части предприятий увеличивается и число малоимущих жителей в городах. Они, а также лица среднего и ниже достатка, как-то: мелкие служащие, пенсионеры, бюджетники, военные, студенчество и т.п. не могут считаться потенциальными клиентами крупных кредитных учреждений [23]. Однако, нуждаясь в средствах, они, тем не менее, вынуждены

брать кредиты и ссуды под залог (особенно, если речь идет о крупной сумме), например, квартиры и в случае неудачи могут потерять её.

Во избежание подобных случаев необходимым видится развитие сети мелких кредитных учреждений, созданных на основах взаимности (кооперативных, акционерных), где их члены могли бы получать займы на льготных условиях. До революции среди кредитных учреждений Новгородской губернии они составляли подавляющее большинство (1914 г.): ссудо-сберегательные товарищества — 24, кредитные товарищества — 68, ссудо-сберегательные кассы — 6, удельные крестьянские банки — 20, волостные банки (вспомогательные и сберегательные кассы бывших государственных крестьян) — 13, городские общественные ломбарды — 4, общества взаимного кредита — 8, т. е., около 150. В то же время крупные кредитные учреждения были в меньшинстве: городские общественные банки — 7, отделения Государственного банка — 2, отделения Крестьянского поземельного банка — 1, отделение коммерческого Соединенного банка — 1, (не считая десятков государственных сберегательных касс) [24].

В настоящее время несколько учреждений подобного типа активно работали в Великом Новгороде и области уже более 10 лет: кредитный кооператив «Общедоступный кредит» (с 2001 г.), потребительские кооперативы взаимного кредитования «Взаимность» (с 1999 г.) и «Система-сервис», кредитные потребительские кооперативы граждан «Славянский кредит», «Старый порт» и «Народный кредит» [25]. Однако этого вряд ли достаточно.

Обслужить всех, нуждающихся в кредите жителей области, они не смогут, так как главным условием ссуды ставят стабильное финансовое положение заемщика и залог приобретаемого. Люди с небольшим достатком и непостоянным доходом не смогут воспользоваться их услугами. В этом случае данную нишу должны занять мелкие кредитные и сберегательные учреждения: товарищества и кассы, а также муниципальные ломбарды. В сложившемся непростом финансовом положении они, однако, не смогут стать многочисленной формой кооперативного и благотворительного кредита без значительной помощи извне. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов и налоговое бремя, что не сказывается положительным образом на развитии операций молодых предприятий.

В этом отношении возможным видится два пути увеличения их числа и развития оборотов. Во-первых, привлечение частных средств со стороны — займы и сбережения. Однако тогда возникает опасность неожиданных финансовых затруднений и банкротства в случае внезапного массированного изъятия вкладов (например, во время кризисов, банковской паники) или попадания в зависимость от источника займа на развитие капитала. Во-вторых, и это кажется более приемлемым, возможность получения ссуды из государственных источников на льготных условиях, например, под малые проценты и на длительный срок. В определенных случаях возможным видится и списание определенной части долга, хотя правительство, конечно, рискует, так как часть подобных учреждений может разориться, но в этом случае они не попадут в кабалу к частному финансисту. Помощь же своим гражданам над коммерческой выгодой государства (особенно в настоящее непростое время) должна пониматься властями как приоритетная и само собой разумеющаяся. Кроме того, опыта без ошибок не бывает.

В случае снабжения учреждений мелкого кредита государственными ссудами правительство получает возможность контролировать их операции и помогать в случае необходимости. При этом опыт расцвета и упадка ссудо-сберегательных товариществ в 1870—1880-е гг. показывает, что помощь и опека государственных или, например, муниципальных органов должна быть постоянной и действенной, а не ограничиваться только разовой выдачей средств [3].

Речь идет не только и не столько о регулярных проверках и ревизиях [26], сколько об упрощении возможностей создания подобных учреждений и форм отчетности, и как одно из основных — снабжение их грамотными и ответственными кадрами, постоянная забота о повышении их квалификации и профессионального уровня. Подобная кадровая политика должна проводиться не только в отношении кооперативных и муниципальных кредитных учреждений, но также и государственных. Совершенно необходимо при этом больше внимания уделять деловым и моральным качествам работников и руководителей [23].

Сдерживающая роль государства должна касаться лишь ограничения размера рискованных операций и самих финансовых потоков (т. е. целевого их использования).

Привлечение государственных средств на льготных условиях имеет и то преимущество, что позволит снизить проценты по займам и кредитам, который в настоящее время редко опускается ниже 20%. Для сравнения, Государственный банк в 1880-е гг. взимал по этим операциям 4—6%, общества взаимного кредита — 8—10%, ссудо-сберегательные и кредитные товарищества — 12% и ниже, даже наиболее слабые городские общественные банки Новгородской губернии — не более 15% [27].

Нишу для беднейшего населения должны заполнить альтернативные кредитные учреждения, которые могли бы оказывать финансовую помощь на благотворительных началах, но не как милостыню — муниципальные ломбарды. В них городские и сельские жители смогли бы заложить любую вещь, а не только ценную. При этом в перспективе муниципальный ломбард может и не иметь целью своей деятельности получение прибыли, ставя выше её интересы беднейших слоев населения. Процент по залогу при этом должен быть умеренным.

В уставах всех кредитных учреждений необходимо предусмотреть возможность (а в определенных случаях и обязательно) отчислений на благотворительные и общественные цели [28]. Исключение могут составить лишь мелкие товарищества и молодые, неокрепшие кредитные учреждения. Естественно, что в этом случае необходимо реформировать налоговое законодательство, снова введя в него ощутимые льготы для благотворителей и меценатов.

С другой стороны, государственный контроль и руководство Министерства финансов должны усиливаться с увеличением масштаба операций и количеством государственной помощи, используемой подобными кредитными учреждениями, так как расстройство их операций может серьезным образом сказаться на делах населенного пункта в целом, особенно если учитывать возможность существования тесной взаимосвязи и взаимозависимости городской и банковской верхушки.

Таким образом, задача построения реально действующей системы кредитных учреждений, имеющих тесную взаимосвязь не только с разными отраслями экономики, но и с общегосударственными вопросами, муниципальной сферой, культурой и проч., продолжает оставаться одной из самых острых проблем современной российской общественной жизни.

1. Барышников М.Н. История делового мира России. М., 1994. 222 с.
2. История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М.: РОССПЭН., 1999. 575 с.
3. Мазилкина М.В. Содействие Новгородского земства в деле образования учреждений мелкого кредита // Записки Филиала Российского государственного гуманитарного университета в г. Великий Новгород. В.Новгород, 2001. С. 90-00.
4. Морозан В.В. История банковского дела в России (втор. полов. XVIII — перв. пол. XIX вв.). СПб., 2004. 398 с.
5. Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое: Полемические заметки. М., 1995. 214 с.
6. Румянцев В.П. Роль новгородского земства в организации учреждений мелкого кредита // Земство и возрождение его культурно-исторических традиций. Новгород, 1996. С. 109-114.
7. Седунова С.Ю. Ссудо-сберегательные товарищества на Северо-Западе России: Новгород и Псков // Филиалы государственных вузов в развитии системы качества высшего экономического образования. Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Псков: ПФ СПбГУЭФ, 2005. С. 74-78.
8. Ромах В.В. Экономическое развитие России в пореформенный период // Молодой ученый. 2020. № 2(292). С. 165-168.
9. Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 404 с.
10. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. 368 с.
11. Усоский В.Н. Взгляды С.Ю.Витте и П.А.Столыпина на роль крестьянского вопроса в экономике российской империи при проведении экономической реформы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2013. С. 80-92.
12. Кириллова С.С. Проблема вмешательства государства в рыночную экономику и инновационные процессы современности // Бизнес и дизайн ревю. 2022. № 2(26). С. 55-62.
13. Развитие капитализма в сельском хозяйстве России в 1861—1904 гг. [Электр. ресурс] // Хрестоматия по истории СССР, 1861—1917: Учебное пособие / Сост.: В.А.Антонов, И.В.Волкова, В.А.Гришина. М.: Просвещение, 1990. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000234/st010.shtml> (дата обращения: 10.04.2023).
14. Андрушин С.А. Развитие и формы мелкого кредитования в России // Деньги и кредит. 1996. № 7. С. 65.
15. Кошко И.Ф. Мелкий народный кредит, как могучее средство борьбы с обеднением нашего крестьянина. Новгород: Губернская типография, 1899. 24 с.
16. Адукова А.Н., Адуков Р.Х. Основные недостатки государственного управления сельским хозяйством и меры по их устранению [Электр. ресурс] // Вестник НГИЭИ. 2019. № 11(102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-nedostatki-gosudarstvennogo-upravleniya-selskim-hozyaystvom-i-mery-po-ih-ustraneniyu/viewer> (дата обращения: 16.04.2023).
17. Васильев Я.А. Взаимоотношения новгородских губернаторов с местными кредитными учреждениями // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. (Материалы VIII научной конференции историков-архивистов 28.05.2008 г.). Великий Новгород, 2008. С. 145-154.
18. Сныткова М. Черви, проедающие сельское хозяйство России [Электр. ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/economics/1205286-agriculture/> (дата обращения: 16.04.2023).
19. Строев Егор, губернатор Орловской области: «Дайте воздух регионам» [Электр. ресурс] // Известия. 02.11.2006 г. № 204. URL: <https://ingushetia.ru/news/005953/> (дата обращения: 16.04.2023).
20. Васильев Я.А. Учреждения мелкого кредита Новгородской губернии (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 8-10.
21. Васильчиков А.И. Мелкий земельный кредит. СПб., 1876. 112 с.
22. Кирилов И.А. Ломбарды в России. М., 1992. (Переиздание 1922 г.). 82 с.
23. Васильев Я.А. Человеческий фактор в деятельности обществ взаимного кредита и городских общественных ломбардов Новгородской губернии // Россия и мир в конце XIX — первой половине XX в.: Сборник к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. 20—21 июня 2016 г. СПб.: СПб ИИ РАН, ИРИ РАН и др., 2017. С. 295-308.
24. Статистический сборник Новгородского губернского земства за 1913 г. Новгород: типография. Л.С.Селивановой, 1914. С. 203-223.
25. Бойчук Т. Реестр субъектов малого и среднего предпринимательства — получателей поддержки. URL: <https://pandia.ru/text/78/130/15612.php/> (дата обращения: 16.04.2023).
26. О назначении правительственной ревизии Новгородского городского общественного банка // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 9. Д. 1286. Л. 5.
27. Памятная книжка Новгородской губернии на [1860—1916] год. Новгород: Губернская типография [1860—1916]. Изд. ежегодн.
28. Васильев Я.А. Благотворительная деятельность городских общественных банков и городских ломбардов Новгородской губернии // Из истории благотворительности на Новгородской земле. (Материалы научно-практической конференции). В. Новгород, 2006. С. 74-87.

References

1. Baryshnikov M.N. Istoriya delovogo mira Rossii [History of the Russian business world]. Moscow, 1994. 222 p.
2. Istoriya predprinimatel'stva v Rossii. Kn. 2. Vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka [The history of entrepreneurship in Russia. Book 2. The second half of the 19th — the beginning of the 20th century]. Moscow, 1999. 575 p.
3. Mazilkina M.V. Sodeystvie Novgorodskogo zemstva v dele obrazovaniya uchrezhdeniy melkogo kredita [Assistance of the Novgorod Zemstvo in the formation of small credit institutions]. Zapiski Filiala Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta v g. Velikiy Novgorod. V. Novgorod, 2001, pp. 90-100.
4. Morozan V.V. Istoriya bankovskogo dela v Rossii (vtor. polov. XVIII — perv. pol. XIX vv.) [The history of banking in Russia (second half of the 18th — first half of the 19th centuries)]. Saint Petersburg, 2004. 398 p.
5. Polyakov Yu.A. Nashe nepredskazuemoe proshloe: Polemicheskie zametki [Our Unpredictable Past: Polemical Notes]. Moscow, 1995. 214 p.
6. Rumyantseva V.P. Rol' novgorodskogo zemstva v organizatsii uchrezhdeniy melkogo kredita [The role of the Novgorod Zemstvo in the organization of small credit institutions]. Zemstvo i vrozozhdenie ego kul'turno-istoricheskikh traditsiy. Novgorod, 1996, pp. 109-114.
7. Sedunova S.Yu. Ssodo-sberegatel'nye tovarishchestva na Severo-Zapade Rossii: Novgorod i Pskov [Savings and loan partnerships in the North-West of Russia: Novgorod and Pskov]. Filialy gosudarstvennykh vuzov v razvitii sistemy kachestva vysshego ekonomicheskogo obrazovaniya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii. Pskov, 2005, pp. 74-78.
8. Romakh V.V. Ekonomicheskoe razvitiye Rossii v poreformennyi period [Economic development of Russia in the post-reform period]. Molodoy uchenyy, 2020, no. 2(292), pp. 165-168.
9. Yakovlev A.F. Ekonomicheskie krizisy v Rossii [Economic crises in Russia]. Moscow, 1955. 404 p.
10. Zayonchkovskiy P.A. Otmena krepostnogo prava v Rossii [Abolition of serfdom in Russia]. Moscow, 1968. 368 p.
11. Usoskiy V.N. Vzglyady S.Yu. Vitte i P.A. Stolypina na rol' krest'yanskogo voprosa v ekonomike rossiyskoy imperii pri provedenii ekonomicheskoy reformy [The views of S.Y. Witte and P.A. Stolypin on the role of the peasant question in the economy of the Russian Empire during economic reform]. Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya D, 2013, pp. 80-92.
12. Kirillova S.S. Problema vmeshatel'stva gosudarstva v rynochnuyu ekonomiku i innovatsionnye protsessy sovremennosti [The problem of state intervention in the market economy and innovative processes of modernity]. Biznes i dizayn revyu, 2022, no. 2(26), pp. 55-62.
13. Razvitiye kapitalizma v sel'skom khozyaystve Rossii v 1861—1904 gg. [The development of capitalism in Russian agriculture in 1861—1904]. Antonov V.A. [et al], comp. Khrestomatiya po istorii SSSR, 1861—1917: Uchebnoe posobie. Moscow, 1990. Available at: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000234/st010.shtml> (accessed: 10.04.2023).
14. Andryushin S.A. Razvitiye i formy melkogo kreditovaniya v Rossii [Development and forms of small-scale lending in Russia]. Den'gi i kredit, 1996, no. 7, p. 65.
15. Koshko I.F. Melkiy narodnyy kredit, kak moguchee sredstvo bor'by s obedneniem nashego krest'yanina [Small people's credit as a powerful means of combating the impoverishment of our peasant]. Novgorod, 1899. 24 p.
16. Adukova A.N., Adukov R.Kh. Osnovnye nedostatki gosudarstvennogo upravleniya sel'skim khozyaystvom i mery po ikh ustraneniyu [The main shortcomings of the state management of agriculture and measures to eliminate them]. Vestnik NGIEI, 2019, no. 11(102). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-nedostatki-gosudarstvennogo-upravleniya-selskim-hozyaystvom-i-mery-po-ih-ustraneniyu/viewer> (accessed: 16.04.2023).
17. Vasil'ev Ya.A. Vzaimootnosheniya novgorodskikh gubernatorov s mestnymi kreditnymi uchrezhdeniyami [Relations of Novgorod governors with local credit institutions]. Proc. of "Dokumental'noe nasledie Novgoroda i Novgorodskoy zemli-VIII". Velikiy Novgorod, 2008, pp. 145-154.
18. Snytkova M. Chervi, proedayushchie sel'skoe khozyaystvo Rossii [Worms eating agriculture in Russia]. Available at: <https://www.pravda.ru/economics/1205286-agriculture/> (accessed: 16.04.2023).
19. Stroev Egor, gubernator Orlovskoy oblasti: "Daye vozdukh regionam" [Stroev Egor, Governor of Orel region: "Give air to the regions"]. Izvestiya, 02.11.2006, no. 204. Available at: <https://ingushetia.ru/news/005953/> (accessed: 16.04.2023).
20. Vasil'ev Ya.A. Uchrezhdeniya melkogo kredita Novgorodskoy gubernii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.) [Institutions of small credit of the Novgorod province (the second half of the 19th — early 20th centuries)]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, no. 51, pp. 8-10.
21. Vasil'chikov A.I. Melkiy zemel'nyy kredit [Small land loan]. Saint Petersburg, 1876. 112 p.
22. Kirilov I.A. Lombardy v Rossii [Pawnshops in Russia]. Moscow, 1992. (Pereizdanie 1922 g.). 82 p.
23. Vasil'ev Ya.A. Chelovecheskiy faktor v deyatel'nosti obshchestv vzaimnogo kredita i gorodskikh obshchestvennykh lombardov Novgorodskoy gubernii [The human factor in the activities of mutual credit societies and city public pawnshops of the Novgorod Province]. Coll. of papers "Rossiya i mir v kontse XIX — pervoy polovine XX v.". Saint Petersburg, 2017, pp. 295-308.
24. Statisticheskiy sbornik Novgorodskogo gubernskogo zemstva za 1913 g. [Statistical collection of the Novgorod Provincial Zemstvo for 1913]. Novgorod, 1914, pp. 203-223.
25. Boychuk T. Reestr sub'ektiv malogo i srednego predprinimatel'stva — poluchateley podderzhki [Register of small and medium-sized businesses — recipients of support]. Available at: <https://pandia.ru/text/78/130/15612.php/> (accessed: 16.04.2023).
26. O naznachenii pravitel'svennoy revizii Novgorodskogo gorodskogo obshchestvennogo banka [On the appointment of a government audit of the Novgorod City Public Bank]. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund 1287. Inventory 9. File 1286, fol. 5.
27. Pamyatnaya knizhka Novgorodskoy gubernii na [1860—1916] god. [Memorial book of the Novgorod province for [1860—1916]]. Novgorod: Gubernskaya tipografiya [1860—1916]. Yearly.
28. Vasil'ev Ya.A. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' gorodskikh obshchestvennykh bankov i gorodskikh lombardov Novgorodskoy gubernii [Charitable activities of city public banks and city pawnshops of the Novgorod province]. Proc. of "Iz istorii blagotvoritel'nosti na Novgorodskoy zemle". V. Novgorod, 2006, pp. 74-87.

Vasil'ev Ya.A. About the tasks of small-scale credit institutions in Novgorod region. The article discusses the main issues of the activities of small-scale credit institutions established in Novgorod region. The goals and objectives of their work, their place in the economic life of the region and development prospects are highlighted. The author notes that the experience gained by the pre-revolutionary institutions in the Novgorod province may be useful even now. The role and relationships with management, members and clients are considered.

Keywords: small credit institutions, pawnshops, loans, loans, agriculture, cooperation, Novgorod region, Novgorod province, charity.

Сведения об авторе. Ярослав Анатольевич Васильев — к. и. н., к. э. н., доцент, старший научный сотрудник Новгородской группы Санкт-Петербургского института истории РАН; доцент кафедры истории России и архивоведения Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0003-0782-1656; vasilev-yaroslav@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 31.05.2023.

Ссылка на эту статью: Васильев Я.А. О задачах учреждений мелкого кредита в Новгородской области // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 284-288. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).284-288

For citation: Vasil'ev Ya.A. About the tasks of small-scale credit institutions in Novgorod region. Memoirs of NovSU, 2023, no. 4(49), pp. 284-288. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).284-288

Н.В.Григорьева

РОЛЬ НОВГОРОДСКОГО МУЗЕЯ В СОХРАНЕНИИ МОГИЛЫ Г.Р.ДЕРЖАВИНА

В экстремальных условиях (войны, революции) именно музеи, находящиеся в ведении государства, становятся спасителями различных художественных ценностей. В годы Великой Отечественной войны были уничтожены музейные ценности и разрушены здания районных музеев, находившиеся на оккупированной территории. Среди них было и имение выдающегося русского поэта и государственного деятеля Г.Р.Державина Званка. Пострадала и его могила. Его похоронили в 1816 году, согласно завещанию, в Варлаамо-Хутынском мужском монастыре. После Великой Отечественной войны могила Г.Р.Державина оказалась под развалинами собора, так как во время боевых действий монастырь находился на линии фронта. В 1945 году смогли найти лишь мраморную урну с памятника. Ввиду этих обстоятельств в 1959 году останки Державина и его жены перенесли в Кремль. На могиле был поставлен отреставрированный памятник, находившийся на месте старого захоронения. Новгородский музей издал несколько путеводителей, где упоминалась судьба державинского захоронения. Про его могилу рассказывали экскурсантам. После возрождения Хутынского монастыря в 1993 году прах поэта и его жены был торжественно перенесен на первое место его упокоения.

Ключевые слова: Новгородский музей-заповедник, Хутынский монастырь, Г.Р.Державин, могила Державина в Новгородском кремле, Великая Отечественная война, разрушение культурных ценностей

В экстремальных условиях (войны, революции) именно музеи, находящиеся в ведении государства, становятся спасителями различных художественных ценностей. Новгородский музей — не исключение. Именно его сотрудники в 20—30-е годы прошлого века собирали произведения искусства, изъятые из дворянских усадеб и церквей губернии.

Разрушения I Мировой войны не затронули Великий Новгород. Ему также повезло и во время Гражданской войны — боевые действия обошли его стороной. Определенный ущерб был нанесен его памятникам (в первую очередь церквям) в условиях борьбы с религией в конце 20-х — 30-х годах прошлого века. Однако все это теряется на фоне тех разрушений, которые принесли 40-е годы: война, гитлеровская оккупация, преступные действия немцев и их союзников.

Далеко не все экспонаты новгородских музеев удалось эвакуировать в советский тыл в 1941 году. Одной из причин этого можно назвать нехватку профессиональных кадров, которая была вызвана, в том числе, политическими репрессиями предыдущего десятилетия [1, с. 456].

Новгород был освобожден в январе 1944 года. В.Д.Васильев позднее вспоминал: «Перед советскими воинами предстала жуткая картина: города по существу не было. Никто не вышел встречать наших бойцов — в городе не оказалось ни одного живого человека. Обойдя заминированные улицы, солдаты не нашли ни одного дома, где можно было бы разместиться. Они разбили палатки прямо на снегу, на месте вырубленного немцами Кремлевского парка» [2, с. 161].

Были уничтожены музейные ценности и разрушены здания районных музеев, находившиеся на оккупированной территории. Среди них было и имение выдающегося русского поэта и государственного деятеля Г.Р.Державина Званка [3, с. 49].

Пострадала и его могила. Его похоронили в 1816 году, согласно завещанию, в Варлаамо-Хутынском мужском монастыре. Последнее упокоение он обрел в левом приделе Спасо-Преображенского собора, который был переосвящен в его честь во имя архангела Гавриила.

После Октябрьской революции монастырь был закрыт в 1925 году, Однако вплоть до 1932 года в монастырском соборе совершались службы.

В годы Великой Отечественной войны монастырь на долгие месяцы оказался практически на линии фронта. Его постройки очень сильно пострадали. В этих условиях могила Г.Р.Державина оказалась под развалинами собора. В 1945 году могли найти лишь мраморную урну с памятника. Последняя была передана в музей.

Хотя определенная удаленность Хутины от города и сберегла монастырский ансамбль от превращения в источник бесплатного кирпича, за 45 послевоенных лет даже простейшей его консервации произведено не было [4, с. 8].

1950-е годы — время восстановления Новгорода. В 1959 году он готовился отметить свое 1100-летие. Успешно развивался и новгородский музей. Его объекты регулярно посещались туристами, как из СССР, так и зарубежных стран. Одним из самых важных памятников являлся монумент 1862 г. работы Михаила Микешина «Тысячелетие России». На нижнем фризе в разделе «Писатели и художники» Гаврила Романович Державин по праву занимал место среди известнейших героев нашей многовековой истории. Так как перспективы восстановления Хутынского монастыря были неясны, было решено перенести прах поэта в Новгород. В 1958 г. Первый секретарь новгородского обкома КПСС Василий Прокофьев направил в адрес советского руководителя Н.С.Хрущева письмо с просьбой разрешить перенос останков поэта и его супруги в Новгородский Кремль.

На наш взгляд, точка зрения церковного историка Александра Галкина, высказанная в публикации в журнале «София», излишне категорична: «Советская власть обратила на монастырь внимание лишь однажды — чтобы вынести из него останки Г.Р. и Д.А.Державиных, явно против воли почивших. Известно, что на “права человека” в СССР мало обращали внимания, а на права погребенных в надежде общего воскресения — тем более. Перезахоронение состоялось в 1959 г., в условиях нарастающей антирелигиозной кампании, и было приурочено к празднованию 1100-летия Новгорода. Бетонный склеп устроили в сквере против западного фасада Софийского собора» [4, с. 8].

Есть также версия, что новая могила Г.Р.Державина была сделана на месте захоронения испанских солдат из Голубой дивизии [5, с. 70].

17 апреля 1958 г. Новгородский облисполком принял решение № 256 «О ходе выполнения постановления Совета Министров РСФСР от 29 июня 1957 г. № 781 «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР». Оно предписывало принятие неотложных мер по разбору завалов над могилой поэта Державина в Хутынском монастыре.

16 октября 1958 г. последовало совместное решение Новгородских обкома КПСС и исполкома № 669 «О восстановлении могилы Г.Р.Державина». Комиссию по перезахоронению возглавляла директор Новгородского музея Т.М.Константинова.

Зимой 1958 г. начались работы по вскрытию могилы Державина и его супруги. Останки были перевезены в Новгородский Кремль, вместе с найденными вещами и досками гробов. Державин был захоронен в деревянном гробу; сохранилось одеяние: зеленый сюртук, медный нательный крест, мягкие кожаные туфли с пряжками. Дарья Алексеевна была захоронена в деревянном гробу, обшитом свинцом.

Новый склеп был оборудован в сквере рядом с Грановитой палатой и Софийским собором. 29 января 1959 года прах Державиных был предан земле. В склеп уложили все найденное в Хутыни, в том числе. доски и украшения старых гробов. На могиле установили скромный постамент, увенчанный мраморной урной с прежнего хутынского захоронения. Открытие памятника в Новгородском кремле состоялось 12 июля 1959 г., в канун годовщины со дня рождения поэта.

Могила Державина стала упоминаться в туристических путеводителях по Новгородскому кремлю. Одной из первых об этом написала директор музея Тамара Константинова. Её краткие путеводители по Новгороду вышли в 1958, 1960 и 1962 годах. Когда готовился текст 1958 года, могила Державина еще находилась под развалинами монастыря. Однако сам поэт был там упомянут. Но это относилось к событиям, связанным с 1812 годом: «В период Отечественной войны 1812 года жители Новгородской губернии, как и весь русский народ, охваченные патриотическим чувством, приняли активное участие в разгроме наполеоновских войск. В Новгороде было сформировано народное ополчение, куда вошли горожане и крестьяне.

Горячее участие в создании ополчения принимал русский поэт Г.Р.Державин, живший в то время в своём имении Званка, Новгородской губернии» [6, с. 45]. Кстати, о разрушенном после революции в Новгороде памятном знаке, посвященном ополченцам 1812 года, в этом пособии ничего не говорилось.

В путеводителе 1960 г. было сказано следующее: «В XII в., с образованием феодальной республики Софийский собор становится патрональным храмом Новгорода. Во время войны собор был разрушен фашистами, в 1948 году его восстановили.

В сквере напротив западного входа в Софийский собор находится могила известного русского поэта Г.Р.Державина, перенесенная в 1959 г. из Хутынского монастыря, разрушенного во время войны гитлеровцами» [7, с. 13].

Во втором издании этой небольшой брошюры появилась фотография самой могилы выдающегося политика и поэта [8, с. 13].

Следует отметить оперативность, с которой в литературе для туристов, посещающих Новгород, появилась информация о могиле Г.Державина. В 1959 г. новгородский историко-архитектурный музей заповедник в юбилейной серии, посвященной 1100-летию Новгорода, выпустил брошюру А.И.Семенова «Исторические памятники новгородского кремля». В ней была помещена информация и фотография нового места упокоения с двумя венками и корзиной цветов. «В сквере у музыкальной школы находится могила выдающегося русского поэта Г.Р.Державина (1743—1816) и его жены Дарьи Алексеевны (1767—1842) (на плане — 20). Г.Р.Державин был похоронен в Хутынском монастыре, в 9 километрах от Новгорода. Немецко-фашистские захватчики превратили здания монастыря в груды развалин. Могила оказалась засыпанной, и доступ к ней прегражден. Ввиду этих обстоятельств в 1959 году останки Державина и его жены перенесли в Кремль. На могиле поставлен памятник, находившийся на месте старого захоронения. Он отреставрирован. Плита с могилы жены поэта тоже извлечена из развалин монастырского собора» [9, с. 16-17].

Немало интересной информации поведал своим читателям и слушателям сотрудник новгородского музея Владимир Гормин. В мае 1998 года ему «За большой личный вклад в развитие, сохранение и пропаганду культурного наследия г. Новгорода» было присвоено звание «Почётный гражданин Великого Новгорода». Он был автором нескольких путеводителей и научно-популярных книг и статей. В Москве в 1973 году вышел путеводитель для туристов «Новгород — Псков». В качестве одной из достопримечательностей была указана могила Державина: «На Владычном дворе, в небольшом сквере напротив входа в Софию, под сенью берез прячется скромный памятник на могиле знаменитого русского поэта Г.Р.Державина. Его останки были перенесены сюда в 1959 году из разрушенного фашистами Хутынского монастыря» [10, с. 49].

В его путеводителе «Новгород» текст менее «романтический»: «Между Грановитой палатой и Софийским собором расположен сквер, в центре которого могила поэта Г.Р.Державина и его жены. Их прах перенесен сюда из разрушенного фашистскими захватчиками Хутынского монастыря» [11, с. 40].

М.Х.Алешковский и А.В.Воробьев так объясняли появление этого захоронения: «В саду перед Грановитой палатой находится могила Г.Р.Державина и его жены. Г.Р.Державин умер в своем имении Званка под Новгородом и был погребен в Хутынском монастыре. Там же была похоронена и его жена. Во время Великой Отечественной войны немецкие фашисты разрушили монастырь. После освобождения Новгорода гробы Г.Р.Державина и его жены были извлечены из-под развалин и перезахоронены на территории кремля» [12, с. 54].

Л.А.Рождественская посвятила достопримечательностям Детинца отдельную книгу. История захоронения четы Державиных в ней изложена весьма подробно: «В сквере между Грановитой палатой и Софийским собором находится могила Г.Р. Державина и его жены Дарьи Алексеевны. Супруги Державины были похоронены в Хутынском монастыре неподалеку от Новгорода.

В годы Великой Отечественной войны фашисты превратили постройки монастыря в руины, могилы были скрыты обломками. Поэтому в 1959 году останки поэта и его жены перенесли в кремль. На могиле Г.Р.Державина стоит памятник, перевезенный со старого места захоронения, его венчает ваза из яшмы, украшенная в классическом стиле.

В 1797 году, за несколько лет до своей отставки, Державин приобрел имение «Званка», расположенное на берегу Волхова, недалеко от Новгорода, и с тех пор проводил там каждое лето.

Усадьба Державиных стояла на крутом холме, возвышавшемся над болотистыми берегами Волхова. Двухэтажный деревянный дом с мезонином со стороны реки был украшен балконом, с которого спускалась каменная лестница, а перед ней был фонтан.

На берегу Волхова стояла сельская «флотилия» Державиных — просторная лодка с домиком и маленький ботик. На лодке Державины ездили к соседям.

В «Званке» Державин написал много стихотворений, увлекся драматургией. За несколько лет до смерти, размышляя о своем жизненном пути, Державин сочинил себе такую эпитафию: “Здесь лежит Державин, который поддерживал правосудие, но, подавленный неправдою, пал, защищая законы”» [13, с. 48].

Одним из авторов книги «Достопримечательности Новгородской области» значится первый секретарь обкома КПСС Н.А.Антонов. Раздел «Деятели культуры в Новгороде» был подготовлен В.А.Соколовым. Нашлось там место и Г.Р.Державину: «Вблизи входа в Грановитую палату, напротив Сигтунских врат Софийского собора, находится могила выдающегося поэта XVIII века Гавриила Романовича Державина, жившего на склоне лет в своей усадьбе Званка на Волхове. Надмогильный памятник представляет собой небольшой гранитный обелиск с символической мраморной урной. Плита рядом с обелиском покрывает захоронение жены поэта — Д.А.Державиной. Прах Державиных перенесен из бывшего Хутынского монастыря, разрушенного фашистской артиллерией.

С холма Званки прекрасно был виден Державину медленно текущий Волхов. Глядя на него в часы раздумий, поэт сравнивал жизнь свою и современников с потоком лет. За два дня до кончины, 6 июля 1816 года, он написал последнее стихотворение:

Река времен в своем стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей...

Эти строки как бы предрекли судьбу самой Званки, попавшей во время Великой Отечественной войны в зону боев. От Званки остался только холм, на котором прежде были расположены постройки.

«Все изрезано окопами и блиндажами. Все полуосыпалось и заросло травой и кустарником, — писал в очерке “Посещение Званки” Владимир Солоухин, побывавший на державинском холме вместе с другими московскими литераторами. В своем очерке Солоухин поставил вопрос о реставрации Званки, что явилось бы достойным увековечением памяти великого предшественника Пушкина — поэта и воина Гавриила Романовича Державина» [14, с. 65-66].

Однако некоторые специалисты считали нахождение захоронения Г.Р.Державина в Кремле определенной ошибкой. Они считали, что она вносит определенный диссонанс в общий комплекс выдающегося памятника архитектуры. При этом здесь находились «Братская могила героев, павших в боях за освобождение Новгорода (1944 г.)» и «Братское кладбище участников гражданской войны и выдающихся деятелей социалистического строительства в Новгородском крае» [7, с. 11]. Но в книге М.К.Каргера «Новгород Великий» история с перезахоронением четы Державиных вообще не упоминается. Не обозначается их могила на «схеме расположения основных памятников детинца» [15, с. 73].

27 апреля 1970 года в северной части города была образована улица, получившая имя Г.Р.Державина.

К восстановлению Хутынского монастыря приступили в 1976 году. В новгородском сообществе стали звучать голоса о переносе праха Державина к месту первоначального захоронения, в Хутынь, во исполнение завещания поэта.

«Возрождение самостоятельной Новгородской епархии в 1990 году ознаменовалось восстановлением Хутынского монастыря, возвращенного Церкви. Первым, к лету 1993 г., из руин восстал Преображенский

собор, который вновь принял под своды своего северного придела прах приснопамятных Гавриила и Дарии. Новая, посткоммунистическая Россия как бы спешила отдать долг поэту к его 250-летию. Под стенами Святой Софии, при раскрытии склепа 1959 г., на молитвенной страже 15 июня 1993 г. стоял протоиерей Анатолий Малинин, а в монастырском соборе при вторичном опускании гробов в прежние могилы литию совершил епископ (ныне — митрополит) Новгородский и Старорусский Лев» [4, с. 8].

В 1993 году в Званке, на территории бывшего имения поэта, на берегу реки Волхов был установлен и освящён архиепископом Новгородским и Старорусским Львом памятный знак, выполненный по проекту новгородского художника Федота Шишова.

Новгородский музей и его сотрудники на протяжении десятилетий поддерживали в сохранности захоронение семьи Г.Р.Державина. На его могиле был поставлен отреставрированный памятник, находившийся на месте старого захоронения. Новгородский музей издал несколько путеводителей, где упоминалась судьба державинского захоронения. Про его жизнь и судьбу рассказывали экскурсантам. Как только стало возможно перенести останки на старое место — в возрожденный монастырь, музей выступил одним из инициаторов восстановления исторической справедливости.

1. Ковалев Б.Н. «Великий перелом» новгородских музеев (Борис Шевяков, Николай Порфиридов, Василий Пономарёв и другие...) // Новгородский исторический сборник. Т. 19(29). Великий Новгород, 2020. С. 456-470.
2. Васильев В.Д. Восстановление Новгорода (1944—1950) // Новгород. К 1100-летию города. Сборник статей. М., 1964. С. 159-180.
3. Маркина Г.К. Спасение новгородских сокровищ // Музейный фронт Великой Отечественной. М., 2014. С. 49.
4. Галкин А. «...Почит прах в обители уединенной» // София. 2012. № 2.
5. Михеева А.М. Новгород, музей... и вся моя жизнь. Великий Новгород, 2011. С. 70.
6. Константинова Т.М. Новгород. Пособие для экскурсантов и туристов. Новгород, 1958. С. 45.
7. Константинова Т.М. Новгород. Краткий путеводитель. Новгород, 1960. С. 13.
8. Константинова Т.М. Новгород. Краткий путеводитель. Новгород, 1962. С. 13.
9. Семенов А.И. Исторические памятники новгородского кремля. Новгород, 1959. С. 16-17.
10. Гормин В.В. Новгород — Псков. М., 1973. С. 49.
11. Гормин В.В. Новгород. Путеводитель. Л., 1975. С. 40.
12. Алешковский М.Х., Воробьев А.В. Новгородский кремль. Л., 1972. С. 54.
13. Рождественская Л.А. Новгородский кремль. Путеводитель. Л., 1983. С. 48.
14. Достопримечательности Новгородской области. Л., 1982. С. 65-66.
15. Каргер М.К. Новгород Великий. М.-Л., 1966. С. 73.

References

1. Kovalev B.N. "Velikiy perelom" novgorodskikh muzeev (Boris Shevyakov, Nikolay Porfiridov, Vasilii Ponomarev i drugie...) ["The Great Breakthrough" of the Novgorod Museums (Boris Shevyakov, Nikolai Porfiridov, Vasily Ponomarev and others)]. Novgorodskiy istoricheskiy sbornik, vol. 19(29). Velikiy Novgorod, 2020, pp. 456-470.
2. Vasil'ev V.D. Vosstanovlenie Novgoroda (1944—1950) [Restoration of Novgorod]. Coll. of papers "Novgorod. K 1100-letiyu goroda". Moscow, 1964, pp. 159-180.
3. Markina G.K. Spasenie novgorodskikh sokrovishch [Saving Novgorod Treasures]. In: Muzeyyny front Velikoy Otechestvennoy. Moscow, 2014, p. 49.
4. Galkin A. «...Pochiet prakh v obiteli uedinennoy» ["Ashes will rest in a secluded monastery"]. Sofiya, 2012, no. 2.
5. Mikheeva A.M. Novgorod, muzey... i vsya moya zhizn' [Novgorod, the museum... and my whole life]. Velikiy Novgorod, 2011, p. 70.
6. Konstantinova T.M. Novgorod. Posobie dlya ekskursantov i turistov [Novgorod. A guide for sightseers and tourists]. Novgorod, 1958, p. 45.
7. Konstantinova T.M. Novgorod. Kratkiy putevoditel' [Novgorod. A brief guide]. Novgorod, 1960, p. 13.
8. Konstantinova T.M. Novgorod. Kratkiy putevoditel' [Novgorod. A brief guide]. Novgorod, 1962, p. 13.
9. Semenov A.I. Istoricheskie pamyatniki novgorodskogo kremlya [Historical monuments of the Novgorod Kremlin]. Novgorod, 1959, pp. 16-17.
10. Gormin V.V. Novgorod — Pskov [Novgorod — Pskov]. Moscow, 1973, p. 49.
11. Gormin V.V. Novgorod. Putevoditel' [Novgorod. A guide book]. Leningrad, 1975, p. 40.
12. Aleshkovskiy M.Kh., Vorob'ev A.V. Novgorodskiy kreml' [Novgorod Kremlin]. Leningrad, 1972, p. 54.
13. Rozhdestvenskaya L.A. Novgorodskiy kreml'. Putevoditel' [Novgorod Kremlin. A guide book]. Leningrad, 1983, p. 48.
14. Dostoprimechatel'nosti Novgorodskoy oblasti [Sights of the Novgorod region]. Leningrad, 1982, pp. 65-66.
15. Karger M.K. Novgorod Velikiy [Novgorod the Great]. Moscow, Leningrad, 1966, p. 73.

Grigor'eva N.V. The role of the Novgorod Museum in the preservation of the grave of Gavriil Derzhavin. In extreme conditions (the wars and revolutions), the state-run museums became the preservers of various artistic values. During the Great Patriotic War, museum valuables were destroyed and the buildings of regional museums located in the occupied territory were ruined. Among them was Zvanka manor — the estate of the outstanding Russian poet and statesman Gavriil Derzhavin. His grave was also damaged. He was buried in 1816, according to his will, in the Varlaamo-Khutynsky monastery. After the Great Patriotic War, the grave of Derzhavin was under the ruins of the cathedral as the monastery had been on the front line during the hostilities. In 1945, the only thing that was found was the marble urn of the monument. Under those circumstances, in 1959 the remains of Derzhavin and his wife were transferred to the Novgorod Kremlin. A restored monument was erected on the old burial site. The Novgorod Museum published several guidebooks that mentioned the fate of Derzhavin's grave. Tourists were told about his burial place. After the revival of the Varlaamo-Khutynsky Monastery in 1993, the ashes of the poet and his wife were solemnly transferred to the original resting place.

Keywords: Novgorod State United Museum, Varlaamo-Khutynsky Monastery, Gavriil Derzhavin, Derzhavin's grave in the Novgorod Kremlin, the Great Patriotic War, the destruction of cultural values.

Сведения об авторе. Наталья Васильевна Григорьева — соискатель Санкт-Петербургского Института истории РАН; ORCID: 0009-0000-2439-8963; nvg.nmz@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 31.05.2023.

Ссылка на эту статью: Григорьева Н.В. Роль новгородского музея в сохранении могилы Г.Р.Державина // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 289-293. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).289-293

For citation: Grigor'eva N.V. The role of the Novgorod museum in the preservation of the grave of Gavriil Derzhavin. Memoirs of NovSU, 2023, no. 4(49), pp. 289-293. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).289-293

А.А.Ефимов

ТЕЛЕФОНИЗАЦИЯ КАК НАЧАЛЬНЫЙ ШАГ ДЕПАРТАМЕНТА УДЕЛОВ ПО РАЗВИТИЮ ИМЕНИЙ МАССАНДРА И АЙ-ДАНИЛЬ

Статья на основе архивных материалов обращается к одному из эпизодов начального периода существования Массандры и Ай-Даниля как владений Департамента уделов. Автор отмечает, что упомянутые имения, приобретенные в 1889 г. у наследников светлейшего князя С.М.Воронцова, рассматривались, в первую очередь, как возможность развития и приумножить винодельческую и виноторговую деятельность Удельного ведомства. Статья отмечает, что одной из мер в данном направлении стала прокладка телефонной линии для обеспечения связи как внутри имений между управлением, виноградниками, винным подвалом и квартирой винодела, так и между Массандрой и складом-магазином вина в Ялте. Автор отмечает, что инициатива телефонизации исходила от местных чиновников удельной администрации, заручившихся согласием руководства Ялтинской почтово-телеграфной конторы выполнить все необходимые работы и взять на обслуживание новую линию связи. Руководство Департамента уделов, со своей стороны, поддержало эту идею, принципиально согласовав ее реализацию с Главным управлением почт и телеграфов. Однако по получении развернутого проекта и сметной оценки его стоимости, руководство Удельного ведомства оказалось в недоумении, поскольку исчисленная сумма в полтора раза превышала указанную в предварительном обосновании. Это потребовало дополнительной проверки правильности и обоснованности расчетов на месте. В конечном итоге проект прокладки телефонной линии все же удалось реализовать к осени 1891 г. за сумму, лишь немного превысившую первоначально объявленные цифры.

Ключевые слова: Департамент уделов, Крым, Массандра, Ю.П.Пальмбах, Н.А.Ваганов, В.К.Афанасович

Министерство императорского двора по праву может быть отнесено к числу крупнейших землевладельцев Российской империи. При этом территории, находившиеся в его собственности или под управлением, имели самый различный характер и назначение. Придворному ведомству принадлежали императорские резиденции, промышленные предприятия и предприятия сельского и лесного хозяйства, а опосредованно и земли так называемых дворцовых городов. Министерство императорского двора старалось быть рачительным хозяином, что проявилось в том числе и в обширной деятельности в области строительства, коммунального и технического благоустройства. На территории современной Республики Крым как непосредственно Придворному ведомству, так и связанным с ним конторам членов дома Романовых к концу XIX столетия принадлежали такие имения как Ореанда, Ливадия, Ай-Тодор, Массандра, Ай-Даниль, Дюльбер.

Однако в существующей историографии проблема организационно-административной деятельности Министерства императорского двора в его крымских владениях остается недостаточно изученной. Применительно к истории имений Придворного ведомства на территории современной Республики Крым в числе исследований доминируют работы, в которых эта тема рассматривается с позиций искусствоведения и истории архитектуры, когда основное внимание уделяется описанию стилевых особенностей садово-парковых комплексов, внешнего и внутреннего убранства зданий, среди которых можно отметить публикацию Е.М.Коляды [1]. Кроме того, нельзя обойти вниманием и работы краеведческой и общеисторической направленности, где в первую очередь необходимо выделить книгу Н.Н.Калинина и М.А.Земляниченко «Романовы и Крым», значительное место в которой посвящено истории целого ряда крымских имений членов императорской фамилии [2]. Также можно упомянуть монографию Е.М.Литвиновой «Царская семья в Крыму» и книгу А.Е.Артамонова «Госдачи Крыма», первая глава которой посвящена дореволюционной истории владений Романовых [3, 4]. Различные этапы и фрагменты истории имений Массандра и Ай-Даниль представлены в журнальных публикациях С.А.Вишневого и А.Ю.Гуменюка, очерках А.П.Пальчиковой, Ю.Я.Арбатской и К.А.Вихляева и статье В.А.Летина [5-10]. Однако все перечисленные исследования оставляют в тени организационно-административное участие учреждений Министерства императорского двора в создании или преобразовании владений Романовых на территории Крыма.

История Массандры и Ай-Даниля как владений императорской фамилии берет свое начало в 1889 г., когда они вместе с виноторговой фирмой князя Воронцова были приобретены Департаментом уделов у прежних, частных владельцев, наследников светлейшего князя Семена Михайловича Воронцова, его вдовы светлейшей княгини Марии Васильевны Воронцовой и его племянницы жены действительного статского советника и камергера Н.П.Балашова Екатерины Андреевны Балашовой, урожденной графини Шуваловой.

Указанные имения приобретались, в первую очередь, с целью развития предпринимательской деятельности по виноградарству и виноделию. В пользу этого свидетельствуют те меры, которые предприняло Удельное ведомство в дальнейшем, наиболее известным из которых стало строительство в середине 1890-х гг. нового винного подвала в Массандре. Однако не все из этих мероприятий получили отражение в литературе. В представляемом сообщении предполагается осветить один из первых шагов по превращению нового владения в центр производства и хранения винной продукции.

Сделка по приобретению имений Массандра и Ай-Даниль была завершена к концу марта 1889 г. [11], а 6 апреля в имениях формируется местная администрация — удельное управление. Новые руководители менее чем через месяц, к концу апреля, выступают с «рационализаторским предложением». 28 апреля помощник начальника Департамента уделов Н.А.Ваганов подготавливает письмо, в котором отмечает, что винные подвалы и квартира винодела находятся на расстоянии более километра от служебных помещений Управления и квартир администрации, а расстояние от Управления до Ай-Даниля и вовсе составляет порядка 6 км. Подобное расположение создавало ощутимые трудности для коммуникации, когда было невозможно сделать оперативные распоряжения иначе как с помощью курьеров. Еще больше проблем могло бы возникнуть после реализации плана по открытию в Ялте Удельным ведомством магазина для продажи производимого и хранящегося в имении вина. Для устранения этих трудностей и удовлетворения «потребностей в удобном и возможно дешевом сообщении» предполагалось проложить линию телефонной связи как внутри Массандры для связи администрации с винными подвалами, так и между Массандрой, Ай-Данилем и Ялтой. По сделанной предварительной оценке, прокладка 10 км телефонного кабеля и установка 4 телефонных аппаратов требовала примерно 2 000 руб. Указанные работы и последующее техническое обслуживание предполагалось поручить Ялтинской почтово-телеграфной конторе. Ее руководитель Ю.П.Пальмбах, как утверждалось в письме, уже высказал предварительное согласие взять на себя перечисленные задачи. При этом помощник управляющего Департаментом уделов уже дал свое разрешение на подготовку проектно-сметной документации, прося от своего непосредственного начальника П.А.Рихтера утвердить его распоряжение и позволить обратиться в Главное управление почт и телеграфов для официального согласования проекта устройства телефонного сообщения [12, л. 1-2].

Подобное разрешение было получено в начале мая 1889 г., вслед за чем последовало письмо в Главное управление почт и телеграфов, подписанное министром императорского двора графом И.И.Воронцовым-Дашковым и исправляющим должность управляющего Департаментом уделов тайным советником В.Ф.Пургольдом, с уведомлением о сути предполагаемого проекта и просьбой разрешить его воплощение под контролем Ю.П.Пальмбаха. Положительный ответ на это письмо на имя министра императорского двора за подписью начальника Главного управления почт и телеграфов Н.А.Безака последовал 26 мая [12, л. 3, 3 об., 4].

Четыре дня спустя, 30 мая 1889 г. из удельного управления имением «Массандра» в Департамент уделов поступил проект обустройства телефонной сети. Он предусматривал прокладку однопроводной линии общим протяжением около 10,5 км, состоявшей из трех участков. Первый из них, от виноторгового склада-магазина в Ялте до Массандры, имел длину около 3 км, следующий шел бы от Массандры до Ай-Даниля на 5,3 км, а ветка от Массандры до Главного винного погреба имела протяжённость около 2 км. На территории самого города Ялта ввиду сложностей с установкой столбов на узких и извилистых улицах провод прокладывался бы по прикрепленным к стенам и крышам домов изолированным консолям и стержням. От границы города линия должна была устанавливаться на дубовых столбах на высоте около 6 м с креплением провода на крюках с изоляторами. В проекте указывались параметры или приводились образцы всех элементов телефонной линии: столбов (длина, толщина, глубина и схема установки), кабеля («линейная проволока стальная гальванизированная толщиной в 2 мм»), изоляторов и крюков («подобные используемым на правительственных телефонных линиях в Киеве, Харькове и Казани»). Для абонентов сети предполагалось установить телефоны фирмы Эрикссон «с усовершенствованными микрофонами», а для управления ею смонтировать в удельном управлении в имении Массандра центральную станцию со шнуровым коммутатором того же производителя [12, л. 5—6]. Вместе с этим в Департамент уделов была представлена и составленная начальником Ялтинской телеграфной конторы Ю.П.Пальмбахом смета, по которой реализация проекта требовала 3 000 руб., что составляло в полтора раза больше первоначальной оценки. Кроме того, на ежегодное обслуживание по расчетам последнего требовалось до 600 руб. [12, л. 7, 9].

Такое значительное увеличение стоимости телефонизации имений Массандра и Ай-Даниль вызвало вопросы у руководства Удельного ведомства. 22 июня 1889 г. П.А.Рихтер направил своему помощнику Н.А.Ваганову письмо, которым, указав на такое несоответствие между первоначально объявленной и представленной в смете суммами, распорядился в ходе запланированной командировки последнего в Крым на месте установить, «какая в действительности потребуется сумма на устройство, а также на ежегодное содержание означенного телефонного сообщения», и по результатам представить донесение. Н.А.Ваганов со своей стороны, ввиду необходимости срочно отбыть по другим делам, перепоручил эту задачу управляющему имением Массандра В.К.Афанасовичу [12, л. 10, 10 об.].

Последующее развитие событий показало, что Удельному ведомству все же удалось снизить стоимость этого проекта и успешно реализовать его к осени 1891 г. Об этом свидетельствует справка Контроля Главного управления уделов, по которой «на устройство телефонного сообщения между Ялтой, Массандрой и Ай-Данилем израсходовано 2 223 р. 80 коп., что и согласно с операционным отчетом по вышеназванному имению» [12, л. 11].

Таким образом, в первые годы пребывания Массандры и Ай-Даниля в качестве удельных имений чиновники Придворного ведомства, которое рассматривало эти владения как центр развития виноградарства и виноделия, предприняли важный шаг для расширения перспектив их развития в выбранном ключе, обеспечив самую современную для того времени систему связи, которая бы позволила оперативно решать вопросы управления винодельческим хозяйством и торговым предприятием.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00026, <https://rscf.ru/project/22-78-00026/>

1. Коляда Е.М. Сады и парки Крыма XIX — начала XX века. История создания и стилистический анализ. СПб.: Невский институт управления и дизайна, 2009. 181 с.
2. Калинин Н.Н., Земляниченко М.А. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь: Бизнес-Информ, 2018. 320 с.
3. Литвинова Е.М. Царская семья в Крыму. Симферополь: Рубин, 2012. 480 с.
4. Артамонов А. Госдачи Крыма. М.: Центрполиграф, 2015. 448 с.
5. Вишневский С.А., Гуменюк А.Ю. История строительства и эксплуатация машинного отделения Массандровского дворца императора Александра III (1898—1956) // Таврический научный обозреватель. 2017. № 4-1 (21). С. 44-48.
6. Вишневский С.А., Гуменюк А.Ю. Основные этапы строительства Массандровского дворца императора Александра III (1889—1902) // Таврический научный обозреватель. 2017. № 1(18). С. 4-10.
7. Вишневский С.А., Гуменюк А.Ю. Использование услуг ялтинской телефонной сети в Массандровском имении (конец XIX — начало XX вв.) // Таврический научный обозреватель. 2017. № 8(25). С. 20-26.
8. Летин В.А. Крымские дворцы Романовых в контексте отечественной усадебной культуры: композиционно-семантический дискурс // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 314-319.
9. Касперович К.К. Дворец Александра III в Массандре. Симферополь: Н.Ориадна, 2015. 38 с.
10. Пальчикова А.П. Массандра. Дворец. Парк. Усадьба. Очерк-путеводитель. Симферополь: Сонат, 2003. 160 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 44. Д. 6.
12. РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 65.

References

1. Kolyada E.M. Sady i parki Kryma XIX — nachala XX veka. Istoriya sozdaniya i stilisticheskiy analiz [Gardens and parks of the Crimea 19th — early 20th century. History of creation and stylistic analysis]. St. Petersburg, Nevsky Institute of Management and Design publ., 2009. 181 p.
2. Kalinin N.N., Zemlyanichenko M.A. Romanovy i Krym. “U vseh nas ostalas’ toska po Krymu...” [Romanovs and Crimea. “We all have a longing for the Crimea...”]. Simferopol', Biznes-Inform publ., 2014. 320 p.
3. Litvinova Ye.M. Tsarskaya sem'ya v Krymu [The tsars' family in the Crimea]. Simferopol', Rubin publ., 2014. 480 p.
4. Artamonov A. Gosdachi Kryma [State dachas of the Crimea]. Moscow, Tsentrpoligraf publ., 2015. 448 p.
5. Vishnevskiy S.A., Gumenyuk A.Yu. Istoriya stroitel'stva i ekspluatatsiya mashinnogo otdeleniya Massandrovskogo dvortsa imperatora Aleksandra III (1898—1956) [History of construction and operation of the engine room of the Massandra Palace of Emperor Alexander III (1898—1956)]. Tavrisheskiy nauchnyy obozrevatel', 2017, no. 4-1 (21), pp. 44-48.
6. Vishnevskiy S.A., Gumenyuk A.Yu. Osnovnyye etapy stroitel'stva Massandrovskogo dvortsa imperatora Aleksandra III (1889—1902) [The main stages of the construction of the Massandra Palace of Emperor Alexander III (1889—1902)]. Tavrisheskiy nauchnyy obozrevatel', 2017, no. 1(18), pp. 4-10.
7. Vishnevskiy S.A., Gumenyuk A.Yu. Ispol'zovaniye uslug yaltinskoy telefonnoy seti v Massandrovskom imenii (konets XIX — nachalo XX vv.) [Using the services of the Yalta telephone network in the Massandra estate (the end of the 19th — the beginning of the 20th centuries)]. Tavrisheskiy nauchnyy obozrevatel', 2017, no. 8(25), pp. 20-26.
8. Letin V.A. Krymskiye dvortsy Romanovykh v kontekste otechestvennoy usadebnoy kul'tury: kompozitsionno-semanticheskiy diskurs [Crimean palaces of the Romanovs in the context of domestic estate culture: compositional and semantic discourse]. Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik, 2017, no. 5, pp. 314-319.
9. Kasperovich K.K. Dvorets Aleksandra III v Massandre [Palace of Alexander III in Massandra]. Simferopol', N.Oriadna publ., 2015. 38 p.
10. Pal'chikova A.P. Massandra. Dvorets. Park. Usad'ba. Ocherk-putevoditel' [Massandra. Palace. Park. Manor. Essay guide]. Simferopol', Sonat publ., 2003. 160 p.
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 515. Op. 1. D. 6.
12. RGIA [RSHA]. F. 515. Op. 1. D. 65.

Yefimov A.A. Telephone installation as the initial step of the Department of Provinces for the development of Massandra and Ai-Danil estates. The article, based on archival materials, refers to one of the episodes of the initial period of the existence of Massandra and Ai-Danil as the possessions of the Department of Provinces. The author notes that the mentioned estates, acquired in 1889 from the heirs of His Serene Highness Prince S.M.Vorontsov, were considered as an opportunity to develop and increase the wine-making and wine-trading activities of the Department. The article notes that one of the measures in this direction was the telephone line installation to provide communication both within the estates between the administration, the vineyards, the wine cellar and the winemaker's apartment, and between Massandra and the wine warehouse in Yalta. The author notes that the initiative to install telephones came from officials of the local province administration, who secured the consent of the chief of the Yalta Post and Telegraph Office to carry out all the necessary work and take on a new communication line. The chief of the Department of Provinces, for his part, supported this idea, in principle coordinating its implementation with the Main Directorate of Posts and Telegraphs. However, upon receipt of a detailed project and an estimate of its cost, the Department of Provinces was at a loss, since the calculated amount was one and a half times higher than that indicated in the preliminary justification. This required additional verification of the correctness and validity of the calculations on the spot. In the end, the telephone line project was nevertheless completed by the autumn of 1891 for an amount that was only slightly higher than the originally announced figures.

Keywords: the Department of Provinces, Crimea, Massandra, Yu.P.Palmbah, N.A.Vaganov, V.K.Afanasovich.

Сведения об авторе. Андрей Александрович Ефимов — кандидат исторических наук; Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Научно-исторический архив и группа источниковедения; ORCID: 0000-0001-9016-1091; aaefimov5@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Ефимов А.А. Телефонизация как начальный шаг Департамента уделов по развитию имений Массандра и Ай-Даниль // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 294-297. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).294-297

For citation: Yefimov A.A. Telephone installation as the initial step of the Department of Provinces for the development of Massandra and Ai-Danil estates. Memoirs of NovSU, 2023, no. 4(49), pp. 294-297. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).294-297

А.Н.Кляшев

«ДРУГИЕ» ПРОТЕСТАНТЫ — СМЕНА РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Автором предпринята попытка раскрыть некоторые аспекты, связанные трансформацией конфессиональной идентичности членов протестантских религиозных организаций, функционирующих на территории Южного, Среднего и Полярного Урала и определивших себя как представители «других» этносов, не являющихся широко распространенными в России. В статье представлены данные о конфессиональной идентичности респондентов и о факторах, способствовавших принятию ими христианства протестантского направления. Материалы исследования позволяют заключить, что религиозная идентичность (либо ее отсутствие) респондентов до прихода в протестантизм близка к таковой у респондентов из общей выборки по Уралу; больше всего среди «других» протестантов было атеистов или внеконфессиональных теистов, «просто» веровавших в Бога. Больше всего как среди «других» протестантов, так и среди верующих из общей выборки тех, кто пришел в протестантизм при содействии близких людей, пользующихся наибольшим доверием: друзей, родителей, родственников и супругов. Отечественные и зарубежные миссионеры, а также незнакомые респонденту лично члены религиозных общин сыграли незначительную роль в религиозном выборе опрошенных из обеих выборок. Приведенные в статье данные демонстрируют, что конфессиональная принадлежность (либо ее отсутствие) респондентов до принятия ими протестантизма, а также факторы, способствующие обретению протестантами своей религиозной идентичности, не зависят от идентичности этнической.

Ключевые слова: протестантизм, Урал, этническая идентичность, религиозная идентичность

Урал является одним из самых многонациональных регионов России, на территории которого проживают носители славянских, тюркских и финно-угорских народов. Полиэтнический характер региона находит свое выражение в том числе в этническом составе религиозных объединений. Так, результаты обработки материалов полевых исследований, осуществленных Институтом этнологических исследований УФИЦ РАН в 2013—2015 гг. в 35 протестантских религиозных организаций классического, позднего и пятидесятнического направлений, функционирующих на территории субъектов Южного, Среднего и Полярного Урала: Республики Башкортостан, Оренбургской области, Удмуртской Республики и Республики Коми (генеральная совокупность — 3150 чел.; выборочная совокупность — 862 чел. (27,3%)), выявили следующий этнический состав респондентов: русские (63,0%), татары (14,1%), башкиры (4,9%), удмурты (4,4%), украинцы (3,1%), марийцы (2,9%), чуваша (2,0%), мордва (0,8%).

ИЭИ УФИЦ РАН были опубликованы данные, касающиеся различных демографических, социальных и конфессиональных особенностей представителей крупнейших этносов Уральского региона, являющихся членами протестантских религиозных организаций [1-7]; однако характеристики респондентов, выбравших в анкете позицию «другая национальность» (данная позиция предусматривает возможность заполнения специального окна самостоятельно, определив свою национальность этнонимом, отсутствующим в анкете), ранее опубликованы не были. Количество таких респондентов составляет 42 человека (4,9% в выборке), в их число входят немцы (1,0%, 9 респондентов), армяне (0,7%, 6 респондентов), немцы (0,5%, 5 респондентов); белорусы (0,3%, 3 респондента), евреи (0,3%, 3 респондента), латыш-поляк (0,1%, 1 респондент), литовец (0,1%, 1 респондент), анголец (0,1%, 1 респондент), узбек (0,1%, 1 респондент), коми (0,1%, 1 респондент), коми-пермяк (0,1%, 1 респондент), казах (0,1%, 1 респондент), казак (0,1%, 1 респондент), азербайджанец (0,1%, 1 респондент) молдаван (0,1%, 1 респондент), кореец (0,1%, 1 респондент), христианин (0,1%, 1 респондент) и вписавшие в специальное окно «другая национальность» (0,5%, 4 респондента).

Цель этой статьи, написанной в рамках государственного задания по теме № АААА-А21-121012290084-6 «Традиционные религии и новые религиозные движения на Южном Урале и в Приуралье: вопросы функционирования, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений» — выявление некоторых аспектов, имеющих отношение к трансформации конфессиональной идентичности члены протестантских общин Южного, Среднего и Полярного Урала, заполнившие в анкете окно «другая национальность».

Для реализации поставленной цели является необходимым выполнение следующих задач:

— раскрытие конфессиональной идентичности (либо ее отсутствие) опрошенных до прихода их в протестантизм;

— определение факторов, способствующих принятию респондентами христианства протестантского направления (воздействие людей — родственников или друзей, членов религиозных общин, сотрудников миссионерских формирований и т.д., либо экзистенциальные поиски верующего).

Объект исследования в данной работе — члены протестантских религиозных формирований Уральского региона, заполнившие в анкете окно «другая национальность»; предмет исследования — вероисповедание опрошенных до прихода в протестантизм и некоторые факторы, определившие принятие респондентами христианства протестантского направления.

Результаты. Вероисповедание респондентов до принятия христианства протестантского направления. Больше всего в данной выборке респондентов, не исповедовавших до прихода в протестантизм никакой религии или «просто веровавших в Бога». Не исповедовало никакой религии 55,6% немцев, 33,3% евреев, литовцев, представитель Анголы, коми-пермяк, казах, казак, кореец и 25,0% верующих, определивших свою этническую принадлежность как «другая национальность». «Просто верили в Бога» 33,3% немцев, 50,0% армян, 50,0% немцев, 33,3% белорусов, коми, азербайджанец, молдаван, «христианин» и 25,0% верующих, идентифицировавших свой этнос как «другая национальность». Элемент прозелитизма в протестантизации респондентов имел место, но он не был значителен: православие исповедовали 11,1% немцев, 50,0% армян и 66,7% белорусов. 50,0% немцев были язычниками, 66,7% евреев исповедовали иудаизм, латыш-поляк пришел в протестантизм из католицизма, респондент-узбек до принятия протестантизма был приверженцем ислама (табл. 1, 2, 3).

Таблица 1

Вероисповедание респондентов до принятия христианства протестантского направления	Немцы (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=9)	Армяне (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=6)	Немцы (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=5)	Белорусы (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=3)	Евреи (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=3)	Латыш-поляк (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Литовец (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)
Не исповедовал (а) никакой	55,6	—	—	—	33,3	—	100,0
“Просто верил (а) в Бога”	33,3	50,0	50,0	33,3	—	—	—
Православие	11,1	50,0	—	66,7	—	—	—
Ислам	—	—	—	—	—	—	—
Иудаизм	—	—	—	—	66,7	—	—
Буддизм	—	—	—	—	—	—	—
Другие религии	—	—	50,0 (язычество)	—	—	100,0 (католицизм)	—

Источник: ПМА — Полевые материалы автора — экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми. 2013—2015 гг.

Таблица 2

Вероисповедание респондентов до принятия христианства протестантского направления	Анголец (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Узбек (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Коми (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Коми-пермяк (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Казах (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Казак (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Азербайджанцы (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)
Не исповедовал (а) никакой	100,0	—	—	100,0	100,0	100,0	—
“Просто верил (а) в Бога”	—	—	100,0	—	—	—	100,0
Православие	—	—	—	—	—	—	—
Ислам	—	100,0	—	—	—	—	—
Иудаизм	—	—	—	—	—	—	—
Буддизм	—	—	—	—	—	—	—
Другие религии	—	—	—	—	—	—	—

Источник: ПМА — Полевые материалы автора — экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми. 2013—2015 гг.

Таблица 3

Вероисповедание респондентов до принятия христианства протестантского направления	Молдаване (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Кореец (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Христианин (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Другая национальность (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=4)
Не исповедовал (а) никакой	—	100,0	—	25,0
“Просто верил (а) в Бога”	100,0	—	100,0	25,0
Православие	—	—	—	50,0
Ислам	—	—	—	—
Иудаизм	—	—	—	—
Буддизм	—	—	—	—
Другие религии	—	—	—	—

Источник: ПМА — Полевые материалы автора — экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми. 2013—2015 гг.

Кто способствовал приходу в протестантскую церковь. Наибольшую роль в принятии христианства протестантского направления у респондентов из данной выборки сыграли наиболее близкие для них люди: друзья, родители, родственники и супруги. Роль отечественных и зарубежных миссионеров, а также членов протестантских общин в распространении этого направления христианства незначительна. При содействии друзей в протестантские общины пришло 44,4% немцев, 33,3% армян, 33,3% белорусов, 33,3% евреев, латыш-поляк, казах, казак, азербайджанец и 25,0% ответивших, определивших свою этническую принадлежность как «другая национальность». При содействии родителей протестантизм приняли 11,1% немцев, 60,0% ненцев, представитель Анголы, коми, респондент, определивший свою этническую идентичность как «христианин» и 25,0% протестантов Урала, обозначивших свой этнос как «другая национальность». Родственники способствовали приходу в протестантские религиозные формирования 33,3% немцев, 50,0% армян, 66,7% евреев и 25,0% верующих, определивших себя как представителей «другой национальности». При содействии супруга (супруги) пришли в протестантизм 20,0% ненцев, 33,3% белорусов и литовец. Дети помогли стать христианами протестантского направления коми-пермяку, молдаванину и 25,0% представителей «другой национальности». Сами пришли в протестантские церкви 11,1% немцев, 16,7% армян, узбек и 25,0% протестантов «другой национальности». При содействии отечественных миссионеров протестантизм приняло 20,0% ненцев, иностранные миссионеры содействовали приходу в протестантскую общину 33,3% белорусов, кореец принял это направление христианства при содействии незнакомому ему лично христианина (христианки) протестантского вероисповедания (табл. 4, 5, 6).

Таблица 4

Кто способствовал приходу в протестантскую церковь	Немцы (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=9)	Армяне (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=6)	Ненцы (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=5)	Белорусы (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=3)	Евреи (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=3)	Латыш-поляк (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Литовец (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)
Супруг (супруга)	—	—	20,0	33,3	—	—	100,0
Родители	11,1	—	60,0	—	—	—	—
Дети	—	—	—	—	—	—	—
Друзья (друг, подруга)	44,4	33,3	—	33,3	33,3	100,0	—
Родственники (родственник)	33,3	50,0	—	—	66,7	—	—
Иностранные миссионеры	—	—	—	33,3	—	—	—
Отечественные миссионеры	—	—	20,0	—	—	—	—
Незнакомый респонденту лично христианин	—	—	—	—	—	—	—

(христианка) протестантского вероисповедания							
Сам (сама) пришёл (пришла)	11,1	16,7	—	—	—	—	—

Источник: ПМА — Полевые материалы автора — экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми. 2013—2015 гг.

Таблица 5

Кто способствовал приходу в протестантскую церковь	Анголец (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Узбек (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Коми (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Коми-пермяк (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Казах (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Казак (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Азербайджанцы (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)
Супруг (супруга)	—	—	—	—	—	—	—
Родители	100,0	—	100,0	—	—	—	—
Дети	—	—	—	100,0	—	—	—
Друзья (друг, подруга)	—	—	—	—	100,0	100,0	100,0
Родственники (родственник)	—	—	—	—	—	—	—
Иностранные миссионеры	—	—	—	—	—	—	—
Отечественные миссионеры	—	—	—	—	—	—	—
Незнакомый респонденту лично христианин (христианка) протестантского вероисповедания	—	—	—	—	—	—	—
Сам (сама) пришёл (пришла)	—	100,0	—	—	—	—	—

Источник: ПМА — Полевые материалы автора — экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми. 2013—2015 гг.

Таблица 6

Кто способствовал приходу в протестантскую церковь	Молдаване (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Корец (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Христианин (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=1)	Другая национальность (Уральский регион, 2013—2015, % от числа опрошенных, N=4)
Супруг (супруга)	—	—	—	—
Родители	—	—	100,0	25,0
Дети	100,0	—	—	—
Друзья (друг, подруга)	—	—	—	25,0
Родственники (родственник)	—	—	—	25,0
Иностранные миссионеры	—	—	—	—
Отечественные миссионеры	—	—	—	—
Незнакомый респонденту	—	100,0	—	—

лично христианин (христианка) протестантского вероисповедания				
Сам (сама) пришёл (пришла)	—	—	—	25,0

Источник: ПМА — Полевые материалы автора — экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми. 2013—2015 гг.

Выводы. Приведенные выше данные демонстрируют, что по таким показателям, как конфессиональная идентичность (либо ее отсутствие) до прихода в протестантизм, респонденты — члены протестантских религиозных формирований Уральского региона из группы заполнивших в анкете окно «другая национальность», и респонденты из общей выборки по Уралу, очень близки.

Больше всего в выборке «других» респондентов тех, кто не исповедовал до прихода в протестантизм никакой религии или «просто веровал в Бога» (внеконфессиональные теисты); имеет место также небольшой элемент прозелитизма. Общие данные по протестантским церквям Уральского региона следующие: не исповедовавших никакой религии — 35,2%, «просто веровавших в Бога» — 32,8%, бывших православных — 24,2%, бывших мусульман — 5,2%; выбравших остальные позиции (иудаизм, буддизм, другие религии) респондентов из общей выборки по Уралу не более 2,2% по каждому фиксированному ответу.

Наибольшую роль в принятии христианства протестантского направления как у «других» респондентов, так и у верующих из общей выборки по Уралу играли наиболее близкие для них люди: друзья, родители, родственники и супруги. Роль отечественных и зарубежных миссионеров, а также незнакомых респонденту лично членов протестантских общин в распространении этого направления христианства в обеих группах также незначительна. Данные по общей группе протестантов Урала следующие: способствовали приходу респондента в протестантскую церковь друзья (друг, подруга) — 35,6%; родители — 19,6%; родственники (родственник) — 12,0%; сам(а) пришел (пришла) — 7,9%; супруг(а) — 7,3%; незнакомый лично респонденту христианин (христианка) протестантского вероисповедания — 6,5%; отечественные миссионеры — 5,8%; дети — 3,2%; иностранные миссионеры — 2,1% [8, 9].

Таким образом, мы видим, что конфессиональная идентичность (либо ее отсутствие) опрошенных до прихода их в протестантизм, также, как и факторы, способствующие принятию респондентами христианства протестантского направления, не зависят от их этнической идентичности — протестантами становятся представители разных, порой относительно немногочисленных на территории Российской Федерации этнических групп, являющихся до прихода в протестантские общины либо неверующими, либо внеконфессиональными теистами, либо — в меньшей степени — православными; приход же в протестантские церкви осуществляется в основном при содействии наиболее близких и, соответственно, пользующихся доверием респондентов людей — друзей и родственников; роль же как отечественных, так и зарубежных миссионеров в распространении протестантизма среди различных этнических групп, проживающих на территории Российской Федерации, крайне мала.

1. Кляшев А.Н. Тюркоязычные протестанты республики Башкортостан: феномен трансформации конфессиональной идентичности // Проблемы востоковедения. Уфа, 2010. № 2(48). С. 140-143.
2. Кляшев А.Н. Социально-демографические особенности протестантов — носителей финно-угорских языков в уральском регионе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3(164). С. 34-42.
3. Кляшев А.Н. Некоторые аспекты формирования конфессиональной идентичности протестантов — носителей финно-угорских языков // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. № 3. С. 480-498.
4. Кляшев А.Н. Оценка башкирами-протестантами государственно-конфессиональной политики на территории РБ (по материалам полевых исследований 2013—2015 годов) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6(39). С. 621-625. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).621-625
5. Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Этно-демографический и социокультурный портрет верующих-мусульман (по материалам социологических исследований на территории Башкортостана) // Духовный мир мусульманских народов. Материалы Международной научно-практической конференции «XVI Акмуллинские чтения». Уфа, 2021. С. 29-32.
6. Мухаметзянова-Дуггал Р.М., Мухамедеева Р.Р. Представления о роли религии в общественной жизни верующих республики Башкортостан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 3(52). С. 27-32.
7. Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Верующие Республики Башкортостан: этнический состав, идентичность, оценка межконфессиональных отношений // Власть. 2020. Т. 28. № 5. С. 159-163.
8. ПМА — Полевые материалы автора — экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми. 2013—2015 гг.
9. Кляшев А.Н. Некоторые факторы формирования религиозной идентичности украинцев-протестантов Уральского региона // Известия Уфимского научного центра РАН. 2020. № 4. С. 53-57.

References

1. Klyashev A.N. Tyurkoyazychnye protestanty respubliki Bashkortostan: fenomen transformatsii konfessional'noy identichnosti [Turkic-speaking Protestants of the Republic of Bashkortostan: the phenomenon of transformation of confessional identity]. Problemy vostokovedeniya, 2010, no. 2 (48), pp. 140-143.

2. Klyashev A.N. Sotsial'no-demograficheskie osobennosti protestantov — nositeley finno-ugorskikh yazykov v ural'skom regione [Socio-demographic features of Protestants — carriers of Finno-Ugric languages in the Ural region]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 3(164), pp. 34-42.
3. Klyashev A.N. Nekotorye aspekty formirovaniya konfessional'noy identichnosti protestantov — nositeley finno-ugorskikh yazykov [Some Aspects of the Formation of the Confessional Identity of Protestants — Speakers of the Finno-Ugric Languages]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 2022, vol. 16, no. 3, pp. 480-498.
4. Klyashev A.N. Otsenka bashkirami-protestantami gosudarstvenno-konfessional'noy politiki na territorii RB (po materialam polevykh issledovaniy 2013—2015 godov) [Assessment of state confessional policy in the Republic of Bashkortostan by Bashkir-protestants (based on materials from the fieldwork 2013—2015)]. *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 6(39), pp. 621-625. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).621-625
5. Muhametzyanova-Duggal R.M. Etno-demograficheskiy i sociokul'turnyy portret veruyushchih-musul'man (po materialam sociologicheskikh issledovaniy na territorii Bashkortostana) [Ethno-demographic and socio-cultural portrait of Muslim believers (based on sociological research materials on the territory of Bashkortostan)]. *Proc. Of "Duhovnyy mir musul'manskikh narodov. XVI Akmuллинskie chteniya"*. Ufa, 2021, pp. 29-32.
6. Muhametzyanova-Duggal R.M., Muhamadeeva R.R. Predstavleniya o roli religii v obshchestvennoy zhizni veruyushchih respubliki Bashkortostan [Ideas about the role of religion in the public life of believers in the Republic of Bashkortostan]. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologiy)*, 2021, no. 3(52), pp. 27-32.
7. Muhametzyanova-Duggal R.M. Veruyushchie Respubliki Bashkortostan: etnicheskii sostav, identichnost', ocenka mezhekongfessional'nykh otnosheniy [Believers of the Republic of Bashkortostan: ethnic composition, identity, assessment of interfaith relations]. *Vlast'*, 2020, vol. 28, no. 5, pp. 159-163.
8. [Author's field materials. Expeditions to the Protestant churches of the Republic of Belarus, the Orenburg region, the Udmurt Republic, the Komi Republic, 2013—2015].
9. Klyashev A.N. Nekotorye faktory formirovaniya religioznoy identichnosti ukrainsev-protestantov Ural'skogo regiona [Some Factors of the Formation of the Religious Identity of Ukrainian Protestants in the Ural Region]. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra RAN*, 2020, no. 4, pp. 53-57.

Klyashev A.N. "Other" Protestants — change of religious identity. In this article, the author attempts to reveal some aspects related to the transformation of the confessional identity of members of Protestant religious organizations operating in the Southern, Middle and Polar Urals and identifying themselves as representatives of "other" ethnic groups that are not widespread in Russia. The article presents data on the confessional identity of the respondents and on the factors that contributed to their adoption of Protestant Christianity. The research materials allow us to conclude that the religious identity (or lack of it) of the respondents before coming to Protestantism is close to that of the respondents from the general sample in the Urals; most of all among the "other" Protestants were atheists or non-denominational theists who "simply" believed in God. Most of all, both among "other" Protestants and among believers from the general sample of those who came to Protestantism with the assistance of close people who enjoy the greatest trust: friends, parents, relatives and spouses. Domestic and foreign missionaries, as well as members of religious communities personally unknown to the respondent, played an insignificant role in the religious choice of the respondents from both samples. The data presented in the article demonstrate that the confessional affiliation (or lack of it) of the respondents before they adopted Protestantism, as well as the factors contributing to the acquisition of their religious identity by Protestants, do not depend on ethnic identity.

Keywords: Protestantism, Urals, ethnic identity, religious identity.

Сведения об авторе. Александр Николаевич Кляшев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (специальность 07.00.07 — этнография, этнология и антропология); Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева — обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИЭИ УФИЦ РАН), отдел религиоведения; ORCID: 0000-0002-1713-9522; ak1168@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Кляшев А.Н. «Другие» протестанты — смена религиозной идентичности // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 298-303. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).298-303

For citation: Klyashev A.N. "Other" Protestants — change of religious identity. *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 298-303. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).298-303

Б.Н.Ковалев

ГОСПОДИ, СПАСИ ЗЕМЛЮ РУССКУЮ! ЦЕРКОВЬ И ПРОПАГАНДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Советское государство рассматривало Церковь не просто как идеологического конкурента, но и силу, мечтающую о реставрации старого строя. Церковь и религия воспринимались не анахронизмом, а серьезным идеологическим противником и классовым врагом. Но нападение нацистской Германии на СССР показало, что перед угрозой внешнего противника требуется консолидация всех сил. В этих условиях в июле 1941 года вышел последний номер газеты «Безбожник». Атеистическая пропаганда практически прекратилась. На смену ей пришел национальный патриотизм. Во многих советских произведениях искусства (художественных и документальных фильмах, публицистических статьях) появляется положительный образ православного священника или просто искренне верующего русского человека. Для нацистских пропагандистов это было очень опасным сигналом. Недаром с самого начала боевых действий они представляли исключительно себя защитниками церкви и религии. Хотя на самом деле нацизм был также чужд и враждебен идеям христианства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Церковь, нацистская оккупация, пропаганда, коллаборационистская печать

События Великой Отечественной войны стали тяжелым испытанием для нашего народа. Новый государственный строй, установившийся на территории нашей страны после 1917 года, способствовал форсированному развитию экономики, немало было сделано в вопросе массовой ликвидации неграмотности.

Однако советское государство рассматривало Церковь не просто как идеологического конкурента, но и силу, мечтающую о реставрации старого строя. Поэтому многие священнослужители оказались просто уничтожены. Особенно активно это происходило в так называемые годы «большого террора».

Церковь и религия воспринимались не просто как анахронизм, но как серьезный идеологический противник и классовый враг. Поэтому борьба против них велась по нескольким направлениям. Здесь присутствовали как «Союз воинствующих безбожников», во главе со старым большевиком Емельяном Ярославским, издаваемые им многочисленные атеистические журналы и газеты, но и органы государственной безопасности.

За три месяца до начала Великой Отечественной войны, 31 марта 1941 г., начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александровым для секретарей ЦК ВКП(б) А.А.Андреева, А.А.Жданова, и Г.М.Маленкова была подготовлена докладная записка «О плане производства художественных фильмов на 1941 год». Из нее следовало, что работники советского кино работают неудовлетворительно: «План производства художественных кинофильмов на 1941 год, представленный Комитетом по делам кинематографии при СНК СССР, свидетельствует о том, что Комитет не извлек необходимых уроков из прошлых ошибок и неудовлетворительно подготовился к 1941 году» [1, с. 24-25].

Одной из важных задач для режиссеров и сценаристов определялось ведение атеистической пропаганды. «Серьезные недостатки имеются в представленном Комитетом тематическом плане производства кинокартин на 1942 г. Отсутствуют фильмы о жизни и труде советской молодежи. Из 7 детских картин всего одна посвящена советской детворе, остальные — сказки, фантастика. Нет ни одной антирелигиозной картины» [1, с. 27].

Агрессивное насаждение атеизма зачастую приобретало самые извращенные формы. Доходило до того, что советско-партийные руководители заявляли, что водка и драки — это гораздо меньшее зло, чем религия [2, л. 12].

Но нападение нацистской Германии на СССР показало, что перед угрозой внешнего противника требуется консолидация всех сил. В этих условиях в июле 1941 года вышел последний номер газеты «Безбожник». Атеистическая пропаганда практически прекратилась. На смену ей пришел национальный патриотизм.

В конце ноября 1941 года И.В.Сталин заявил председателю Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И.Большакову: «Мы собираемся нанести немцам удар огромной силы... Надо всё это заснять на плёнку и сделать хороший фильм» [3, с. 114].

Сталин смотрел материал на разных стадиях работы над фильмом и вносил поправки. По его настоянию «излишне агитационный, крикливый» дикторский текст был сокращён, стал более сдержанным, пояснительным [1, с. 209].

Документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой» длится 55 минут. Он весьма зрелищен: для того, чтобы показать мощь Красной армии, советский руководитель приказал, чтобы перед кинооператорами специально проехали танки и пролетели самолеты. Сам И.В.Сталин лично выступил там с программной речью (5-я — 7-я минуты фильма). Зрителям особо запомнился образ пожилой русской женщины, которая крестится одной и двумя руками одновременно, при этом приветствуя советских солдат-освободителей (40-я минута фильма).

На 49-ой минуте идут кадры разрушенного собора и диктор говорит: «Они превратили в развалины знаменитый Новоиерусалимский храм, величайшее творение архитекторов Растрелли и Казакова».

Этот фильм получил Сталинскую премию первой степени в области литературы и искусства за 1941 год, а в марте 1943 года на 15-й церемонии вручения наград премии Американской академии первый для СССР «Оскар» в новой номинации «Лучший документальный фильм».

Ленинградские документалисты в 1942 году сняли полнометражный (70 минут) документальный фильм «Ленинград в борьбе». По манере подачи материала (особенно в начале), он сильно напоминает предвоенную киноленту «Если завтра война» (1938 г.). Но есть и новое. Так, в самом конце (66-я минута), в сюжете, показывающем возрождение города после зимы, мы видим запуск трамвая. Его первая пассажирка, пожилая женщина, заходя в салон, непрерывно крестится.

Подобный образ становится вполне естественным. Мы видим старушку, которая крестит советских солдат, идущих по Невскому проспекту и накладывающую крестное знамение, в знак глубокой радости — прибытия первого железнодорожного состава после прорыва блокады Ленинграда зимой 1943 года.

Знаковым событием стал выход на большой экран фильма режиссера-орденоносца Ивана Пырьева «Секретарь райкома» (в 1943 г. удостоен Сталинской премии второй степени). Эту героическую драму о партизанском движении И.В.Сталин со своим окружением посмотрел в дни, когда отмечалось 25-летие Октябрьской революции.

Фильм пользовался популярностью не только у советских кинозрителей. Его показывали в Великобритании под названием в английском прокате «We Will Come Back» («Мы еще вернемся»).

На 29-й минуте этого фильма старый колхозник Гаврила Русов, награжденный тремя георгиевскими крестами, говорит своим товарищам-партизанам, что получил их «За Веру, Царя и Отечество!». При этом он уточняет: «За Веру — это Бог с ней! За царя, конечно, хрен с ним! А Отечество — всегда остается, не меняется наше Отечество!».

На 68-й минуте кинокартины встреча партизанских командиров назначается в церкви села Покровского. В фильме показан положительный образ православного священника — помощника народных мстителей. На вопрос командира Кочета: «Бывал ли партизан Аникеев в этом селе?», последний отвечает: «Несколько раз. Раненных партизан на излечение тамошнему священнику водил».

Кочет: «Ну, так, вот. Пойдешь туда сегодня и предупредишь отца Ивана, что в субботу ночью мы соберемся у него в церкви».

По итогам этой встречи секретарь райкома поблагодарил священника за помощь и пожал ему руку.

Однако немецкий шпион предупредил об этом своё начальство. Партизаны оказались в ловушке. Немецкий офицер развязно заявляет: «Ну, господа командиры и ты поп! Приготовляйся! Мы здесь сейчас будем немножко вешать!»

Он же обращаясь к Кочету: «А тебя, собака, сукин ты сын, я распну на кресте!».

Однако на самом деле это партизаны устроили ловушку для фашистов. Во время боя священник отважно бьет немецкого солдата кирпичом по голове.

Самый конец фильма. Партизаны готовятся идти освобождать свой родной город. Секретарь райкома говорит пожилому партизану: «А ты, старик, бей в колокол! Пусть жители села и всех окрестных деревень бегут сюда, к нам! Да бей сильнее, громче бей, старик! Чтобы звон набата в душу русскую врывался! За сердце брал людей, вздымал их ярость и к мести звал!».

Старый партизан снимает шапку и, обнимая колокол, говорит: «Эх, вдарю я сейчас!» После чего широко крестится и со словами: «Господи, спаси землю русскую! Сейчас так вдарю, что всем врагам тошно станет!» — начинает бить в церковный колокол. На его звоне фильм заканчивался.

Многие зрители отметили данный художественный прием режиссера-орденоносца. Хотя это пока был только очень общий намек на то, что церковная политика советского государства может в скором времени поменяться.

Для нацистских пропагандистов это был очень опасный сигнал. Недаром с самого начала боевых действий они представляли только себя подлинными защитниками церкви и религии. Данная политика проводилась по ряду причин. Во-первых, экономически она практически не затрагивала интересы вермахта и Германии. Во-вторых, как казалось гитлеровцам, церковь являлась идеальным местом для проведения их пропаганды. В-третьих, это была хорошо задуманная акция, ибо в первые месяцы войны многие советские чиновники по-прежнему считали Церковь своим врагом и потенциальным союзником захватчиков.

Хотя на самом деле нацизм был также чужд идеям христианства (при этом нацисты в программе своей партии утверждали совершенно противоположное). Так, главный пропагандист НСДАП Йозеф Геббельс, будучи официально католиком, в своем дневнике писал: «Борьба, которую мы должны вести до победы (во всяком случае — до конца) — это борьба, в самом глубоком смысле, между учениями Христа и Маркса» [4, с. 6].

Рассуждая со своими приближенными о религии, Гитлер обычно заканчивал дискуссии следующим выводом: «В том-то и беда, что мы исповедуем не ту религию. Почему бы нам не перенять религию японцев, которые считают высшим благом жертву во славу отечества? Да и магометанская вера подошла бы нам куда больше, чем христианство с его тряпичной терпимостью» [5, с. 150].

При этом на страницах коллаборационистской прессы регулярно появлялись статьи о безбожии советской власти. Так, в псковской газете «За родину» публикуется статья за подписью главного редактора Анатолия Петрова «Борьба Сталина против религии» [6]. В качестве подзаголовка шли следующие слова: «В 1939 году Сталин писал, что антирелигиозная агитация — лучшее средство для полной ликвидации духовенства». И вновь гитлеровские пропагандисты напоминали русским читателям о тех репрессиях, которые обрушились на священнослужителей сразу же после революции 1917 года: «Уже в первые месяцы, после захвата ими власти, начался беспощадный террор против духовенства. Первыми жертвами большевизма пали следующие видные представители русской православной церкви: митрополит киевский Владимир, архиепископ пермский Андроник, архиепископ черниговский Василий, епископы — Никодим, Гермоген. Макарий и Ефрем, новгородский викарий Варсанофий, вятские викарии — Амвросий и Исидор, а также целый ряд других представителей высшего духовенства».

По документальным сведениям, которые, кстати сказать, не были опровергнуты советским правительством, только до марта месяца 1922 года большевиками было расстреляно 28 епископов и 1215 священников. И сколько еще духовных лиц погибло потом медленной смертью в ссылках и концлагерях» [6].

Одним из самых острых конфликтов между православной церковью и советским государством стали трагические события массового неурожая в начале 20-х годов: «Царивший в 1922 году в Приволжье голод был использован советским правительством как повод для агитации за отчуждение церковной собственности в пользу голодающих. В середине марта советские правители приступили к принудительному сбору церковных богатств, причем это сопровождалось вызывающим осквернением народных святынь. Расчет большевиков был ясен — они своими действиями хотели вызвать открытое возмущение верующих, что им во многих случаях и удавалось» [6].

Следует признать, что изъятие церковных ценностей действительно проходило очень грубо и демонстративно цинично. Об этом будут позднее вспоминать, например, сотрудники новгородских музеев, которые при этом присутствовали [7, с. 328].

Весьма похоже излагаются те же не красящие советскую власть события и в коллаборационистской газете: «Являвшиеся под военной охраной для ограбления церковей правительственные агенты подвергались оскорблениям со стороны взбешенной толпы, а сплошь и рядом бывали случаи нападений на них камнями. Такого рода эксцессы послужили официальным поводом для столь необходимого советской власти тотального террора против церкви. Начались массовые аресты духовных лиц и активных прихожан» [6].

На страницах советских газет во время войны все чаще стали появляться заметки, позитивно отзывающиеся о деятельности Русской православной церкви. Речь, например, шла о сборе средств на танковую колонну «Дмитрий Донской». Деньги собирались верующими даже там, где не осталось ни одного действующего храма. На это положительно откликнулся сам советский лидер. Об этом было широко сообщено в СМИ.

Немецкая пропаганда в этих условиях стала напоминать о том, что все предшествующие годы большевики говорили совершенно о другом: «Особенно резко выступает весь цинизм теперешней притворной святости Сталина и его невообразимого лицемерия, если напомнить сказанные им самим слова о борьбе с религией. В 1939 году московским “Государственным антирелигиозным издательством” была выпущена брошюра под названием “И.В.Сталин о религии и борьбе с ней”.

На 193 странице этой брошюры имеются следующие интересные мысли Сталина: “Партия не может оставаться нейтральной в отношении религиозных предрассудков, и она будет продолжать свою агитацию против таковых, т. к. партия является верным средством для прекращения в народе влияния духовенства, которое является послушным орудием в руках буржуазии.

Партия не может также оставаться нейтральной по отношению к инертному подчинению религиозным предрассудкам, т. к. последние, при помощи духовенства, отравляют самосознание рабочих масс.

Подавили ли мы духовенство? Да, мы подавили его. Жалко только, что оно еще не полностью ликвидировано.

Антирелигиозная агитация является лучшим средством для окончательной ликвидации духовенства”» [6].

Нацистские пропагандисты, опубликовав столь большую выдержку из труда советского вождя, язвительно восклицали: «Для того, кто понимает истинное значение большевистского слова “ликвидировать” — всякие комментарии к этому заявлению Сталина совершенно излишни» [6].

Следует признать, что первые шаги советского руководства по признанию патриотической роли Церкви в Отечественной войне были весьма условны. Некоторые советско-партийные чиновники на местах этого даже не замечали. Весьма характерна в этом отношении докладная начальнику штаба Ленинградского партизанского движения М.Н.Никитину от председателя Новгородского исполкома М.В.Юдина о положении дел в оккупированном гитлеровцами Новгородском районе от 10 ноября 1942 г. Хотя он пишет о патриотической позиции священнослужителей, при этом употребляет пренебрежительное слово «поп»: «Характерно, что в отношении войны попы и евангелисты исподтишка проповедуют победу Красных. Об этом говорят даже старухи: “Так сказано в священном писании”» [8, л. 45].

Как видно, силы советского сопротивления в начальный период войны, хотя и признавали в своих донесениях в центр, что церковная политика оккупантов находит немалую поддержку у большинства

населения, боролись с ней в основном репрессивными методами. Вплоть до того, что некоторые священники, невзирая на степень их сотрудничества с гитлеровцами, были убиты [9, л. 56].

При этом уже с начала 1942 года некоторые партизаны и подпольщики, отрезанные от Центра, не имевшие с ним надёжной связи, пытались наладить связь с деревенскими батюшками.

По воспоминаниям Героя Советского Союза, комиссара Пятой партизанской бригады И.И.Сергунина трагизм ситуации заключался в том, что многие священнослужители, не принимая оккупантов и их идеологии, не верили партизанам и боялись их, считая, что они бандиты и убийцы [9, л. 66].

Несмотря на это, некоторые священники соглашались в своих проповедях говорить о неизбежности победы русского оружия и служить молебны за здоровье односельчан, находящихся в Красной армии [9, л. 66].

В 1943 году священнослужители все чаще стали появляться на советских киноэкранах. «Приговор народа» — так назывался фильм-репортаж о судебном процессе над пособниками оккупантов, который прошел в июле этого года в Краснодаре. Создатели этого фильма — режиссёр И.Сеткина, операторы киностудии Северо-Кавказского фронта. Он длится всего 12 минут 46 секунд. На 3-й минуте мы видим священника, который садится в первый ряд. Это свидетель. На 7-й минуте появляется титр «Священник Георгиевской церкви К.П.Ильяшев». Он говорит: «Моя соседка, Раиса Ивановна, замечательная женщина, которая исчезла, и, наконец, её отыскали убитой. Я сам видел это. Затем парнишка восемнадцати лет Володя, тоже был убит. Его разыскивали в раскопках. Затем сосед мой недалёкий Кирюшка Луганский тоже был убит. Его разыскивали, привезли, я сам видел. Закрывали наши фабрики, заводы, больницы. Все это начало взрываться и здесь уже оказался настоящий звериный немецкий образ, который они нам показали».

Таким образом, советское государство все чаще стало использовать в своей пропаганде духовный авторитет священнослужителей. Продлится это и после войны. Так на судебном процессе по делу о немецко-фашистских зверствах в Ленинградской области 2 января 1946 г. выступил в качестве свидетеля протоиерей П.П.Тарасов, настоятель центрального Николо-Богоявленского собора и секретарь митрополита Ленинградского и Новгородского. Он сообщил суду «о многочисленных фактах, кровавых злодеяний немецко-фашистских захватчиков и надругательствах над русской православной церковью» [10].

Циркулярное письмо начальника главкинохроники Ф.М.Васильченко начальникам фронтовых киностудий датировано 8 сентября 1943 г.: «Одна из важнейших задач фронтовых кинооператоров в районах, освобождаемых Красной Армией, — это съемки следов злодеяний и разрушений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками...».

Для того, чтобы наиболее полно отснять факты зверств немцев и ущерба, причиненного ими советскому народу, Вам необходимо учитывать указания областных комиссий и инспекторов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Объектами съемок должны быть: ...внешний и внутренний вид варварски разгромленных жилищ, музеев, школ, библиотек, церквей...» [1, с. 749-750].

После освобождения Ленинградской области зимой 1944 года вскрылись многочисленные факты злодеяний гитлеровцев и их союзников. Похороны жертв превращались в импровизированные митинги. Об этом сообщалось в том числе и по радио. Известный петербургский композитор Анатолий Кальварский, переживший ленинградскую блокаду ребенком, сообщил автору, что во время трансляции этих сюжетов звучала православная панихида.

В фильме «Великая победа под Ленинградом» (1944 г.) мы видим на 33 минуте, в сюжете о награждении медалью «За оборону Ленинграда», священника-партизана Фёдора Пузанова. Рядом с советской наградой на его груди висит крест.

Тогда казалось, что государство полностью примирилось с Церковью, уничтожив общего врага. Но это продолжалось очень недолго, хотя общество, в большинстве своём, считало это совершенно правильным.

В первые послевоенные годы, когда сотрудники советских органов госбезопасности активно занимались розыском лиц, совершивших тяжкие преступления, не имеющие срока давности: карателей, активных пособников врага, «работа» по церковной линии многим из них казалась чем-то совершенно ненужным и даже вредным.

Как-то автор задал вопрос генерал-майору, бывшему начальнику Новгородского Управления КГБ Василию Михайловичу Богову: «А у Вас было когда-нибудь желание уйти из органов?». Этот человек, посвятивший почти 40 лет розыску военных преступников, ответил: «Да. Один раз. В 1953 году меня пытались засунуть в отдел по борьбе с церковниками. Кадровик в Великих Луках решил, что это очень смешно, когда отдел возглавляет старший лейтенант Попов, а в заместителях у него ходят лейтенанты Дьячков и Богов. Вот тогда я сказал, что этим я никогда заниматься не буду».

Следует отметить, что через несколько месяцев данные структуры в органах государственной безопасности были ликвидированы. Однако в начале 60-х годов, в условиях так называемой «оттепели», советское государство вновь начало кампанию по дискредитации Церкви и религии.

1. Кино на войне. Документы и свидетельства / Автор-составитель В.И.Фомин. М., 2005. 941 с.
2. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 432.
3. Марьямов Г.Б. Кремлёвский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. 127 с.

4. Жуков Д. Религиозная политика нацистской партии // Национал-социализм и Христианство: Сборник статей и материалов. Ужгород, 2009. С. 5-28.
5. Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, 1997. 694 с.
6. За родину (Псков). 2 апреля 1942 г.
7. Смирнов С.М. Воспоминания о времени моей работы в Новгородском музее // Новгородский исторический сборник. Вып. 6(16). СПб., 1997. С. 328.
8. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138.
9. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191.
10. Смена. 3 января 1946 г.

References

1. Fomin V.I., comp. Kino na voyne. Dokumenty i svidetel'stva [Cinema in the war time. Documents and evidence]. Moscow, 2005. 941 p.
2. Gosudarstvennyy arkhiv Novgorodskoy oblasti [State archive of the Novgorod Region]. Fund R-1244. Inventory list 1. File 432.
3. Mar'yamov G.B. Kremlevskiy tsenzor: Stalin smotrit kino [Kremlin censor: Stalin's watching movies]. Moscow, 1992. 127 p.
4. Zhukov D. Religioznaya politika natsistskoy partii [Religious policy of the Nazi party]. Coll. of papers "Natsional-sotsializm i Khristianstvo". Uzhgorod, 2009, pp. 5-28.
5. Shpeer A. Vospominaniya [Memories]. Smolensk, 1997. 694 p.
6. Za rodinu (Pskov). April 2, 1942.
7. Smirnov S.M. Vospominaniya o vremeni moey raboty v Novgorodskom muzee [Memories about my work at the Novgorod Museum]. Novgorodskiy istoricheskiy sbornik, iss. 6(16). St. Petersburg, 1997, p. 328.
8. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Novgorodskoy oblasti [State Archive of Contemporary History of the Novgorod Region]. Fund 260. Inventory list 1. File 138.
9. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Novgorodskoy oblasti [State Archive of Contemporary History of the Novgorod Region]. Fund 260. Inventory list 1. File 191.
10. Smena. January 3, 1946.

Kovalev B.N. Lord, save the Russian land! Church and propaganda during the Great Patriotic War. The Soviet state viewed the Orthodox Church not just as an ideological competitor, but also as a force that could restore the old order. Church and religion were perceived not as an anachronism, but as a serious ideological adversary and class enemy. However, the attack of Nazi Germany on the USSR showed that in the face of the threat of an external enemy, the consolidation of all forces was required. Under these conditions, in July 1941, the newspaper Bezbozhnik [Antitheist] ceased to exist having published its last issue. Atheistic propaganda went into decline. It was replaced by national patriotism. In many works of art (feature and documentary films) and newspaper articles a positive image of an Orthodox priest or a godly man appeared. For Nazi propagandists, this was a very dangerous sign: from the very beginning of hostilities, they presented themselves exclusively as defenders of the Church and religion. In fact, Nazism was alien to the ideas of Christianity.

Keywords: Great Patriotic War, Church, Nazi occupation, propaganda, collaborationist press.

Сведения об авторе. Борис Николаевич Ковалев — доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; ведущий научный сотрудник Института истории блокады; ORCID: 0000-0002-1904-1844; bnkov@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Ковалев Б.Н. Господи, спаси землю русскую! Церковь и пропаганда в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 304-308. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).304-308

For citation: Kovalev B.N. Lord, save the Russian land! Church and propaganda during the Great Patriotic War. *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 304-308. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).304-308

М.Б.Колотков, К.А.Зарубина

ИСТОРИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (КОНЕЦ 1917 — СЕРЕДИНА 1918 ГГ.)

Исследование посвящено проблеме формирования уголовной политики в первые месяцы существования советской государственности. Автор показывает специфику формирования взглядов на понимание права после революционных событий 1917 года. Показано влияние личностей В.И.Ленина, Д.И.Курского и П.А.Стучки как на вопросы понимания уголовного права, так и на принципы соотношения права и закона в целом. Отличительной особенностью этого исторического периода следует считать существенный разрыв между законом как основным источником права, и непосредственно самим правом. Уделено внимание новой системе государственного управления с точки зрения выстраивания уголовной политики, показаны основные источники уголовного права. Анализ этих сюжетов позволяет говорить, что классовый подход в сфере проведения государственной политики, закрепленный в советском законодательстве, оказал влияние на развитие уголовно-правовой теории, которую называли не иначе как теорией революционного правосознания.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовное право, советское право, источники уголовного права, П.А.Стучка, Д.И.Курский

В первые дни и недели зарождения советской государственности к числу важнейших вопросов организационно-правового характера, беспокоивших новую власть, относилась проблема реформирования правовой системы и органов правосудия. 22 ноября 1917 г. был издан первый важнейший нормативный правовой акт подобного характера — Декрет № 1 «О суде». С его принятием дореволюционная правовая система была полностью ликвидирована, действие законов приостановлено, деятельность судебных органов прекращена, ключевые юридические институты (прокурорского надзора, адвокатуры, судебных следователей и др.) упразднены. При этом едва ли не единственными органами правосудия в государстве объявлялись местные суды, решения которых не подлежали обжалованию. Кроме того, новый суд отправлял правосудие от имени нового государства (Российской Советской Федеративной Социалистической Республики), пользуясь при этом дореволюционной системой законодательства в той части, которая не противоречит идеям революционного правосознания. Декрет № 1 «О суде» также создавал новые органы внесудебной юстиции — революционные трибуналы, задачей которых являлась борьба с контрреволюционными силами [1, с. 92]. Полномочия этих органов в сфере реализации уголовной политики были весьма широкими, а по характеру их реализации — чрезвычайными. Говорить о праве в данном случае вообще не приходилось. Так, П.И.Стучка отмечал, что после революционных преобразований в октябре 1917 г. первым шагом советской власти в области организационно-правового строительства было создание «пролетарского суда без буржуазного права, но и без пролетарского, то есть без какого-либо права вообще» [2, с. 147].

В конце 1917 — начале 1918 гг. только появляющееся новое советское право еще не располагало оформленной системой законодательства. Говорить о наличии кодифицированных актов вообще не приходилось: многие нормативные правовые акты не были ни отраслевыми, ни комплексными, поскольку предмет их регулирования зачастую было довольно сложно четко определить. В этот период правовая система, равно как и юридическая наука, оформлялись одновременно с формированием советской государственности. Происходило переключение фокуса внимания с буржуазного на классовый подход в понимании права. Отличительной особенностью этого исторического периода следует считать регистрацию большого разрыва между законом и правом, а появление новых политико-правовых категорий (революционная целесообразность, революционное правосознание, пролетарское чутье, социалистическая законность и т.п.) лишь способствовало усилению этой тенденции. Проблема обеспечения законности в условиях революционного времени представителей советской власти фактически не беспокоила. Думается, что грамотно избранный подход к пониманию законности имеет важнейшее значение для юридической науки. Например, по оценке В.И.Ленина, революционера ни при каких обстоятельствах не должна останавливать незыблемость закона, и в случае противоречия идей революции и закона последний должен отменяться или исправляться [3, с. 504]. Таким образом, законность перешла из категории правовой в политическую, перестала быть правовым принципом, который необходимо исполнять в ходе государственного строительства в революционных условиях.

Примечательно, что в советских энциклопедических словарях вместо понятия «законность» содержался термин «социалистическая законность», под которым понималось неуклонное «исполнение законов и соответствующих им иных правовых актов органами государства, должностными лицами, гражданами и общественными организациями» [4, с. 101]. По оценке А.И.Денисова, социалистическая законность представляла собой режим точного и неуклонного исполнения законов всеми организациями и гражданами, который должен быть связан с социалистическим правосознанием, опираться на социалистическую демократию и право, а также обуславливаться социалистическим экономическим базисом [5, с. 468]. В работах А.И.Королева и Л.С.Явича законность определялась в качестве требования для всех и каждого соблюдения и

реального исполнения законов государства [6, с. 310]. По их мнению, существует также строгий режим законности, сущность которого заключается в наличии таких жизненных обстоятельств, при которых соблюдение законов государства является единственным принципом деятельности всех государственных органов, должностных лиц и граждан [6, с. 312].

В советское время существовало широкое и узкое понимания социалистической законности. В широком смысле социалистическая законность представлялась в качестве принципа требуемого поведения в равной степени от всех и каждого, а именно требования соблюдать закон (Н.Г.Александров) [7, с. 105]. В узком смысле социалистическая законность определялась в качестве принципа деятельности государственного аппарата. Автор полагал, что значение социалистической законности заключалось в осуществлении всех властных действий (прежде всего, государственного принуждения) на основании точного и неуклонного исполнения законов при строгом соблюдении всеми должностными лицами прав и законных интересов граждан.

Таким образом, во многих научных работах законность определялась как неукоснительное исполнение законов, принятых советской властью. Кроме того, законность было принято связывать с проблемами государственного строительства, что облекало ее в форму исполнения законодательства, иными словами, превращало в одну из форм реализации права.

После революционных событий 1917 года в Советской России стали формироваться разного рода направления и взгляды на понимание права. Концепция революционного права развивалась народным комиссаром юстиции Д.И.Курским. Согласно его позиции, правом в условиях диктатуры пролетариата являлось непосредственное выражение интересов самого пролетариата, но никак не интересов отдельных граждан. Д.И.Курский высоко оценивал работу революционных народных судов, считая их ничем иным как новым источником права, имевшим при этом неограниченную свободу в принятии решений, в основе которых лежала не столько правовая норма, сколько судебское усмотрение [8, с. 55-60]. Итак, на начальном этапе формирования советской государственности главным и фактически единственным источником права являлось революционное право иначе называемое пролетарским. Примечательно, что Д.И.Курский полагал, что законность может быть исключительно революционной, а интересы государства по сравнению с интересами личности всегда обладают исключительным приоритетом. Наличие в государстве надежной и устойчивой системы законодательства также необходимо, поскольку лишь в этом случае можно заниматься практическим воплощением идеи революционной законности [9, с. 74].

В 1917—1918 гг. в Советской России наблюдалось смешение процедур гражданско-правового и уголовно-правового регулирования: на практике под действие уголовного законодательства попадали в том числе и гражданско-правовые отношения. Д.И.Курский считал такое положение не только нормальным, но и единственно верным в условиях революционного времени. Именно он сформулировал правовую природу и сущность советского права в качестве орудия диктатуры пролетариата и одного из важнейших инструментов политики советского правительства. Следует отметить, что позиция Д.И.Курского не являлась особенной или исключительной: похожие взгляды на право как на одно из средств диктатуры пролетариата имело большинство представителей советской юридической науки.

Период с конца 1917 по середину 1918 гг. являлся важным этапом формирования уголовной политики Советского государства: происходило становление советского права как такового, началось создание новой системы государственного управления, для чего создавались центральные органы исполнительной власти — Народные комиссариаты. Одним из первых был образован Народный комиссариат юстиции (далее — НКЮ), созданный 27 декабря 1917 г и имевший решающее значение для организационно-правового оформления советской правовой системы [1, с. 20-21]. С первых дней существования перед Народным комиссариатом юстиции была поставлена задача разработки норм нового советского права (прежде всего, в сфере уголовно-правовых отношений и уголовного судопроизводства) и создания судебной системы нового времени. Руководство наркоматом осуществлял П.И. Стучка, который одновременно являлся заведующим юридическим отделом Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее — ВЦИК) [10, с. 34]. Народный комиссариат юстиции состоял из пяти отделов, из которых важнейшее значение в контексте исследуемого вопроса имел отдел законодательных предположений и кодификации, образованный 12 декабря 1917 г. [11, с. 130]. Именно в этом отделе осуществлялась подготовка проектов декретов, а также давалась экспертная оценка проектов декретов, подготовленных в других ведомствах. В начале 1918 года из него был выделен отдел кодификации, который впоследствии занимался созданием первых советских кодифицированных актов. Кроме того, именно в отделе кодификации был подготовлен План Свода законов русской революции, предусматривавший рецепцию дореволюционного законодательства для создания правовых основ Советского государства [12].

Следует отметить, что Народный комиссариат юстиции также осуществлял надзор за исполнением законов (с правом обжалования незаконных постановлений и решений), за расследованием дел с правом их обжалования и др. В этот период не представляло труда отследить тенденцию постоянного расширения надзорных функций Народного комиссариата юстиции, что приводило к появлению проблем его взаимодействия с другими органами. В результате, 19 декабря 1917 г. СНК принял решение о частичном ограничении функционала этого комиссариата. В частности, устанавливалась недопустимость надзора за деятельностью органов ВЧК (также запрещалось изменять их постановления и распоряжения). В случае таковой необходимости Народный комиссариат юстиции имел право обжаловать решения ВЧК в Совете Народных Комиссаров [13, с. 130-133].

В первые месяцы становления советской власти к числу источников уголовного права следует отнести декреты, принятые Советом народных комиссаров (далее — СНК) и ВЦИК, приказы Всероссийской чрезвычайной комиссии (далее — ВЧК) и народных комиссариатов. Если к апрелю 1918 г. в стране было принято немногим более 30 декретов и актов уголовно-правового характера, то к середине 1918 г. их насчитывалось более ста [14, с. 105]. В первую очередь уголовное законодательство закрепило нормы, направленные на борьбу с преступлениями, представлявшими наибольшую опасность для молодого советского государства: саботаж, контрреволюционная деятельность, взяточничество, спекуляция, дезертирство и т. д. Так, 8 мая 1918 г. был издан декрет СНК «О взяточничестве», предусматривавший для лиц, состоявших на государственной или общественной службе, уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок не менее 5 лет [11, с. 487-488]. Примечательно, что данный декрет имел обратную силу, о чем напрямую указано в тексте документа (пункт 6); при этом парадоксальность регулирования заключалась в том, что лицо освобождалось от уголовного преследования в случае оперативного (в течение 3 месяцев с момента издания декрета) уведомления судебных властей о даче взятки. Иными словами, своевременное признание лица в совершении преступления освобождало его от уголовной ответственности. 22 июля 1918 г. был принят декрет СНК «О спекуляции», который фактически запретил свободную торговлю, определив ее преступлением — общая норма декрета предусматривала уголовную ответственность «не ниже лишения свободы на срок не менее 10 лет» [11, с. 725-726].

В 1918 г. организации борьбы с дезертирством было посвящено сразу несколько нормативных правовых актов, последовательно издаваемых советским правительством. Первый из них (декрет СНК от 29 июля 1918 г.) понятие дезертирства формально не закрепил, но фактически установил недопустимость уклонения от призыва определенным категориям граждан [11, с. 756-757]. В дальнейшем институт уголовного преследования за дезертирство был существенно расширен: развивались как уголовная и уголовно-процессуальная стороны, так и организационные механизмы этого вопроса.

Следует полагать, что в рассматриваемый период важнейшие взгляды как на вопросы понимания уголовного права, так и на принципы соотношения права и закона в целом были сформулированы П.И.Стучкой. По его мнению, право представляло собой систему общественных отношений, которая, с одной стороны, должна соответствовать интересам правящего класса, а с другой — охраняться его организованной силой. [15, с. 58]. Фактически П.И.Стучка нивелировал формальную составляющую правоотношений, определяя основным содержанием права интерес господствующего права. Вообще классовый подход в сфере проведения государственной политики, закрепленный в советском законодательстве, оказал влияние на развитие уголовно-правовой теории, которую называли не иначе как теорией революционного правосознания. Большой вклад в процесс ее оформления сделал П.И.Стучка. По его мнению, общественные отношения новой формации должны складываться не посредством принуждения, а через убеждения. Такой подход приводит к возникновению нового типа правосознания, последовательно проходящего этапы становления от внутреннего убеждения личности, затем малых групп, потом классов общества и, в конечном счете, всего человечества [16, с. 26].

Таким образом, уголовная политика Российского государства в конце 1917 — середине 1918 гг. находилась в стадии организационного оформления, отличалась своеобразием и только ей присущими характерными особенностями. Эта специфичность напрямую была связана с такими политико-правовыми категориями как революционное правосознание и социалистическая законность, которые никак не ограничивали судебные органы при установлении меры ответственности в рамках преступлений, совершенных в целях защиты революции. Иными словами, характер уголовной политики должен был соответствовать не столько установленным правовым нормам, сколько политическим целям советского правительства. Именно на таких принципах формировались основы советского уголовного законодательства.

1. Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. 626 с.
2. Стучка П.И. Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие для курса «Введение в советское право» / С предисл. П.Кузьмина. Изд. 3-е. М.: Советское законодательство, 1934. 158 с.
3. Ленин В.И. Доклад Совета Народных Комиссаров 5 июля // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 36: март — июль 1918 г. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 491-513.
4. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я.Сухарев. М.: Советская энциклопедия, 1984. 415 с.
5. Денисов А.И. Теория государства и права. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1971. 532 с.
6. Теория государства и права. Учебник / Отв. ред. А.И.Королев, Л.С.Явич. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. 382 с.
7. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. 271 с.
8. Курский Д.И. Основы революционного суда // Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 1: Первый Всероссийский съезд областных и губернских комиссаров юстиции. М.: Издание Народного Комиссариата юстиции, 1918. С. 55-60.
9. Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 192 с.
10. Протокол № 6 заседания ВЦИК от 6 ноября 1917 г. // Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р., С., Кр. и Каз. Депутатов II созыва. М.: Издательство ВЦИК, 1918. С. 34-39.
11. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. 1483 с.
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 166. Л. 40-42.
13. Министерство юстиции России за 200 лет (1802—2002): Историко-правовой очерк / Науч. ред.: М.М.Рассолов, С.А.Батова. М.: НОРМА, 2002. 405 с.
14. Колемасов В.Н. Советская уголовно-правовая политика в 1917—1928 годах // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2008. № 1(20). С. 105-108.

15. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латгосиздат, 1964. 748 с.
16. Стучка П.И. Народный суд в вопросах и ответах: неофициальное руководство с алфавитным предметным указателем и с приложением важнейших для Народного суда декретов Рабоче-Крестьянского правительства. Баку, 1920. 120 с.

References

1. Dekrety Sovetskoy vlasti. T. 1: 25 oktyabrya 1917 g. — 16 marta 1918 g. [Decrees of the Soviet government. Vol. 1: October 25, 1917 — March 16, 1918]. Moscow, 1957. 626 p.
2. Stuchka P.I. Revolyutsionnaya rol' sovetskogo prava: khrestomatiya-posobie dlya kursa "Vvedenie v sovetskoe pravo" [The revolutionary role of Soviet law: an anthology for the course "Introduction to Soviet Law"]. Moscow, 1934. 158 p.
3. Lenin V.I. Doklad Soveta Narodnykh Komissarov 5 iyulya [Report of the Council of People's Commissars on July 5]. In: Complete works, vol. 36: mart — iyul' 1918 g. Moscow, 1969, pp. 491-513.
4. Sukharev A.Ya., ed. Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Legal Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1984. 415 p.
5. Denisov A.I. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of Government and Rights]. Moscow, 1971. 532 p.
6. Korolev A.I., Yavich L.S., eds. Teoriya gosudarstva i prava. Uchebnik [Theory of Government and Rights. Textbook]. Leningrad, 1982. 382 p.
7. Aleksandrov N.G. Pravo i zakonnost' v period razvernutoy stroitel'stva kommunizma [Law and legality in the period of extensive construction of communism]. Moscow, 1961. 271 p.
8. Kurskiy D.I. Osnovy revolyutsionnogo suda [Fundamentals of the revolutionary court]. Materialy Narodnogo komissariata yustitsii, iss. 1: Pervyy Vserossiyskiy s'ezd oblastnykh i gubernskikh komissarov yustitsii. Moscow, 1918, pp. 55-60.
9. Kurskiy D.I. Izbrannyye stat'i i rechi [Selected articles and speeches]. Moscow, 1948. 192 p.
10. Protokol № 6 zasedaniya VTsIK ot 6 noyabrya 1917 g. [Protocol No. 6 of the meeting of the All-Russian Central Executive Committee of November 6, 1917]. Protokoly zasedaniy Vserossiyskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov R., S., Kr. i Kaz. Deputatov II sozyva. Moscow, 1918, pp. 34-39.
11. Sobranie zakonov i rasporyazheniy pravitel'stva za 1917—1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR [Collection of legalizations and orders of the government for 1917—1918. Administration of the Council of People's Commissars of the USSR]. Moscow, 1942. 1483 p.
12. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A-353. Op. 2. D. 166. L. 40-42.
13. Rassolov M.M., Batova S.A., eds. Ministerstvo yustitsii Rossii za 200 let (1802—2002): Istoriko-pravovoy ocherk [Ministry of Justice of Russia for 200 years (1802—2002): Historical and legal essay]. Moscow, 2002. 405 p.
14. Kolesov V.N. Sovetskaya ugolovno-pravovaya politika v 1917—1928 godakh [Kolesov V.N. Soviet criminal law policy in 1917—1928]. Promyshlennost': ekonomika, upravlenie, tekhnologii, 2008, no. 1(20), pp. 105-108.
15. Stuchka P.I. Izbrannyye proizvedeniya po marksistsko-leninskoy teorii prava [Selected works on the Marxist-Leninist theory of law]. Riga, 1964. 748 p.
16. Stuchka P.I. Narodnyy sud v voprosakh i otvetakh: neofitsial'noye rukovodstvo s alfavitnym predmetnym ukazatelem i s prilozheniem vazhneyshikh dlya Narodnogo suda dekretov Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva [The People's Court in Questions and Answers: an unofficial guide with an alphabetical index of the subject and with an appendix of the most important decrees of the Workers' and Peasants' Government for the People's Court]. Baku, 1920. 120 p.

Kolotkov M.B., Zarubina K.A. The History of the criminal policy of the Russian state (late 1917 — mid 1918). The study is devoted to the problem of the formation of criminal policy in the first months of the existence of Soviet statehood. The author shows the specifics of the formation of views on the understanding of law after the revolutionary events of 1917. The influence of the personalities of V.I.Lenin, D.I.Kurskiy and P.A.Stuchka is shown both on the issues of understanding criminal law and on the principles of the relationship between law and the law as a whole. A distinctive feature of this historical period should be considered a significant gap between the law as the main legal source and the law itself. Attention is paid to the new system of public administration from the point of view of building criminal policy, the main sources of criminal law are shown. The analysis of these plots suggests that the class approach in the sphere of Bolshevik policy, enshrined in Soviet decrees, had a strong influence on the development of criminal law theory, which was often called the theory of revolutionary legal consciousness.

Keywords: criminal policy, criminal law, Soviet law, sources of criminal law, P.A.Stuchka, D.I.Kurskiy.

Сведения об авторах. Михаил Борисович Колотков — доктор юридических наук, главный научный сотрудник Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; ORCID: 0000-0002-0349-9789; mkolotkov@yandex.ru; Кристина Александровна Зарубина — преподаватель кафедры теории и истории государства и права; Юго-Западный государственный университет; ORCID: 0000-0003-2725-6906; kris1996z@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Колотков М.Б., Зарубина К.А. История уголовной политики Российского государства (конец 1917 — середина 1918 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 309-312. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).309-312

For citation: Kolotkov M.B., Zarubina K.A. The History of the criminal policy of the Russian state (late 1917 — mid 1918). *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 309-312. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).309-312

С.В.Кулик

ДОБРОВОЛЬНОЕ И ВЫНУЖДЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГРАЖДАН НАШЕЙ СТРАНЫ С НАЦИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ

После окончания Великой Отечественной войны люди, проживавшие на временно оккупированной врагом территории, были вынуждены на вопрос анкеты о наличии такого порочащего биографию факта, отвечать положительно. Далеко не все из них смогли оказаться в партизанских отрядах. При этом следует признать, абсолютное большинство из них уголовному преследованию не подвергалось. Следовательно, представители советских властных структур осознавали, что иной возможности выжить у этих граждан не было. Однако некоторые из них пошли на активное сотрудничество с врагом. Они занимали различные должности в коллаборационистских структурах, становились старостами и полицейскими. Советское Соппротивление заслуженно считало их врагами и вело с ними беспощадную борьбу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нацистский оккупационный режим, коллаборационизм, старосты, полицейские, партизанские движение

После окончания Великой Отечественной войны люди, проживавшие на временно оккупированной врагом территории, были вынуждены на вопрос анкеты о наличии такого порочащего биографию факта, отвечать положительно. Далеко не все из них смогли оказаться в партизанских отрядах. При этом следует признать, абсолютное большинство наших сограждан уголовному преследованию не подвергалось. Следовательно, представители советских властных структур осознавали, что иной возможности выжить у этих людей, как работать на оккупантов не было. Они, таким образом, спасались от голодной смерти, спасали от гибели своих родных и близких.

Следует особо отметить, что до распада СССР о партизанском движении во время Великой Отечественной войны писали довольно много. Свои труды этому посвящали как бывшие народные мстители, руководители партизанского движения, так и профессиональные историки: П.Р.Шевердалкин [1], И.В.Виноградов [2], К.Д.Карицкий [3], А.Н.Асмолов [4] и И.И.Сергуни [5]. Особое внимание заслуживает фундаментальное исследование Юрия Павловича Петрова, посвященное партизанскому движению на территории Ленинградской области [6]. Однако все эти авторы практически не затрагивали вопросы, связанные с участием наших граждан в созданных гитлеровцами структурах так называемой «новой русской администрации».

Понятно, что сотрудничать с противником-оккупантом можно по-разному. Среди лиц, искренне ненавидевших Советскую власть, которые пострадали от неё (раскулаченные, так называемые «бывшие», уголовники), встречались просто малодушные и обыкновенные приспособленцы. Многие наши сограждане в 1941 году испытали реальный шок от того, что советская военная доктрина 30-х годов «Малой кровью — могучим ударом! Мы будем воевать только на территории противника!» оказалась полностью несостоятельной.

Гитлеровские оккупанты со своей расовой теорией заигрывали с представителями национальных меньшинств, особенно западных. Так эстонцы, латыши, финны рассматривались по сравнению со славянами как потенциально союзное, «дружеское» население. Особое привилегированное место занимали фольксдойчи — люди, которые смогли доказать свои немецкие корни, свою немецкую кровь.

Оккупанты отказались от административного деления, существовавшего до войны. При этом все их действия были направлены на максимальное использование экономического потенциала захваченных территорий, при безусловном закабалении граждан нашей страны [7, л. 35].

Опираясь на своих пособников, работавших в аппарате оккупационной администрации, гитлеровцы поставили цель привлечь местное население к осуществлению своих политических, экономических и военных мероприятий. Это могла быть работа в сельском хозяйстве, на производстве или в какой-либо структуре, в которой были заинтересованы как тыловые службы Вермахта, так и Абвер. В противном случае гражданам нашей страны грозила смерть от голода или репрессивных акций гитлеровцев или их вооруженных пособников.

Немецкое командование отказалось от названий советской административной реформы, которая прошла в СССР в начале 30-х годов. Использовались понятия, принятые в дореволюционной России. Так, во главе деревни стоял сельский староста. Ему подчинялись несколько человек. Обычно это был его заместитель, писарь и несколько полицейских. Оккупанты считали, что это наиболее оптимальная структура, позволяющая им максимально собирать налоги, бороться с любыми проявлениями недовольства, а также контролировать политическую ситуацию.

Здесь весьма успешно сочеталась политика «кнута и пряника». С одной стороны часть награбленного имущества коллаборационисты низшего звена могли оставлять себе. Однако даже за подозрение в контактах с представителями движения Соппротивления их жестоко наказывали, вплоть до физического уничтожения. По мнению гитлеровцев это способствовало успешному проведению различных мероприятий со стороны немецких властей [7, л. 35об.].

Сельский староста обычно избирался на сельском сходе по рекомендации гитлеровских властей. Это хорошо показано в немецкой еженедельной военной кинохронике. Там мы видим немецких солдат, стоящих рядом со своим ставленником, большое знамя со свастикой и нацистское приветствие «нового русского хозяина деревни».

Таким образом, эти старосты фактически не избирались, а назначались. Как писали представители советского Сопротивления: «На сходе никто не может встать против немецкого ставленника, а из честных советских граждан никто добровольно не захочет быть старостой» [7, л. 35об.].

К положительным признакам представителей «новой русской администрации», на которые немецкие захватчики обращали внимание, относилось минимальное знание немецкого языка, бравый вид, умение приветствовать поднятием руки или просто удобная для произношения русская фамилия.

Нравилось им и традиционные русские «хлеб-соль». Фотографии последнего действа регулярно публиковались на страницах русскоязычной коллаборационистской прессы.

Старосты находились в особой группе риска. С одной стороны они были вынуждены строго выполнять все распоряжения немецких властей, с другой — становились первыми объектами для уничтожения со стороны советских партизан и подпольщиков. О многочисленных фактах возмездия народные мстители регулярно сообщали в Москву и Ленинград. При этом нужно признать, что многие старосты, особенно после коренного перелома в Великой Отечественной войне, под воздействием земляков-партизан, испытав на себе все реалии нацистского оккупационного режима, весьма часто становились добровольными помощниками советских партизан и подпольщиков.

Положение на оккупированной территории нашей страны подробно анализировалось в Москве. Так, 19 октября 1941 года заместитель начальника Политического Управления Западного фронта бригадный комиссар Ганенко доложил Начальнику Главного Политического Управления РККА армейскому комиссару 1 ранга Л.З.Мехлису «О работе отдела по партийно-политической работе среди населения и войск Красной армии, действующих на территории, занятой противником». Из него следовало: «Партизанские отряды проводят большую работу по ликвидации фашистских ставленников. Так, например, староста деревни Ляхово Локнянского района совместно с единоличником и при помощи немецких солдат разграбили партизанскую продовольственную базу.

На другой день, когда немцы уехали из деревни, партизанский отряд потребовал вернуть всё, что было забрано с базы. Староста сбежал, но был пойман партизанами и расстрелян.

В деревне Сташково Руднянского района фашистами был посажен старостой некий Шейко, который выдавал немцам партийных и советских работников. Партизанский отряд расстрелял Шейко и его семью.

В деревне Приволье партизанами уничтожены предатели советской власти братья Петровы и некий Марк» [7, л. 3-4].

Особое внимание в этом документе обращалось на факты преступлений коллаборационистов против мирного населения. Хотя это официальная бумага, они подавались очень эмоционально: «На основе имеющихся материалов установлено, что немецко-фашистские бандиты применяют самые гнусные методы и приёмы для воздействия на население, стремясь всё время держать его в страхе, в полном и беспрекословном повиновении» [7, л. 4].

В 1941 году в качестве потенциальных союзников гитлеровцев назывались кулаки, уголовники и «всякий иной антисоветский элемент». Именно они в «самых широких размерах применяли зверские расправы» для запугивания населения.

Для названия гитлеровских пособников советские пропагандисты использовали негативную лексику, которой пользовались до войны. Иногда она по смыслу не совсем соответствовала смыслу используемого термина: «Так в деревне Влонное Демидовского района Смоленской области немцы объявили своим представителям провокатора Кожемякина Егора и угрожают населению, что если его кто-либо тронет, то будет сожжена вся деревня и население, проживающее в ней.

По указке этого мерзавца в деревне Ополе были растерзаны фашистами 55 коммунистов и сожжены 6 домов» [7, л. 9].

Понятно, что Егор Кожемякин изменник и предатель, но непонятно: в чем же заключалась его провокация? В качестве потенциальных противников Советской власти в этом документе назывались бывшие кулаки, репрессированные советской властью, дезертиры из Красной армии, уголовники, а также представители интеллигенции: «Большие права немцы предоставили назначенным ими деревенским старостам. По приказу немцев староста имеет право применять телесные наказания.

Из этого документа также следовало, что в деревне Марково немцами была организована «банда из кулаков и дезертиров» для борьбы с партизанами. «Руководитель банды Смирнов Александр Яковлевич, сын кулака, дезертир. Выявлено 13 человек — участников банды. Все они — бывшие единоличники» [7, л. 10].

В Сергеевском сельсовете из дезертиров-единоличников был создан специальный отряд во главе с единоличником Кудрявцевым, которого немцы вооружили и предоставили ему неограниченные права по расправе с населением.

Наряду с использованием кулацких уголовных элементов в городе Смоленске на службе у фашистских оккупантов оказались некоторые лица из интеллигенции, которые раньше клялись в верности советской власти.

Очень часто все эти сельские старосты, писари, агрономы, переводчики и полицейские, активно работавшие на гитлеровцев, не просто выполняли приказы, а в своих издевательствах над мирным населением, многочисленных поборах и реквизициях превосходили своих немецких хозяев.

Кроме натуральной оплаты (продовольственного пайка), старосты и полицейские получали деньги. Это были советские денежные знаки, захваченные гитлеровцами в качестве трофея в начальный период войны. В среднем выходило 300—450 руб. в месяц для старосты, 200—300 руб. для писаря [7, л. 35об.].

Понятно, что в условиях натурализации товаро-денежных отношений на оккупированной территории денежные знаки не играли существенной роли. Гораздо важнее для старост и полицейских был сам факт власти, который позволял им получать различные материальные блага, жить гораздо обеспеченнее своих соседей. Хотя за это им зачастую приходилось расплачиваться как собственной жизнью, так и жизнями своих ближайших родственников.

Территория волости обычно была схожа с территорией бывших советских сельсоветов. Волостной старшина имел специальную печать, полученную от оккупантов. Все работы, которые ему поручали немцы, он проводил через сельских старост и начальника полиции.

Представители советского сопротивления отмечали: «Очень большое значение имеет волостной писарь, который частенько через голову старшины вершит свои дела в волости» [7, л. 35об.]. Именно самый маленький чиновник местного уровня, писарь, за взятку или из патриотических соображений мог предоставить партизанам или подпольщикам необходимые им документы или бланки.

На должность волостного старшины гитлеровцы предпочитали назначать людей не просто верных им, а специалистов, имевших определенный опыт работы с людьми или какой-либо техникой. Среди них могли быть агрономы, инженеры, председатели сельских советов, сельские учителя, хорошо знающих свой район. Так же для оккупантов было важно, чтобы все они смогли доказать факт того, что у них имелись конфликты с Советской властью.

Одним из самых серьезных документов, который рассматривался представителями немецких оккупационных служб при устройстве русского на работу, была справка об освобождении его из мест заключения.

С весны 1942 г., когда гитлеровцы остро почувствовали нехватку войск, особенно для охраны собственного тыла от налетов партизан, они приступили к еще более активному вовлечению в добровольческие части и подразделения советских граждан различных национальностей.

В 1942 году на Северо-Западе России гитлеровцы провели ряд крупных карательных экспедиций против партизан, сжигая на своем пути деревни и зверски расправляясь с мирным населением. Следует отметить, что военные преступления совершали не только немцы. Среди них были латыши, а также украинцы и русские, добровольно вступившие в карательные батальоны СС. В конечном счете, советским партизанам не удалось отстоять Ленинградский партизанский край. Но это не уменьшило боевой деятельности сил антифашистского Сопротивления [8].

С первого дня оккупации немцы требовали от мирного населения выдавать коммунистов, комсомольцев, партизан, всех сочувствующих советской власти. Во всех населенных пунктах были вывешены приказы немецкого командования. В них указывалось, что лица, укрывающие партизан или содействующие им и частям Красной Армии, а равно противодействующие немецким оккупантам, будут повешены или расстреляны [9].

В этом гитлеровцам всемерно помогала коллаборационистская «русская полиция». Для большего доверия в некоторых районах она даже была переименована в «народную милицию». Вот как формулировались задачи, возложенные немецким командованием на данный орган: на аппарат немецкого порядка, который именовался «народной милицией», немецкое командование возлагало задачу охраны порядка, установленного немцами на оккупированной территории. Эту задачу милиция в городах и селах выполняла при охране населенных пунктов, проверке документов у всех проходящих через населенные пункты, охрану всевозможных учреждений и объектов, сооружений и лесов.

Кроме того, задачей, поставленной перед «народной милицией», являлась самая активная борьба с ширящимся партизанским движением и растущим народным недовольством против немецких захватчиков. Эта задача выполнялась группами полицейских в тылу, а также специально созданными для борьбы с партизанами полицейскими формированиями в уездах и городах [7, л. 36].

Советское подполье регулярно сообщало на «Большую землю» о составе коллаборационистских вооруженных формирований, а также их руководителей: «По распоряжению начальника народной милиции кроме полицейских имеется отряд охраны. В городе Брянске имеется такой отряд охраны в составе 120 человек, он предназначен для борьбы с партизанами. Командует этим отрядом Покровский Владимир. При начальнике полиции Навлинского района имеются отряды по борьбе с партизанами. Начальником этих отрядов является некий Прошин» [7, л. 36].

Понятно, что полицейские наиболее активно выполняли ту работу, которая могла принести им реальную материальную выгоду. В Центральном штабе партизанского движения особо отмечалось, что «на народную милицию возлагаются все задачи по проведению в жизнь всех приказов и распоряжений немецкого командования, которые она проводит очень рьяно, порою даже с большим усердием, чем немецкие солдаты.

Полиция контролирует налоговый режим, установленный немцами, причем особенно выгодной полицейские считают торговлю на рынках и контроль над торговлей, которая приносит большой доход.

Особенно выгодной полицейские считают торговлю на рынках и контроль над торговлей, которая приносит большой доход, ибо здесь они могут использовать всевозможные вымогательства по отношению населения, выносящего свои товары на базар.

На «народную милицию» возлагалась и борьба с советскими парашютистами, которая велась на основе специальной инструкции. В их функции также входило осуществление прописки населения, его полный учет и контроль [7, л. 36об.].

Центральный штаб партизанского движения признал, что полицейские вооруженные формирования являются для сил Сопротивления весьма существенной проблемой, которая «чрезвычайно затруднило боевую деятельность партизан». При этом «эта так называемая народная милиция по своему составу очень разношерстна и малоустойчива» [7, л. 36об.].

Следует признать, что активность коллаборационистов была в немалой степени связана с успехами или неудачами Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны. По мере активизации всенародной борьбы в тылу врага и побед РККА личный состав русской полиции и вооруженных формирований оказался в значительной степени расколот. Часть из них с оружием в руках перешла на сторону партизан, убеждённые же противники советской власти вошли в состав Русской освободительной армии генерала Власова, а затем попытались найти убежище на Западе.

Большую актуальность, особенно в переживаемое нами время, имеет полное выявление всех причин, побудивших наших соотечественников отречься от собственного народа и пойти на услужение врагу в самое сложное для нашей страны время.

1. Швердалькин П.Р. Героическая борьба ленинградских партизан. Л., 1959. 307 с.
2. Виноградов И.В. Дорога через фронт: Записки партизана. Л., 1964. 367 с.
3. Карицкий К.Д. Ленинградские партизаны. Л., 1962. 96 с.
4. Асмолов А.Н. Фронт в тылу вермахта. М., 1983. 302 с.
5. Сергунин И.И. Давали клятву партизаны. Л., 1985. 382 с.
6. Петров Ю.П. Партизанское движение на территории Ленинградской области. 1941—1944. Л., 1973. 454 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911.
8. Старинов И.Г. История партизанского движения. М., 2005. С. 264.
9. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. М., 2004. С. 69.

References

1. Sheverdalkin P.R. Geroicheskaya bor'ba leningradskikh partisan [The heroic struggle of the Leningrad partisans]. Leningrad, 1959. 307 p.
2. Vinogradov I.V. Doroga cherez front: Zapiski partizana [The front-line road: Notes of a partisan]. Leningrad, 1964. 367 p.
3. Karitskiy K.D. Leningradskie partizany [Leningrad partisans]. Leningrad, 1962. 96 p.
4. Asmolov A.N. Front v tylu vermakhta [Front in the rear of the Wehrmacht]. Moscow, 1983. 302 p.
5. Sergunin I.I. Davali klyatvu partizany [Partisans swore the oath]. Leningrad, 1985. 382 p.
6. Petrov Yu.P. Partizanskoe dvizhenie na territorii Leningradskoy oblasti. 1941—1944 [Partisan movement on the territory of the Leningrad region]. Leningrad, 1973. 454 p.
7. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. Fund 69. Inventory list 1. File 911.
8. Starinov I.G. Istoriya partizanskogo dvizheniya [History of the partisan movement]. Moscow, 2005, p. 264.
9. Kovalev B.N. Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii [Nazi occupation and collaboration in Russia]. Moscow, 2004, p. 69.

Kulik S.V. Voluntary and forced collaboration of Soviet citizens with Nazi occupiers. After the end of the Great Patriotic War, people who lived in the territory temporarily occupied by the enemy were forced to respond positively to the question of the enquiry about this discrediting fact. Not all of them were members of partisan detachments. At the same time, it should be recognized that the vast majority of them were not subjected to criminal prosecution. This means that bodies of the Soviet government realized that those citizens had no other opportunity to survive. However, some of Soviet citizens opt to collaborate with the enemy. They held various positions in the collaborationist administration, became village elders and policemen. The Soviet Resistance deservedly considered them enemies and waged a relentless fight against them.

Keywords: Great Patriotic War, Nazi occupation regime, collaborationism, village elders, policemen, guerilla movement.

Сведения об авторе. Сергей Владимирович Кулик — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета, научный сотрудник Института истории обороны и блокады Ленинграда; ORCID: 0000-0002-4093-5236; kulik54@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Кулик С.В. Добровольное и вынужденное сотрудничество граждан нашей страны с нацистскими оккупантами // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 313-316. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).313-316

For citation: Kulik S.V. Voluntary and forced collaboration of Soviet citizens with Nazi occupiers. *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 313-316. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).313-316

Р.М. Мухаметзянова-Дуггал

РЕЛИГИОЗНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ВЕРУЮЩИХ БАШКОРТОСТАНА

В статье содержатся сведения о поликонфессиональном составе населения России и Республики Башкортостан на современном этапе. Выявлена степень регулярности отдельных показателей религиозного поведения верующих — активных членов религиозных общин (мусульман и православных) республики: посещение мечетей / храмов; чтение молитв, Корана и Библии, а также религиозной литературы; доля верующих, придерживающихся поста; показатель паломнической деятельности; частота исповеди и причастия; соблюдение предписаний по одежде. Рассмотрен такой индикатор религиозного сознания, как понимание религиозности самими верующими.

Ключевые слова: религиозное поведение, верующие, мусульмане, православные, Башкортостан, Россия

Россия является одним из крупнейших полиэтнических и многоконфессиональных государств мира. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, на территории России проживает порядка 143 млн человек, представители 193 различных национальностей. Верующие объединены в религиозные организации почти 70 направлений. Так, по статистическим данным Министерства юстиции РФ, на текущий момент значится 32209 зарегистрированных религиозных организаций [1]. Согласно данным ВЦИОМ в 2021 г. в России православные составляли 66 %, мусульмане — 4 %, внеконфессиональные верующие — 4 %, неверующие — 4 % [2]. В Башкортостане наиболее многочисленными и распространенными конфессиями являются ислам и православие: 71 % — мусульманские объединения, 19 % — православные, иные — 10 %. Всего по республике зарегистрировано 1823 религиозных организаций, 308 — действуют без регистрации, в форме религиозных групп [3].

Цель статьи — рассмотреть религиозное поведение активных верующих Башкортостана и выявить частоту / степень регулярности таких проявлений, как посещение мечетей / церквей, выполнение религиозных таинств и обрядов, знание духовно-нравственных и моральных предписаний, чтение религиозной литературы и другие показатели.

Эмпирической базой исследования послужили полевые материалы соцопроса, проведенного религиоведами Института этнологических исследований УФИЦ РАН. Исследование проходило в 2020—2021 гг. на территории Башкортостана среди сельских жителей, представителей малых городов и жителей столицы Башкортостана — г. Уфы. Опрошено 434 человека (273 — мусульман, 161 — православных), представители различных национальностей — русские, башкиры, татары, считающие себя активными верующими — регулярными членами религиозных общин. Опрос проводился по методике В.Ф.Чесноковой [4], согласно которой критериями отбора стали пять показателей религиозного поведения: посещение мечети / церкви; исповедь и причастие (у православных); чтение Корана/Евангелия; молитва; пост; хадж (у мусульман).

Показатели соблюдения религиозных обрядов дают основания судить об интенсивности религиозной жизни активных верующих республики. На вопрос «Как часто Вы ходите в мечеть/церковь?» большинство респондентов ответили «несколько раз в неделю» — 60,1% (54,2% — мусульмане, 66% — православные). Соответственно «раз в год» менее 1% — 0,8% (0,4% — мусульмане, 1,2% — православные). При этом два мусульманина (0,7%) из 273 респондентов-мусульман ходит в мечеть «каждый день раз пять» [5]. Приведенные данные подтверждают мнение отдельных исследователей о том, что посещаемость мусульманами мечети ниже, чем у православных церквей. Однако, как отмечают те же исследователи, мусульмане чаще читают молитвы в домашних условиях [6]. Об этом свидетельствуют, в частности, проведенные нами исследования. Так, на вопрос о регулярности чтения намаза, активные члены мусульманских общин ответили «читаю пятикратный намаз» — 89,4%, «читаю только пятничный намаз» — 2,2%, «читаю намаз только в праздники — Ураза-байрам, Курбан-байрам» — 1,8%. Православные на вопрос «Исполняете ли Вы молитвенное правило?» дали следующие ответы: «регулярно» — 50,9%, «время от времени» — 33,5%, «редко» — 3,7%.

На вопрос «Соблюдаете ли Вы пост?» наибольшее число голосов получили ответы «держу пост полностью» и «держу часть поста» — 86,35% (89,4% — мусульмане, 83,3% — православные). Не держат пост 7,15% опрошенных (4,4% — мусульман, 9,9% — православных).

Что касается одежды верующих республики, то среди опрошенных преобладают ответы «одеваюсь согласно предписаниям» и «одеваюсь согласно предписаниям на праздники или в мечеть / церковь» — 77,95% (79,5% — мусульмане, 76,4% — православные). Не соблюдают предписаний по одежде 11,7% мусульман, 16,1% — православных.

Среди показателей активной религиозной жизни значимым стали ответы на вопросы о чтении религиозной литературы. На вопросы «Читали ли Вы Коран или его переводы?» и «Читали ли Вы Библию?» положительно ответило абсолютное большинство верующих. На вопрос о Коране кроме ответов «да, в оригинале (на арабском языке)» и «да, читал перевод на русском языке» содержался открытый вопрос-предложение записать язык перевода «на другом языке», были даны следующие ответы: башкирский — 8,4%, татарский — 7,3%, на русском — 4,8%, арабском — 2,6%, башкирский и татарский — 1,1%, русский,

башкирский, татарский — 0,7%. На вопрос «Читаете ли Вы мусульманскую/православную литературу?» ответили, что читают регулярно или иногда 90,75% опрошенных (92,7% — мусульман, 88,8% — православных). Никогда не читают религиозную литературу — 2,9% мусульман и 5,6% — православных.

Индикаторами религиозного сознания стали ответы на вопрос «Что Вы понимаете под словом религиозность?». Полагающих, что религиозность — это «в первую очередь соблюдение столпов Ислама / религиозных правил и норм поведения» — 54,45% верующих, считающих, что религиозность — это «в первую очередь процесс нравственного совершенствования / преобразования верующего в образ Иисуса Христа, длящийся всю жизнь» — 37,4% (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1.

Мнение верующих-мусульман о религиозности
(Башкортостан, 2020—2021, % от количества опрошенных)

В первую очередь соблюдение столпов Ислама	76,0%
В первую очередь процесс нравственного совершенствования, длящийся всю жизнь	29,5%
Затрудняюсь ответить	0,8%
Другое	3,1%

Источник: ПМА — полевые материалы автора — данные соцопросов активных членов религиозных организаций (православных и мусульманских) на территории Башкортостана. 2020—2021 гг.

Таблица 2.

Мнение верующих-православных о религиозности
(Башкортостан, 2020—2021, % от количества опрошенных)

В первую очередь соблюдение религиозных правил и норм поведения	32,9%
В первую очередь процесс преобразования верующего в образ Иисуса Христа, длящийся всю жизнь	45,3%
Затрудняюсь ответить	9,9%
Другое	1,9%

Источник: ПМА — полевые материалы автора — данные соцопросов активных членов религиозных организаций (православных и мусульманских) на территории Башкортостана. 2020—2021 гг.

Собственное понимание религиозности было предложено прописать респондентам в анкете, при ответе на открытый вопрос. Среди мусульман были получены ответы: «Вера — свет! Религия — вопрос!», «Вера в единого Аллаха и выполнение его законодательства», «Правильный путь в обществе с людьми, вера», «Соблюдение канонов для совершенствования нравственности» и др. Один из ответов был максимально развернутым, респондент указал, что согласен и с первым, и со вторым утверждением (в анкете), при этом подчеркнул, что для него религиозность — «это и внешние атрибуты (молитва, пост, одежда и т.д.) и внутренние, скрытые (бескорыстие, любовь, милосердие, мягкость)». Православные респонденты так же отметили важность веры, религиозность для них — это «вера в Бога», «духовно-нравственный рост человека».

Еще одним индикатором религиозного поведения верующих является совершение паломничества / хаджа. Из общего числа опрошенных мусульман совершили хадж или планируют его совершить — 88,3%. Православных, совершивших или планирующих паломничество к христианским святыням — 73,3%. Не планируют хадж / паломничество — 7,3% мусульман и 14,3% — православных.

Главной причиной совершения хаджа — паломничества в Мекку Саудовской Аравии — для мусульман является то, что хадж — одна из основных обязанностей мусульман (столпов веры). И это нашло отражение в ответах респондентов. Также побудительными мотивами стали: «вера», «долг», «обязанность», «зов», «мечта», «духовный поиск, знакомство с культурой других мусульман», «желание увидеть места, где жил пророк Мухаммед (мир ему); места, где получал откровение от Всевышнего» и др.

На вопрос «Вы совершали другие паломнические поездки?» утвердительно ответили 13,2%, отрицательно — 77,3%. При этом 56,4% мусульман считают, что можно посещать исламские «святые места» на территории России и Башкирии, 27,1% опрошенных — полагают, что нельзя. На предложение указать наиболее важные, с точки зрения опрашиваемых, объекты посещения (если они есть) были даны следующие ответы верующими-мусульманами: Болгар (Татарстан), могилы мусульманских святых (аулия) в Учалинском, Баймакском, Миякинском районах, могила Зайнуллы ишана (Зайнуллы Расулева) в г. Троицк, мавзолей в Чишминском районе и другие. Православные верующие к христианским святыням отнесли «святые ключи в Табынске», (источники близ санатория «Красноусольск», Гафурийский район РБ), Церковь Табынской иконы Божьей Матери», «Успенский Свято-Георгиевский мужской монастырь «Святые Кустики», «Дивеево», «Свято-Троицкая Сергиева Лавра», «Иерусалим» и другие.

Среди объективных индикаторов активных (регулярных) членов православных общин стали ответы на вопросы: 1) «Как часто исповедуетесь?»; 2) «Как часто причащаетесь?». На оба вопроса были получены

примерно одинаковые ответы. Преобладающим ответом стал ответ «раз в месяц и чаще», затем «несколько раз в год» и на третьем месте «раз в неделю и чаще» (см. табл. 3).

Таблица 3.

Частота исповеди и причастия православных верующих
(Башкортостан, 2020—2021, % от количества опрошенных)

	Частота исповеди	Частота причастия
Несколько раз в неделю	2,5%	6,2%
Раз в неделю и чаще	13,0%	13,7%
Раз в месяц и чаще	45,3%	43,5%
Несколько раз в год	23,6%	20,5%
Раз в год	5,0%	4,3%
Реже, чем раз в год	3,1%	3,1%
Никогда	0,6%	-

Источник: ПМА — полевые материалы автора — данные социопросов активных членов религиозных организаций (православных и мусульманских) на территории Башкортостана. 2020—2021 гг.

Выводы. Анализ характеристик религиозного поведения активных верующих показал: 1) высокую частоту посещения мечетей / храмов, у большинства респондентов «несколько раз в неделю» (60,1%); 2) высокую степень регулярности чтения молитв (89,4% — пятикратного намаза у мусульман, 50,9% — «регулярно» молитвенного правила у православных); 3) значительная часть верующих держит пост полностью или его часть (86,35%); 4) абсолютное большинство опрошенных читают Коран и Библию, а также религиозную литературу; 5) высокий показатель паломнической деятельности (совершили паломничество/хадж или планируют его совершить более 80% верующих); 6) по показателям исповеди и причастия самую сильную позицию («раз в месяц и чаще») демонстрируют 44,4% православных верующих; 7) соблюдают предписания по одежде («одеваюсь согласно предписаниям» и «одеваюсь согласно предписаниям на праздники или в мечеть / церковь») 77,95% активных верующих. Таким образом, интенсивность вышеуказанных показателей религиозного поведения, соответствующих религиозному образу жизни и образу мысли, свидетельствуют, что они прочно вошли в жизнь активных (регулярных) членов религиозных общин; твердо ими усвоены и нередко доведены до автоматизма.

Исследование проведено по теме госзадания Института этнологических исследований им.Р.Г.Кузеева УФИЦ РАН № АААА-А21-121012290084-6.

1. О деятельности некоммерческих организаций [Электр. ресурс] // Министерство юстиции РФ. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 14.02.2023).
2. Великий пост — 2021 [Электр. ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 12.02.2023).
3. Информация о религиозной ситуации и государственно-конфессиональных отношениях на территории Республики Башкортостан на 01.01.2023 г. [Электр. ресурс] // Совет по государственно-конфессиональным отношениям при Главе РБ URL: <https://glavarb.ru/rus/administration/sovetpogosudarstvenno-konfessionalnimotnosheniyampriprezidenterb/> (дата обращения: 10.02.2023).
4. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 297 с.
5. ПМА 2020—2021 — Полевые материалы автора 2020—2021. Исследование организовано и проведено отделом религиоведения ИЭИ УФИЦ РАН в 2020—2021 гг. в рамках тем госзадания ИЭИ УФИЦ РАН № АААА-А18-118042390021-3 и № АААА-А21-121012290084-6 (рук. Р.М.Мухаметзянова-Дуггал).
6. Синелина Ю.Ю. Изменение религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян. М., 2006. 110 с.

References

1. O deyatelnosti nekommercheskikh organizatsiy [About the activities of non-profit organizations]. Ministerstvo yustitsii RF. Available at: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (accessed: 14.02.2023).
2. Velikiy post — 2021 [Great Lent]. VTsIOM. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (accessed: 12.02.2023).
3. Informatsiya o religioznoy situatsii i gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniyakh na territorii Respubliki Bashkortostan na 01.01.2023 g. [Information on the religious situation and state-confessional relations on the territory of the Republic of Bashkortostan as of January 1, 2023]. Sovet po gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniyam pri Glave RB Available at: <https://glavarb.ru/rus/administration/sovetpogosudarstvenno-konfessionalnimotnosheniyampriprezidenterb/> (accessed: 10.02.2023).
4. Chesnokova V.F. Tesnym putem: protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka [In a close way: the process of churching the population of Russia at the end of the 20th century]. Moscow, 2005. 297 p.
5. PMA 2020—2021 — Polevy materialy avtora 2020—2021. Issledovanie organizovano i provedeno otделом religiovedeniya IEI UFITs RAN v 2020—2021 gg. [PMA 2020—2021 — Author's field materials 2020-2021. The study was organized and conducted by the Department of Religious Studies of the Institute of Economic Research of the Ural Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2020-2021] v ramkakh tem gosdzadaniya IEI UFITs RAN № АААА-А18-118042390021-3 i № АААА-А21-121012290084-6 (ruk. R.M.Mukhametzyanova-Duggal).

6. Sinelina Yu.Yu. *Izmenenie religioznosti naseleniya Rossii: pravoslavnye i musul'mane: suevernoe povedenie rossiyan* [Changing the religiosity of the Russian population: Orthodox and Muslims: superstitious behaviour of Russians]. Moscow, 2006. 110 p.

Mukhametzyanova-Duggal R.M. Religious behaviour of believers of Bashkortostan. The article contains information about the poly-confessional composition of the population of Russia and the Republic of Bashkortostan at the present stage. The degree of regularity of individual indicators of believers' religious behaviour— active members of religious communities (Muslims and Orthodox) of the republic was revealed: visiting mosques / temples; reading prayers, the Koran and the Bible, as well as religious literature; the proportion of believers who adhere to fasting; the indicator of pilgrimage activity; the frequency of confession and communion; compliance with dress regulations. Such an indicator of religious consciousness as the understanding of religiosity by believers themselves is considered.

Keywords: religious behaviour, believers, Muslims, Orthodox, Bashkortostan, Russia.

Сведения об авторе. Регина Массаровна Мухаметзянова-Дуггал — доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева УФИЦ РАН, отдел религиоведения; ORCID: 0000-0002-3587-5048; mdregm@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Религиозное поведение верующих Башкортостана // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 317-320. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).317-320

For citation: Mukhametzyanova-Duggal R.M. Religious behaviour of believers of Bashkortostan. *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 317-320. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).317-320

М.В.Трушин

БАКТЕРИОЛОГ И РЕКТОР ИМПЕРАТОРСКОГО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Н.М.ЛЮБИМОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ

Николай Матвеевич Любимов — известный ученый, педагог, общественный деятель, врач. Принимал активное участие в развитии медицины (в частности — бактериологии) в Казанской губернии. Служил ректором Императорского Казанского университета. В статье приводятся ранее малоизвестные факты о детстве, молодости и других периодах жизни Н.М.Любимова, рассказанные друзьями детства, коллегами и учениками на торжественном собрании по случаю его кончины.

Ключевые слова: Николай Матвеевич Любимов, Императорский Казанский университет, Ибрагим Валиуллович Терегулов, Алексей Николаевич Казем-Бек, Петр Павлович Заболотнов, Михаил Васильевич Казанский, бактериология

*«...Учитель дорогой, товарищ беспримерный!
Зачем ушел от нас ты друг наш, добрый верный?..»*

Студент М.Мирлес

Введение. «20 февраля 1906 г., в Петербурге, скончался наш почетный член, ректор университета, почетный профессор Николай Матвеевич Любимов», — так начинается некролог в память о Н.М.Любимове (рис. 1), опубликованный А.Н.Казем-Бекем [1]¹). Отмечается, что Общество казанских врачей считает своим долгом почтить память усопшего и позднее организовать памятные мероприятия в его честь. 24 февраля 1907 г. состоялось торжественное заседание Общества, на котором близкие друзья и коллеги Н.М.Любимова, с некоторыми из которых он был знаком с детства и юности, делились своими воспоминаниями. С памятными речами тогда выступили профессор А.Н.Казем-Бек, доктор медицины М.В.Казанский, приват-доцент П.П.Заболотный, педагог и общественный деятель И.В.Терегулов. Их воспоминания об известном ученом, педагоге, враче конца XIX — начала XX в. представлены ниже.

Рис. 1. Николай Матвеевич Любимов (1852—1906) — врач, педагог, декан и ректор Императорского Казанского университета.

Слова памяти друзей, коллег, учеников. И.В.Терегулов (рис. 2) отмечает, что знакомство его с Н.М.Любимовым состоялось во втором классе Уфимской гимназии, в которую последний поступил после Уфимского уездного училища. По словам И.В.Терегулова, это «...был очень здоровый, живой мальчик, обнаруживающий большую ловкость в играх, в которых он оставался победителем... страстно любил природу и с большим интересом следил за птицами, зная их не только по наружности, но и по голосам» [2, с. 21]. Упоминается, что с ранних лет Н.М.Любимов любил читать и находить там ответы на свои вопросы, т.к. «домашние ему в этом помочь не могли». К урокам относился добросовестно. В дни летних каникул Николай Матвеевич с братьями Терегуловыми занимались изучением птичьих гнезд и яиц, жуков, бабочек, изготовлением гербариев, ловлей рыбы, охотой. Из воспоминаний И.В. Терегулова известно, что Н.М.Любимов с ранних лет воспитывался отчимом Семеном Александровичем Чернобаевым, человеком небогатым, но честным и трудолюбивым, который любил его и старался дать приемному сыну хорошее образование, поддерживая материально до второго курса университета. Решение стать доктором появилось в 4 классе гимназии — возникло оно по желанию помогать ближним и нуждающимся во врачебной помощи: с ранних лет Николай Матвеевич видел, как трудно найти врача, имея скудное жалование. В годы обучения в университете пришло увлечение глазными болезнями — его учителем был профессор Е.В.Адамюк, однако по предложению профессора А.В.Петрова остался при кафедре патологической анатомии, «...с жаром принялся изучать патологическую анатомию и гистологию», говаривая «...а ведь я начинаю сознательно смотреть в «поганую трубку»² и ориентироваться в процессах» [2, с. 23]. И.В.Терегулов вспоминает, что у Николая

Матвеевича было желание быть не только теоретиком, но и заниматься практикой — в Казани он посещал и участвовал в операциях в Земской и Александровской больницах, а также в клинике профессора Виноградова. В своей родной Уфе прием вел в своем доме на улице Ильинской — прием велся часто с 8 утра и до 6 вечера. И.В.Терегулов отмечал, что наиболее часто к нему приходили с глазными болезнями, а прием велся преимущественно бесплатно, что «...вызывало немало нареканий со стороны товарищей-врачей» [2, с. 23]. «Так жил и работал в свой родной Уфе (да и в Казани его многие знают с этой стороны) этот высоко-гуманный, отзывчивый, деликатный, забывший себя ради горячо любимого дела человек» [2, с. 24], — заключает И.В.Терегулов, его друг детства.

Рис. 2. Ибрагим Валиуллович Терегулов (1852—1921). Родился в Уфе в 1852 г. После окончания русской гимназии с 1874 по 1878 г. обучался в Казанском ветеринарном институте, параллельно был вольнослушателем на историческом отделении Императорского Казанского университета. Внес огромный вклад в популяризацию научных знаний среди татарского населения Казанской губернии. Скончался в 1921 г. в Самарканде, исполняя должность заведующего кафедрой биологии Высшего педагогического института [7].

А.Н. Казем-Бек (рис. 3) вспоминал, как он в возрасте 16 лет познакомился с Николаем Матвеевичем в одном из семейств Уфы (в то время Любимов уже получил звание лекаря и был помощником прозектора по кафедре патологической анатомии). Алексей Николаевич пишет, что Николай Матвеевич был «образцом простоты негнушания зеленой молодежью» [3, с. 18]. В качестве примера приводится блестяще сыгранная Н.М.Любимовым роль Мордоплюева в комедии «Жених из ножевой линии», которая была поставлена местной молодежью. Более тесное сближение А.Н.Казем-Бека с покойным состоялось во время его обучения на медицинском факультете Казанского университета и в особенности, когда Алексей Николаевич уже стал заведовать кафедрой диагностики. Он отмечал, что с кончиной профессора Н.А.Виноградова для Николая Матвеевича пришли тяжелые времена — достать труп для вскрытия со студентами стало настоящей проблемой, и Алексей Николаевич часто его выручал, заведую Александровской больницей [3, с. 19]. В заключение А.Н.Казем-Бек отмечал: «Суммируя свои впечатления за слишком 30 летнее знакомство с покойным, я могу сказать, что Н.М. каким был 30 лет назад, таким же простым, общедоступным, оставался и до конца своей жизни, занимая высокий пост ректора автономного университета» [3, с. 20].

Рис. 3. Алексей Николаевич Казем-Бек (1859—1919). Казанский врач, заведующий кафедрами врачебной диагностики и факультетской терапии, инициатор строительства противотуберкулезной клиники для бедных.

В сообщении П.П.Заболотнова (рис. 4) сообщается, что Н.М.Любимов потерял отца, будучи еще грудным ребенком, а мать его спустя 2 года вышла повторно замуж за чиновника казенной палаты С.А.Чернобаева, от которого детей не было. Петр Павлович сообщал: «Под влиянием отчима у него развилась любовь к труду, аккуратность к занятиям и настойчивость. Мать и бабушка были натуры нежные и горячо любили своего “Колиньку”, который для них был кумиром, и трогательно заботились о нем; влияние их сказалось сердечностью и мягкостью характера любимца» [4, с. 2]. П.П.Заболотнов отмечает, что «...примером

всех членов семьи» была заложена «глубокая религиозность, которой отличался Николай Матвеевич всю жизнь...» [4, с. 2]. Отмечается, что уже после окончания университета он часто посещал клиники профессоров Виноградова и Адамюка, где занимался медицинской практикой, а по приезду домой в Уфу в каникулярное время «...прославился как весьма хороший диагност» [4, с. 3] по внутренним и глазным болезням. Однако «Николай Матвеевич, будучи уже солидным ученым и профессором, не способен был извлекать из своего выгодного положения какие-либо материальные блага. Врачебная деятельность служила для него скорее отдыхом и отвлечением от научных занятий и удовлетворяла потребности его любвеобильной души — облегчать, по возможности, людские страдания. Врачебная практика, очень часто способная увлечь своими успехами, никогда не могла всецело захватить его, ибо он всегда высоко ценил лабораторные занятия и оставался верен этому принципу до конца своих дней» [4, с. 3]. П.П.Заболотный отмечает, что в 1877 г. состоялась первая заграничная командировка Н.М.Любимова в лабораторию известного патолога Ф.Д. фон Реклингхаузена (Страсбург), позднее посетил музей Ракитанского в Вене — результатом поездки явилась работа, посвященная гигантским клеткам при туберкулезе, за которую ему была в 1879 г. присвоена степень доктора медицины. Крайне важным представляется отметить, что только лишь из воспоминаний П.П.Заболотнова мы узнаем, что во время прозекторства (после защиты диссертации) он болел туберкулезом легких, однако организм его переборол болезнь. Из краткой биографической справки следует, что после отставки профессора А.Петрова в 1885 г. Николай Матвеевич был назначен экстраординарным профессором, а в 1891 г. — ординарным профессором, с 30 августа 1896 г. деканствовал вплоть до его избрания ректором 6 сентября 1905 г.

Рис. 4. Петр Павлович Заболотнов (1858—1935). Ученик Н.М.Любимова, после смерти которого возглавил кафедру патологической анатомии. Занимался вопросами медицинской микробиологии и иммунитета. В 1911 г. переехал в Саратов и открыл кафедру патологической анатомии в Николаевском университете.

Особенного упоминания заслуживают воспоминания П.П.Заболотнова об увлечении Н.М.Любимова бактериологией. Петр Павлович вспоминал: «С назначением на кафедру открылось еще более широкое поле молодому профессору для научной и педагогической деятельности. С целью обогащения своих знаний и особенно ознакомления с бактериологией он отправляется на летнее время за границу и после своих занятий у проф. Нейссера в Бреславле устраивает у себя при кабинете бактериологическую лабораторию, первую в Казанском университете, и начинает чтение бесплатного курса по названной специальности студентам 3 курса, в то время еще далеко не признанной у нас, как обязательный элемент в цикле медицинских предметов, необходимых для подготовки научно образованных врачей». Но для надлежащей постановки преподавания бактериологии не было ни подходящего помещения, ни достаточных средств. Приходилось профессору все это делать, испытывая постоянно массу неудобств. Однако это не смущало его. Он с удвоенной энергией отдался и этой новой науке. Из его лаборатории после того стали выходить одна за другой работы по бактериологии» [4, с. 4]. П.П.Заболотнов отмечал необычайный педагогический талант, яркий и живой язык лекций Николая Матвеевича, простоту в общении со студентами и желание в любой момент прийти на помощь. Николай Матвеевич читал свой курс бактериологии вплоть до выделения его в отдельный обязательный предмет. Отмечалось и значительное расширение коллекции патолого-анатомического музея, появление в нем уникального многокамерного эхинококка — коллекция на тот момент времени, по словам П.П.Заболотнова, была «...одной из обширнейших и интереснейших коллекций в Европе» [4, с. 5]. Несомненно важнейшим детищем был и открытый в начале XX в. Бактериологический институт, а вот проекту патолого-анатомического института так и не суждено было реализоваться. Николай Матвеевич стал первым избранным ректором после дарования университетам автономных прав. Он даже думал отказаться от высокого поста, ссылаясь на невозможность совмещать должность профессора и ректора, но, как писал П.П.Заболотнов, «только сознание долга каждого гражданина в такое бурное время побудили его взять на себя столь ответственный пост ректора университета. Ему пришлось выступить в роли ректора в такое время, когда возбуждение в обществе, среди профессорской корпорации и особенно среди студенчества достигли кульминационной точки. Его ректорство, несмотря на свою кратковременность, конечно, будет занесено крупными буквами в Летописи Казанского университета, ибо ему пришлось пережить в толь ответственной роли критический момент поворота нашей истории, период бури и натиска, когда возбуждение политических страстей как в обществе, так и среди

учащейся молодежи в стенах университета поднялось до небывалой еще высоты с самого начала его существования. Ректору постоянно приходилось иметь дело с крайне взволнованным и взвинченным студенчеством, подчас терявшим всякое равновесие. В это время от представителя корпорации требовалось очень много самообладания и такта. Николай Матвеевич, однако, с честью выходил подчас из самых трудных положений. Его доброта, любовное отношение к своему ближнему, его тонкое понимание человеческой души указывали ему всегда правильный путь» [4, с. 7].

Вторая часть воспоминаний П.П.Заболотнова посвящена исключительно научному вкладу Николай Матвеевича. Отмечается, что научная деятельность его была весьма обширной — он опубликовал 56 научных работ, в его лаборатории были защищены 20 докторских диссертаций. Работы были посвящены различным вопросам патологии и бактериологии. П.П.Заболотнов отмечал, что Николая Матвеевича интересовали всегда инфекционные патологии, а бактериологию он рассматривал как ключ к тем картинам, которые он видел на столе патологоанатома. Петр Павлович отмечал, что диссертационная работа Николая Матвеевича дала своеобразные ростки и тематика эта продолжала развиваться — стоит упомянуть о его труде 1883 года о туберкулезных бациллах Коха. Им был предложен новый способ окрашивания туберкулезных палочек борофуксином. В своей фундаментальной работе по Косч'овской лимфе от делает выводы о вредных последствиях туберкулина и отмечает отсутствие фактов в пользу его применения. Позднее им была описана патологическая картина при поражении бактериями азиатской холеры. Крайне интересный доклад был сделан Н.М.Любимовым в 1892 г. по изучению проказы, случаи которой тогда были зарегистрированы в Вилюйском округе Якутской области [4, с. 11]. В том же году в Казани была зафиксирована азиатская холера, как писал П.П.Заболотнов, «отдана дань и этой гостье патолого-анатомической лабораторией Казанского университета». Эту работу взял на свои плечи ученик Н.М.Любимова — М.В.Казанский, который выпустил солидный труд под названием «Значение бактериологического способа распознавания азиатской холеры и характеристика холерных запятовидных бактерий и подобных им». В 1895 году вышло 4 статьи, посвященные вопросам лечения дифтерии. В 1897 г. вышла его работа «Патологическая анатомия и бактериология чумы». Его учениками — И.М.Львовым, А.И.Смирновым, А.И.Подбельским, Н.А.Геркеном, В.Г.Купидоновым, И.М.Гиммелем, А.Ребровским, Ф.П.Половинкиным, Н.Н.Порошиным, В.К.Поленовым и другими были выполнены самые разнообразные научные работы — все это подчеркивает необычайную широту интересов Н.М.Любимова.

П.П.Заболотнов также отмечал и желание донести новости науки до простых людей — этому способствовали его публичные лекции: «Чихотка, ее причины и предосторожности против нее» (1886 г.), «Бактерии и их влияние на здоровье человека» (1887 г.), «О борьбе с заразными болезнями» (1892 г.), «Способы распространения заразных болезней» (1892 г.). В завершение своей памятной речи П.П.Заболотнов сказал: «Пока общество способно выдвигать таких деятелей, которые всю жизнь отдают исканию истины, служению человечеству в его благороднейших стремлениях, водворению идеала добра и справедливости, оно может спокойно продолжать свое культурное шествие по пути прогресса» [4, с. 15].

Наиболее подробные воспоминания были приведены М.В.Казанским, учеником Николая Матвеевича [5, 6]. Начинаются они с указания роли Николая Матвеевича в развитии Общества казанских врачей, в которое он вступил еще в 1880 г., будучи прозектором. В сообщении М.В. Казанского представлена подробнейшая история работы Общества, что само по себе представляет значительный интерес для историков медицины. М.В.Казанский писал: «А.В.Петров не случайно, конечно, избрал своего прозектора, Н.М.Любимова, своим заместителем: в нем, более, чем в ком другом, он видел последователя и проводника его идей и начинаний, и он не ошибся в своем выборе» [5, с. 49]. В декабре 1883 г. ввиду отставки по состоянию здоровья А.В. Петрова Николай Матвеевич стал председателем Общества [5, с. 53]. По мнению А.В. Петрова, медицина — не только наука о здоровье, но и наука о жизни. Поэтому, по его мнению, внимание следовало уделять не только развитию терапии, но и гигиены и санитарно-общественной деятельности. И в этом направлении Николай Матвеевич, по словам М.В.Казанского, начал активную работу. М.В.Казанским приводится подробный отчет деятельности Н.М.Любимова по годам — начиная с 1880 г.

М.В.Казанский отмечал особую увлеченность Николая Матвеевича бактериологией. Он писал: «Здесь невольно вспоминается та необыкновенная любовь Николая Матвеевича к бактериологии, к занятиям и преподаванию ее. Н.М.Любимов был первым и до последних лет единственным в нашем университете преподавателем бактериологии, тогда еще юной и недружелюбно принимаемой многими, даже университетскими учеными, но с каждым, можно сказать днем приобретающей огромное и всемирное значение! Многие и многие поколения врачей — выпускников Казанского университета за последние два десятилетия обязаны своим знакомством с бактериологией, можно сказать, исключительно Н.М.Любимову. А ведь при каких неблагоприятных условиях приходилось Николаю Матвеевичу и его ученикам заниматься бактериологией. Чего стоит только его так называемый бактериологический кабинет — он же и кабинет профессора в патолого-анатомическом институте, с клетушкой — термостатной комнаткой, в сравнении с нынешним, отдельным и обширным Бактериологическим институтом Казанского университета. И честь воздать проф. В.Н.Тонкову, который, как передавал он мне, занявши бывший патолого-анатомический институт с его бактериологическим кабинетом для анатомического института, оставил в неприкосновенности бывшую термостатную комнатку, как памятник многолетних и единственно здесь в университете специальных занятий бактериологией проф. Н.М.Любимова» [5, с. 63]. На доклад Н.М.Любимова «Бациллы проказы», состоявшийся

на заседании Общества 27 января 1886 г., М.В.Казанский также обратил особое внимание — были продемонстрированы микроскопические препараты проказы [5, с. 76]. Интересно отметить, что встречалась и критика в адрес Николая Матвеевича. Так, директор Казанского Ветеринарного института профессор Ланге говорил: «...сводить каждую болезнь на бактериальную... преждевременно» [5, с. 76]. Как отмечалось в воспоминаниях П.П.Заболотнова, Н.М. были исследованы образцы от больного проказой из Вилуйского округа. М.В.Казанский также упоминал этот факт, прибавив, что Николай Матвеевич с просьбой прислать кусочки кожи обратился к Уфимскому архиерею Дионисию, который лично попросил городского главу Якутска господина Гольмана (кожные узлы проказы были присланы в спирте). В лаборатории Н.М.Любимова были собраны и кусочки различных органов скончавшихся в Астрахани от проказы людей, а также органы умершего от проказы в казанской клинике профессора Ге человека — образцы от всех трех источников явились объектом для изучения в диссертационной работе Н.Н.Внукова, ученика Николая Матвеевича, под названием «Материалы к изучению о бациллах проказы. Бактериологическое и экспериментальное исследование» (Казань, 1893) [5, с. 110].

Заслуживают упоминания и разработки оборудования для дезинфекции — в 1892 г. была испытана установка М.Я.Капустина, по которой было сделано сообщение «Бактериологическое испытание одного из простейших типов паровой дезинфекционной камеры» [5, с. 110]. Как отмечалось выше, много внимания уделялось Николаем Матвеевичем вопросам гигиены. В частности, он указывал на необходимость бактериологического исследования продаваемого молока, поскольку в нем часто обнаруживались туберкулезные бациллы, «передатчики брюшного тифа, скарлатины». Данная тематика особенно активно стала обсуждаться после доклада В.А.Арнольдова «К вопросу о рыночном контроле молока в г. Казани» [5, с. 127].

Открытие в 1894 г. чумных бактерий А.Йерсеном дало мощный толчок к изучению этих микробов Н.М.Любимовым [5, с. 157]. М.В.Казанский отмечает, что для того. Чтобы лучше разобраться в вопросе бактериологии чумы, Николаем Матвеевичем были совершены поездки в Институт экспериментальной медицины в Петербурге и Бактериологический институт в Москве, откуда в Казань были привезены разведения чумных бактерий. Работа с ними на первых порах проводилась исключительно Н.М.Любимовым, позднее подключился ветеринарный врач Караулов, а также сам. М.В.Казанский, который в 1897 г. выпустил работу «О чуме, чумных бактериях и дезинфицирующем действии на них некоторых средств». Работы были сопряжены с большим риском.

Как отмечал М.В.Казанский [5, с. 182], «считая своим священным долгом распространять медицинские знания среди широкой публики», Н.М.Любимов много внимания уделял чтению публичных лекций. Так, к примеру, Великим постом 1886 г. была прочитана лекция «Этиология чахотки» с демонстрацией «анатомических изменений органов при чахотке, туберкулезных бацилл и видов некоторых санаториев». Годом позже, так же во время поста, была прочитана лекция «Бактерии и их влияние на здоровье человека» с показом чистых разведений микробов на разных питательных средах, реакций синего и красного молока, хромогенных непатогенных бактерий и демонстрацией разных патогенных форм.

Относительно методом подачи материала слушателям М.В.Казанский писал [5, с. 184], что лекции Н.М.Любимова «обставлялись фотографиями собственной работы, рисунками, таблицами и препаратами». Михаил Васильевич отмечал, что кроме демонстрации самих бактериологических препаратов, Николай Матвеевич «...пользовался...диапозитивами, показывая их с помощью волшебного фонаря...» [5, с. 184]. Подготовка к лекциям, проходившим в Актовом зале университета, занимала многие часы.

«Воспитанная честными, искренне преданными делу руководителями молодежь, разлившись обширным потоком из alma mater по нашему отечеству, будет всегда борцом чести, долга и справедливости. Тогда общество поймет всю важность высшего образования, тогда оно оценит скромных тружеников и сознает, что университет — храм!», — приводил слова Николая Матвеевича М.В.Казанский в заключении первой части своего рассказа о покойном [5, с. 186].

Вторая часть воспоминаний М.В.Казанского посвящена последним дням жизни Н.М.Любимова, истории его болезни, реакции на смерть со стороны университетских коллег, знакомых, общественных деятелей, прессы [6]. Из речи Михаила Васильевича можно узнать, что Н.М.Любимов отправился на съезд профессоров 2 января 1906 г. в Петербург, куда прибыл три дня спустя. Съезд завершился 27 января, но ректоры еще продолжали работу, которая была очень напряженной — Николай Матвеевич изо дня в день возвращался домой в час ночи [6, с. 189]. Первые жалобы на здоровье появились 31 января, вплоть до 7 февраля он продолжал работать и посещать заседания, хотя положение дел усугублялось; в ночь на 7 февраля Николай Матвеевич был отправлен в Петропавловскую больницу, в которой скончался от гнояного плеврита 20 февраля 1906 г. [6, с. 191].

Вскрытие тела проводил ученик Николая Матвеевича — прозектор Ф.Я.Чистович, из его анализа стало ясно, что в полости плевры скопилось 1.5 литра гноя, при этом была обнаружена дряблость сердечной мышцы, увеличенные печень и селезенка [6, с. 193].

Сообщение о смерти пришло в Казань по телеграфу и было опубликовано в газете «Обновление» (№ 35 от 22 февраля 1906 г.). 21 февраля в университете было проведено экстренное собрание Совета, на котором были высказаны предложения по увековечиванию памяти Николая Матвеевича [6, с. 196]. Из газеты «Обновление» (№ 37 от 24 февраля 1906 г.) узнаем, что панихида состоялась 22 февраля в университетской церкви. На ней присутствовал попечитель Казанского учебного округа А.Н.Деревицкий, его помощник А.А.Остроумов, профессора, было много незнакомых людей [6, с. 197]. В адрес университета поступили

телеграммы с соболезнованиями от Женского медицинского института, Харьковского университета, Общества врачей Уфимской губернии, Сенгилеевских земских врачей, Казанского ветеринарного института, Томского университета, от врачей Казани, Уфы, Симбирска, Иркутска. Похороны состоялись 27 февраля на Куртинском (Арском) кладбище после литургии и отпевания [6, с. 203]. Во время панихиды с речами выступили исполняющий должность ректора Н.П.Загоскин, декан историко-филологического факультета А.И.Александров, профессора В.И.Разумовский, А.Н.Казем-Бек, доценты П.П.Заболотный, И.М.Гиммель, доктора М.И.Чалусов, Л.О.Фофанов, А.И.Подбельский и К.Н.Виноградов, студенты В.Н.Парин и М.Мирлес [6, с. 208].

«...Когда друзья его в дорогу провожали,
Кто думать мог, что он из неприветной дали
Уж не вернется к нам, что то — в последний раз.
Вернулся он, но хладный, недвижимый,
Он спит в цветах без воли и без сил...
Придите все, смотрите: здесь любимый,
Наш друг, наш врач, учитель — опочил»,

— из стихотворения М.И. Б-г (знакомой Н.М.Любимого) [6, с. 226]. Но это далеко не единственные слова памяти, изложенные в стихах. Так, в газете «Казанский телеграф» от 1 марта 1906 г. было напечатано обращение от студентов:

«Твоя жизнь — это труд и сплошная борьба,
За победное шествие знания...
Ты погиб... Ты сражен... Так хотела судьба!..
Да, не знает она сострадания!..
Мы же, дети твои, кому дорого все,
Что служило твоей заботой, —
Мы вперед понесем знамя света твое,
И почтим твою память работой!...» [6, с. 253].

М.В.Казанским приводится памятная речь ученика и соратника Николая Матвеевича — доктора А.И.Подбельского, который к тому времени возвратился в Уфу: она была произнесена на заседании Общества врачей Уфимской губернии 28 февраля 1906 г. Знаменательна речь тем, что в ней приводятся детали биографии Н.М.Любимова. А.И.Подбельский отмечает: Николай Матвеевич считал, что теоретические и практические науки должны «идти рука об руку», но «пальма первенства должна принадлежать теоретическим наукам, как главным двигателям медицинского прогресса» [6, с. 235]. «Он, можно сказать, аккредитовал бактериологию в своем университете, которая до того времени некоторыми из старых профессоров и не признавалась за науку, скорее считалась вредным увлечением», — упоминал А.И.Подбельский [6, с. 236]. Отмечалось, что до ректорства Н.М.Любимов 9 лет руководил факультетом, на время его деканства пришлось открытие Бактериологического института — «торжество бактериологии» в университете. Но при этом преподавательская работа не прерывалась — Николай Матвеевич еженедельно две лекции по патологической анатомии и одну по бактериологии, вел практические занятия по микроскопии (4 часа), 2 часа посвящал вскрытиям [6, с. 237]. А.И.Подбельский заключил свою речь так: «Его не стало, но добрая память о нем как об академическом деятеле, враче и высокогуманном человеке сохранится на многие годы в казанском университете, в сердцах его товарищей, друзей, учеников и пациентов» [6, с. 238].

Заключение. Представленные выше воспоминания о Н.М.Любимове его друзей, коллег и учеников характеризуют его не только как добросовестного и трудолюбивого ученого, но и как ответственного и добросердечного человека. Память была почтена спустя полгода и год после кончины Николая Матвеевича. Как писал М.В.Казанский, Николай Матвеевич жил и работал, «сторонясь гордости, тщеславия, честолюбия». «Мир великой душе твоей», — заключил М.В.Казанский [6, с. 281].

Примечания

1. Номер журнала за 1905 г. вышел с опозданием.
2. Так в шутку исследователи того времени называли микроскоп.

1. Казем-Бек А.Н. Некролог. Н.М.Любимов // Казанский медицинский журнал. 1905. № 5(2). С. 139.
2. Тергулов И.В. Воспоминания друга о покойном Николае Матвеевиче Любимове // Казанский медицинский журнал. 1907. № 7(2-6). С. 21-24.
3. Казем-Бек А.Н. Н.М.Любимов. (По личным воспоминаниям) // Казанский медицинский журнал. 1907. № 7(2-6). С. 18-20.
4. Заболотнов П.П. Николай Матвеевич Любимов, как профессор и ученый // Казанский медицинский журнал. 1907. № 7(2-6). С. 1-17.
5. Казанский М.В. Болезнь, смерть и похороны профессора и ректора университета Н.М.Любимова // Казанский медицинский журнал. 1907. № 7(2-6). С. 189-281.

6. Казанский М.В. Профессор Н.М.Любимов — как член Казанского Общества врачей и первоначальная история общества // Казанский медицинский журнал. 1907. № 7(2-6). С. 25-187.
7. Шарафутдинов З., Ханбиков Я. Просветитель и общественный деятель И.В.Терегулов (1852—1921) // История педагогики Татарстана. Казань, 1998. 178 с.

References

1. Kazem-Bek A.N. Nekrolog. H.M.Lyubimov [Obituary. H.M.Lyubimov]. Kazanskiy meditsinskiy zhurnal, 1905, no. 5(2), p. 139.
2. Teregulov I.V. Vospominaniya druga o pokojnom Nikolae Matveeviche Lyubimove [Memories of a friend about the deceased Nikolay Matveevich Lyubimov]. Kazanskiy meditsinskiy zhurnal, 1907, no. 7(2-6), pp. 21-24.
3. Kazem-Bek A.N. H.M.Lyubimov. (Po lichnym vospominaniyam) [N.M.Lyubimov. (Based on personal memories)]. Kazanskiy meditsinskiy zhurnal, 1907, no. 7(2-6), pp. 18-20.
4. Zabolotnov P.P. Nikolay Matveevich Lyubimov, kak professor i uchenyy [Nikolay Matveevich Lyubimov as a professor and scientist]. Kazanskiy meditsinskiy zhurnal, 1907, no. 7(2-6), pp. 1-17.
5. Kazanskiy M.V. Bolezn', smert' i pokhorony professora i rektora universiteta H.M.Lyubimova [Illness, death and funeral of Professor and Rector of the University N.M.Lyubimov]. Kazanskiy meditsinskiy zhurnal, 1907, no. 7(2-6), pp. 189-281.
6. Kazanskiy M.V. Professor N.M.Lyubimov — kak chlen Kazanskogo Obshchestva vrachey i pervonachal'naya istoriya obshchestva [Professor N.M.Lyubimov as a member of the Kazan Society of Physicians and the initial history of the society]. Kazanskiy meditsinskiy zhurnal, 1907, no. 7(2-6), pp. 25-187.
7. Sharafutdinov Z., Khanbikov Ya. Prosветitel' i obshchestvennyy deyatel' I.V.Teregulov (1852—1921) [Educator and public figure I.V.Teregulov (1852—1921)]. Istoriya pedagogiki Tatarstana. Kazan', 1998. 178 p.

Trushin M.V. Bacteriologist and rector of the Imperial Kazan University N.M.Lyubimov in the memoirs of friends and colleagues. Nikolay Matveyevich Lyubimov is a well-known scientist, teacher, public figure, doctor. He took an active part in the development of medicine (in particular, bacteriology) in the Kazan province. He served as rector of the Imperial Kazan University. The article presents previously little-known facts about the childhood, youth and other periods of N.M.Lyubimov's life, told by childhood friends, colleagues and students at a solemn meeting on the occasion of his death.

Keywords: Nikolay Matveyevich Lyubimov, Imperial Kazan University, Ibrahim Valiullovich Teregulov, Alexey Nikolaevich Kazem-Bek, Pyotr Pavlovich Zabolotnov, Mikhail Vasilyevich Kazansky, bacteriology.

Сведения об авторе. Максим Викторович Трушин — кандидат биологических наук; доцент Института фундаментальной медицины и биологии Казанского федерального университета; Казань; ORCID: 0000-0001-7467-011X; mtrushin@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Трушин М.В. Бактериолог и ректор Императорского Казанского университета Н.М.Любимов в воспоминаниях друзей и коллег // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 321-327. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).321-327

For citation: Trushin M.V. Bacteriologist and rector of the Imperial Kazan University N.M.Lyubimov in the memoirs of friends and colleagues. Memoirs of NovSU, 2023, no. 4(49), pp. 321-327. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).321-327

Г.Н.Гиржева, В.И.Заика

ЖИТИЙНЫЕ ТОПОСЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА В РАССКАЗЕ ЮРИЯ БУЙДЫ «ЧУДО О БУЯНИХЕ (ПОЭМА)»

В названии рассказа «Чудо о Буянихе» указание на жанр предупреждает о наличии в тексте признаков житийной литературы, определяет горизонт ожидания читателя, является экспектационным ориентиром, равно как и жанровое уточнение — поэма. Топосы — стереотипные элементы, церемониальные приемы: образы, мотивы, речевые формулы, доказательства и др. — определяются канонами как жанровые житийные признаки. В рассказе предметом изображения являются разного рода чудеса, которые своим наличием позволяют предположить принадлежность Буянихи к разряду тех, кому посвящаются агиографические тексты. Однако в рассказе топосы и иные житийные признаки имеют двойственное отношение к агиографическому канону: одни элементы образа Буянихи содержательно вполне соотносимы с житийными топосами, и узнаются читателем как соответствующие жанру, другие элементы соотнесены с топосами «отрицательно»: упоминаемый или описываемый факт биографии Буянихи противоречит общему месту, которое характеризует персонажа как святого (такое соотношение менее узнаваемо). Самым общим признаком применение топоса в образе Буянихи является его нейтрализация: присутствие в описаниях таких деталей, которые искажают каноническое содержание топоса, устраняют пафос, приземляют персонажа. Поэтому в целом реализация в рассказе житийной топики определена как небрежение церемониальностью. Образ Буянихи, выстроенный автором посредством разных точек зрения повествователя и персонажей, является многоаспектным: в длинных списках подробностей прихотливо сочетается правдоподобное, фактографическое, неправдоподобное, чудесное. Причем чудесное, согласно канону подтверждающее святость, обычно нейтрализуется, что является характерной чертой образа противоречивой Буянихи.

Ключевые слова: Юрий Буйда, «Все проплывающие», «Чудо о Буянихе (поэма)», образ персонажа, житийный топос, чудесное, фактографическое, нейтрализация топоса

«Чудо о Буянихе (поэма)» — один из 73 рассказов книги Юрия Буйды «Все проплывающие» 2011 г. (В 1998 эта книга под названием «Прусская невеста» включала 47 рассказов). Каждый рассказ книги — это законченный самостоятельный текст. События рассказов в совокупности образуют многокомпонентный дискретный сюжет за счет сквозных персонажей (главных или второстепенных в разных рассказах) и общности места действия (городок в восточной Пруссии). «Чудо о Буянихе (поэма)» — единственный текст в книге, жанр которого подробно определен. Всякое жанровое определение считается экспектационным ориентиром, определяющим читательский горизонт ожидания. Попытка выяснить, как сочетаются поэмы и житийные жанровые проявления в рассказе привела к мысли о том, что «поэдность» обеспечивается преимущественно формальными признаками текста, к которым мы отнесли особенности композиции, сюжетного построения, специфическую фигуративность текста — наличие множества аккумуляций и иных фигур, основанных на повторе [1], а «житийность» обеспечивается содержательными признаками, которые мы рассмотрим в статье.

Цель настоящей статьи — выявить житийные жанровые признаки в рассказе «Чудо о Буянихе (поэма)» и установить их изобразительные особенности.

Житийная литература (агиография) объединяет «жизнеописания христианских подвижников, причисленных Церковью к лику святых» [2]. При определенном сходстве манеры изложения агиографические сказания жанрово разнообразны: это жития святых, мученики, хождения, видения, чудеса, сказания о чудотворных иконах.

Агиографические жанры не имели жестких границ, но писались с установкой на канон. Одно из проявлений канона — наличие топосов. Т.Р.Руди, исходя из широкого понимания топоса (по Э.Р.Курциусу), считает, что им «может быть любой повторяющийся элемент текста — от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи» [3] и рассматривает такие типы топосов: подражание Христу, подражание апостолам, уподобление ангелам, подражание Марии [3, с. 59-101]. Более распространено понимание топоса как понятия, объединяющего устойчивые, повторяющиеся стереотипные элементы: образы, мотивы, мысли [4]. А.В.Растягаев перечисляет стандартные элементы, которые относятся к содержанию житий: «рождение от благочестивых родителей, равнодушие к детским играм, чтение божественных книг, отказ от брака, уход от мира, монашество, основание обители, предсказание даты собственной кончины, благочестивая смерть, посмертные чудеса и нетление мощей» [5].

Описание чуда в агиографии — это преимущественно компонент (стандартный элемент) жития, специфическое жанрово-композиционное образование. Жития святых, как правило, начинаются упоминанием о чуде. Затем описываются чудеса, которые происходят на протяжении жизни святого угодника. Завершается житие подвижника также чудом — совершаются посмертные чудеса [6]. Особо важную роль чудо имеет в композиционной структуре житий преподобных, где существенно разграничение чудес прижизненных и посмертных. Е.А.Рыжова отмечает важную функцию чуда: при отсутствии сведений о благочестивой жизни описание чудес (например, «укрошение» воды), как сюжетный мотив, подчеркивает праведность святого [7].

Д.С.Лихачев говорит о топосах в средневековой в том числе житийной литературе (называя их литературными шаблонами и трафаретами) как о литературном этикете, который являлся наиболее типичной средневековой условно-нормативной связью содержания с формой [8] и который требовал «употребления одних и тех же церемониальных приемов» [8, с. 93].

В рассматриваемом рассказе Ю.Буйды уже в заглавии само архаическое наименование жанра является своего рода реализацией церемониального приема. Такая грамматика слова чудо известна по названиям древнерусских текстов этого жанра: *Чудо о трех девицах*, *Чудо святого Георгия о змие*, *Чудо о колонне вдовы*, *Чудо о болгарине*, *Чудо об обращении сарацина* и др., что и создает экспектационный ориентир для читателя.

Однако содержательные элементы рассказа коррелируют с житийными топосами и другими признаками житийного жанра по-разному.

Топика в рассказе Ю.Буйды не только не имеет предусмотренного каноном словесного оформления (не используются речевые формулы), но ее соотношение с житием можно в целом определить как небрежение церемониальностью.

В отличие от житий, где «все, что не укладывалось в устоявшуюся схему биографических черт святого, игнорировалось или редуцировалось в тексте жития» [5, с. 15], в рассказе изображаются события, полные героических и одновременно прозаических подробностей, при этом их изображение весьма далеко от агиографической литературной схемы.

Нужно заметить, что Буяниха — участник самых разных событий, изображенных во многих рассказах книги «Все проплывающие». В 25 рассказах она упоминается как автор имен и описаний («Три Кошки», «Чарли Чаплин»), например: *Услышав однажды, как она вызывает «дежурненькую» районного узла связи, известная городская царица Буяниха дала девушке прозвище Миленькая, заменившее ей и имя, и фамилию («Миленька и Масенькая»)* (167) [9], как участник и свидетель фантастических событий («Черт и аптекарь») или совместных действий («Витька Фашист», «По имени Лев», «Свинцовая Анна», «Семерка») и др. Участвуя в эпизодах, Буяниха дает советы, задает вопросы, а также изрекает окончательные применительно к ситуации мысли («Рыжий и Рыжая», «Синдбад-Мореход», «Тема быка, тема льва», «Черт и аптекарь», «Красавица Му», «Ванда Банда», «Рита Шмидт Кто Угодно», «Степа Марат», «Вилипут из Вилипутии», например: [по поводу вытасченного на берег Ивана Соломенцева] — *Жаль его, — протянула Буяниха. — А может, и зря жалеем. Ведь ему каждый день приходится жить, а нам довольно только быть («У кошки девять смертей»)* (250).

Многие такие эпизоды с участием Буянихи изображают ситуации смерти или погребения («Хитрый Мух», «Китай», «Преступление доктора Шеберстова», «Через “фэ”»), например: *Буяниха положила ей [гипсовой девушке] на веки два медных пятака. В голове у нее помутилось, горло сдавило, и Буяниха медленно осела наземь, глотая слезы и массируя грудь: сердце ныло и не отпускало. — Господи, — прошептала Буяниха, — жизнь это наша — или сон Твой, Господи?..»* («Хитрый Мух») (17).

Все перечисленные «участия» являются отдельными фрагментами биографии персонажа, изображенной в рассматриваемом рассказе.

Обратим внимание на особенности композиции рассказа.

В первом абзаце *Елью и туюй пропах городок, елью и туюй, — Буяниха умерла!* (64) описано благоухание как свидетельство кончины главного героя. Фигура кольца (кольцевой повтор, киклос) изображает интенсивность запаха и подтверждает читательские ожидания. Как, равно, и следующие абзацы начала рассказа, в которых описывается несколько чудес:

У Капитолины вода в чайнике внезапно забила ключом и превратилась в кровь, и старуха поняла: Буяниха умерла.

Дряхлеющий Афиноген вдруг почувствовал, как пустота во рту заполнилась живой плотью — это вырос язык, оторванный сорок лет назад осколком фугасного снаряда, — и первой его мыслью была: «Буяниха умерла», а первым словом:

— Подлецы!

Но это уже относилось к зятю и его друзьям, допивавшим в саду последний флакон «Сирени». Митроха опрокинул пузырек в рот и чуть не задохнулся: в горло посыпались пахучие цветы сирени (64).

Превращение воды в кровь, исцеление Афиногена, и, возможно, спасение Митрохи (Буяниха обличала пьяницу) — это три чудесных события, два из которых поняты персонажами как посмертные чудеса Буянихи.

Это интенсивное перечисление чудес в начале рассказа соотносится с последними абзацами рассказа, в которых описывается основное чудо, произошедшее на похоронах Буянихи. Его предчувствовали главные персонажи и ожидали многочисленные участники похорон:

Они [жители городка] истошно вопили, размахивали руками, топали ногами, плакали, колотили друг дружку по спинам, хохотали — и неистово, яростно, бешено, самозабвенно требовали чуда:

— Давай, Буянь! Давай! Не выдавай! Не выда-а-й!

Птица вдруг отчаянно заболтал ногами в воздухе, ассенизационная бочка подпрыгнула на кочке — и поплыла, плавно покачивая исполнскими крыльями, шитыми из заплатанных ночных сорочек, чиненых-перечиненых носков, трусов, бюстгалтеров, халатов без пуговиц и пальто со шкурой неведомого зверя на воротнике, — выше и выше, над полем, над лесами, над крышами городка, пропахшего елью и туюй, и тут люди вдруг разом обернулись и увидели, как из-под покрывала, закрывавшего Буяниху, выпорхнул белый голубь, <...> тотчас прыгнувший в небо и помчавшийся за ассенизационным змеем, за первым голубем порхнул второй,

третий, десятый, сотый, и вот уже тысячи, тысячи тысяч голубей, громко хлопая крыльями, гигантским клубящимся столбом белого дыма уходили в небеса — в Дом, где и эта — и эта судьба будет измерена мерою человеческою, какова мера и Ангела...

В наступившей тишине особенно хорошо было слышно, как со скрипом взмахнул крыльями железный Золотой петушок, стряхивая ржавчину на школьную крышу, как забилося у него в горле, заклокотало и, наконец, вылетело и полетело над городком:

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!.. (82-83).

Как видим, соотношение начала и конца рассказа тоже является кольцевым повтором. Тожество устройства первого предложения рассказа и всего текста — очевидный изоморфизм — отношение между явным, формально выраженным кольцом (повтором *елью и туей*) в первом предложении и кольцом, выраженным содержательно (повтор описания чудес в начале и описание чудес в конце рассказа). Первое кольцо становится прообразом второго кольца. (Понимание изоморфизма основано на определении его в словаре ДЕФОРТ [10].)

Исследователи житий отмечают, что рассказам о чудесах, совершавшихся при кончине святого и после его смерти, была присуща фактографичность [11]. Фактографичность создается подробностями. В начале рассказа это возрастающее в каждом последующем чуде количество подробностей, а в конце рассказа — это (кроме деталей восхождения ассенизационного змея и голубей) весь последний абзац, в котором описано «оживление» Золотого петушка на часах школы. Событие с петушком упомянуто ранее в перечислении признаков и событий, связанных с покойной: *...процались с женщиной, при появлении которой в городке железный петух на школьных часах, этот ржавый золотой петушок, выскочил из своего домика да так и замер навеки — с открытым клювом, вытянутой шеей, распахнутыми крыльями и застрявшим в глотке «кукареку»* (74).

В связи этими и другими разного рода подробностями в тексте «Чуда...» приведем соображения В.И.Мокляка, разграничившего неправдоподобное и чудесное при рассмотрении мотива света в древнерусских житийных текстах. Понятие «неправдоподобное» — это иррациональные события, не соответствующие представлениям человечества об объективной реальности. Понятие же «чудесное» — события, наделенные религиозной коннотацией и коррелирующие с представлениями о спасении души в христианской культурной традиции [12]. Не связанное мотивом спасения, фантастическое трактуется как неправдоподобное, создающее «иллюзию фактографичности и достоверности» [12, с. 10]. В работе К.А.Дегтяренко и М.А.Дмитровской показано, что разного типа алогичные перечисления (в том числе и в рассказе «Чудо о Буянихе»), сочетающие реальное и нереальное (что является конститутивным признаком поэтики Ю.Буйды) используются в комических и игровых целях, также отмечено, что детализация имеет целью создать иллюзию реальности [13].

Разграничение неправдоподобного и чудесного актуально и для рассматриваемого рассказа, в котором описываемые или упоминаемые ситуации (чудесные или просто неправдоподобные) являются существенными элементами образа персонажа. В приведенных эпизодах начала рассказа события неправдоподобны, а усиление их подробностями выполняет функцию «иллюзия фактографичности».

В конечной же части (выше приведена объемная цитата стр. 82-83) патетическое описание чудесного восхождения контрастирует с явно «сниженным» фактом оживления петушка на часах школы.

Очевидной является своего рода нейтрализация пафоса чудесного. Нейтрализацию здесь понимаем как изображение признака, который отменяет принадлежность объекта к классу. В данном случае объектом является и сам персонаж (не святая), и текст рассказа (не житие), и описание персонажа (не подобно иконе (о внешности Буянихи скажем ниже)).

Подобная нейтрализация характерна почти для всех описаний, соотносимых с житийными топосами, в том числе чудесами.

В житийной литературе доля сведений о внешности святого заметно мала: «...житие напоминает икону. Подобно иконе житие стремится дать предельно обобщенное представление о герое, сосредоточивая главное внимание на прославлении его духовных, нравственных качеств» [14]. Описания внешности Буянихи скупы: *Простоволосая, рыхлая, старая, больная женщина сидела на земле <...> (65); Летом — в не очень свежем халате, застегнутом на две пуговицы, и домашних тапках на босу ногу; зимой — в черном жестком пальто со шкуркой неведомого зверя на воротнике («Она сама изловила его и задушила собственными руками», — понизив голос, в котором сквозили восторг и священный ужас, говорил пьяненький Буян, и почему-то ни у кого не поворачивался язык назвать его брехуном) <...>. (69)*

Минимум деталей в словесном портрете Буянихи, с одной стороны, сближает его с описанием внешности в житийной литературе, но с другой — признаки халата, история воротника из *неведомого зверя*, а затем описание Буянихи персонажем доктором Шеберстовым: *Какая баба была! Походка! Грудь! Сон и аппетит, да, сон и аппетит!* (66) нейтрализуют это сближение.

Ряд признаков Буянихи можно определить как явно противоречащие житийным топосам, используемым при характеристике святого или подвижника:

— **чтение божественных книг** — *<...> женщина, которая всю жизнь читала лишь две книги — «Три мушкетера» да «Вечера на хуторе близ Диканьки» <...> (80);*

— **отказ от брака** — наличие семерых приемных детей, странный брак с Буяном, при этом в длинном ряду номинаций названа *Непорочной Девой*;

— **наличие благочестивых родителей, праведников** — отсутствие упоминаний о родителях; о ее сиротстве сообщается только в тексте предполагаемой эпитафии: — *Пока я даже приблизительно не представляю себе, как достойно запечатлеть в нескольких строках наше представление о ее жизни: сирота, партизанка, труженица, Пенелопа, знахарка <...> (75);*

— **уход от мира** — в отличие от героев житий, Буяниха не удаляется от человеческого мира, но изображена как неотъемлемая часть (примета) мира городка <...> *который она сотворила, — точнее, перевоссоздала по своей воле и разумению<...> (74): <...> не стало той, которая всем старожилам, да и многим из молодых, казалась такой же неотъемлемой частью, такой же характерной приметой городка, как древняя церковь на площади, как краснокирпичная водонапорная башня у железнодорожного переезда возле старого кладбища, как водопад на Лаве, как черепичные кровли, алеющие в разливе липовой зелени, как Цыганский Квартал, как горбатые мосты, прегольские мосты, булыжные мостовые, заросли бузины и шпалеры туи, и многое, многое другое, без чего невозможно представить этот городишко <...> (69).*

Вместе с тем в изображении событий биографии Буянихи многие описания можно трактовать именно как житийные топосы.

Постоянно пребывала в трудах — деяния Буянихи, участие в жизни городка и всех его жителей, помощь и защита, установление справедливости, изгнание негодяев и др. Мысль Леша Леонтьева: *Она была всеведущей и бессмертной* поясняется продолжительной аккумуляцией: *Целыми днями она носилась по улицам и магазинам, встревала во все разговоры, которые сразу приобретали бурный характер, карала и миловала, подбирала выпавших из гнезда птенцов, больных кошек и бродячих собак, обличала пьяниц, драла за вихры драчунов, царила и правила на базаре, а кое-кому — особенно детям — казалось, что вдобавок ко всему она повелевала облаками и сновидениями,— и все это она проделывала с одинаковым и неослабевающим пылом, так что оставалось только удивляться, как она находит время и силы, чтобы вести домашнее хозяйство, воспитывать семерых детей и работать: сначала — лет двадцать, без перерывов — упаковщицей на макаронной фабрике, а потом — смотрительницей — или как там это называется — на базаре, а летом, по вечерам, билетершей на открытых киноплощадках... (69).*

Здесь перечислены многочисленные контрастные по значительности деяния. Контраст, подчеркнутый, с одной стороны, уточнением (*проделывала с одинаковым и неослабевающим вниманием*), с другой — стилистически контрастной лексикой: *разговорной (носилась, встревала, драла за вихры) и книжной (повелевала, обличала, царила и правила)*, также нейтрализует топос.

В рассказе неоднократно реализован топос **претерпевала клевету, поношения**. Объемный абзац, в котором описывается паломничество к гробу Буянихи, содержит подробные описания ее деяний: изгнания (злодеев — фокусника и Резаного), спасения (вынула из петли девушку, спасла дочь Граммофонихи) и др. Но в этом ряду много и пейоративных наименований и описаний деяний Буянихи: *Прощались с Непорочной Девой, Попечительницей Слабых и Убогих, с Девой-Богатыршей; прощались со Сводницей и Воровкой — так кричала Носиха <...>; прощались с Ведьмой и Змеей — многие, многие женщины, чьи мужья когда-то, словно обезумев, наперебой ухаживали за Буянихой, знали наверняка, что в карманах, пришитых к ночной рубашке, ведьма носит сушеные сердца многочисленных возлюбленных, своими глазами видели, как по ночам Ведьма летала в ступе (на меле, на красном быке, на белом льве, на черном вороне, на ассенизационной бочке, на Буяне, на Недотыкомке, на сложноподчиненных предложениях с придаточными образа действия, меры и степени), видели, как, оставив свою лживую плоть в постели, она ползала по спящему городку в образе прекрасной Змеи, высасывая молоко у коров и вызывая сексуальные галлюцинации у несовершеннолетних; прощались с Буянихой... (74).*

Прокурор вспоминает, как получил заявление, которому не дал ходу: *<...> семнадцать женщин требовали положить конец бесчинствам Буянихи, насылавшей порчу на мужчин, которые ни о чем и ни о ком, кроме как о ней, змее, не могли думать (77).*

Подробности этих фрагментов, как и многие описания в рассказе, двойственны: они фактографичные (точное количество заявителей), но одновременно и явно утрированные (ношение сушеных сердец, средства перемещения по воздуху). Изобразительная функция А утрированные подробности, с одной стороны, нивелируют претензии клеветников, а с другой — нейтрализуют названный топос.

Эпизод, который мы отнесли к реализации топоса **доказательство своей невинности испытанием огнем**, связан с предыдущим описанием: *Тем же вечером авторессы заявления ворвались в любшинскую кузню, где Буяниха ждала, когда припаяют ручку к ее кастрюле, и потребовали бесспорных доказательств ее непричастности к волибе. С презрительной улыбкой она недрогнувшей рукой достала из кузнечного горна раскаленную добела гайку и зажала ее в кулаке. Когда женщины пришли в себя после обморока, она разжала ладонь и бросила гайку в горн — рука ее даже не покраснела (77).*

Топос **претерпевала телесные страдания** реализован кратким эпизодом. На вопрос главврача — *Что у нее на спине... и на животе?* Цитриняк ответила — *Звезды, <...> Это память о минском гестапо <...>. Их семь — и столько же у нее детей. Не ее детей (66).* Здесь краткость доказательства святости обеспечивает предполагаемому канону фактографичность.

Такое доказательство святости, как **прижизненные исцеления**, приведено кратким и недетализированным перечислением: *И позже, когда она прославилась как знахарка, наложением рук избавлявшая от зубной боли, бессонницы, икоты и рака прямой кишки, Буяниха называла тех, кто видел в*

этом чудо, суеверными дураками (77—78). Но этот топос нейтрализуется изображением пренебрежения Буянихи к славе знахарки.

Топос **знала о времени собственной кончины и подготовилась к ней** реализован в длинном перечислении размышляющего Прокурора, который понял, что он действует не по своей воле, а по замыслу Буянихи: *И вовсе не исключено, что все это было ею задумано и продумано от начала и до конца, во всех деталях. О, она позаботилась обо всем: о том, чтобы умереть именно там, где умерла, и именно так, а не иначе; о том, чтобы своей смертью взбудоражить весь городок и вывести из равновесия даже тех, кто почти ничего не знал о ее прошлом; о том, чтобы ее уложили в лодку вместо гроба, пока кто-то — только, конечно, не ее близкие — будет хлопотать о более или менее достойномместилище ее мертвой плоти; о том, чтобы все цветы во всех палисадниках в одну ночь превратились в ее любимые пионы; о том, чтобы все разговоры — о ком бы и о чем бы то ни было — в конце концов обязательно становились разговорами о ней; о том, чтобы ее положили в паркетном зале, куда непременно потянутся люди (...); о том, что скажет доктор Шеберстов и что ответит ему Прокурор, как будет чертыхаться Данголя и сколько бензина спалит Вита Маленькая Головка...* (74).

В целом длинное перечисление содержит нейтрализующие указанный топос элементы. Большинство перечисленных «забот» обыденные, кроме заботы *чтобы ее уложили в лодку вместо гроба*. Этот элемент списка явно усложнен архаической семантикой мифа. В работе М.В. Гавриловой и М.А. Дмитриевской говорится о лодке как атрибуте переправы, она «является мифологизированным средством, связующим мир живых с «тем светом» [15]. Последующие элементы перечисления переданы антиклимаксом, а последние две подробности окончательно снижают пафос, с которым начато перечисление.

Вернемся к топосу **посмертное благоухание**. В рассказе упоминаются многие запахи, но благоуханием являются только запах ели и туи и запах пионов.

Пионами, любимыми цветами Буянихи, благоухало ее тело: *<...> благоговейно вынесли из больницы тело Буянихи, источавшее запах только что распустившихся пионов...* (70). Благоухание тела, по словам святых отцов, свидетельствует о «добродетели» человека о том, что он «пребывал в высоком духовном устройении», также благоухание может исходить «от его личных вещей, от мест, где он жил — известь других о его святости» [16]. Это же благоухание исходит от ее любимой книги, которую стали читать над телом: *Рыдания стихли, явственнее запахло пионами, когда Капитолина раскрыла потрепанный том, обвела женщин строгим взглядом и звучным, торжественным голосом продекламировала: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!»* (71). Однако метаморфоза, которую претерпели цветы (*Рано утром Мороз Морозыч обнаружил, что все розы в его палисаднике этой ночью превратились в пионы, благоухающие елью и туей* (71)), нейтрализует топос своей неправдоподобностью.

Запах ели и туи упоминается в рассказе как знак смерти. В одном из начальных рассказов книги («Седьмой холм») ангелы взирали на кучу домов, «дышащих смертью — елью и туей» (13). Этот запах, в отличие от запаха пионов, распространен повсеместно: *Только свернув в Седьмую улицу, Леша сообразил, что же не давало ему покоя с той минуты, как доктор Шеберстов возвестил о кончине Буянихи: это был все усиливающийся запах ели и туи — запах смерти, печали, грядущего преображения и памяти. Черепичные крыши, бегущие собаки, позеленевшие от нескончаемых дождей заборы, тусклый свет уличных фонарей, стены домов, дым из печных труб <...> — все исходило запах ели и туи, запах густой, как сироп, как темно-зеленое смолистое вино, от которого кружилась голова...* (68).

В этом размышлении Леша Леонтьева запах ели и туи — запах смерти... важен глагол *источало* который указывает на то, что этот запах является именно благоуханием, точнее, проявлением чуда благоухания (хотя в первом упоминании об этом явлении используется глагол *пропах*). Благоухает не только тело Буянихи, а город, пространство, мир, который, как несколько раз указано, был творением Буянихи, и который, по предположениям разных персонажей, преобразится, изменится, исчезнет: *Это был мир, который она сотворила, — точнее, перевоссоздала по своей воле и разумению, и именно этот мир <...> должен исчезнуть, кануть в небытие. Водокачка Буянихи. Мостовые Буянихи. Голуби Буянихи. Водопад Буянихи. Шлюзы Буянихи. Облака Буянихи. Сновидения Буянихи. Дожди Буянихи. Солнце, Луна и Звезды Буянихи. Пространство Буянихи. Время Буянихи. Наконец — Красная столовая Буянихи <...>* (74).

В финальной части рассказа (фрагмент с. 82-83 приведен выше полностью) упоминание об этом запахе, конечно, не подтверждает перспективу исчезновения всего, что было *перевоссозданием* Буянихи, однако устойчивая связь Буянихи с ее созданиями, изображенная многочисленными повторами и такая же устойчивая связь благоухания со смертью, говорит о том, что если не исчезнет мир как совокупность материальных объектов, то исчезнет смысл каждого из них, который им был придан *всеездесущей* Буянихой, установившей порядок своей заботой.

Описание дольного мира, в котором запах теряется в ряду иных подробностей, предшествует кульминации чуда: *из-под покрывала, закрывавшего Буяниху, выпорхнул белый голубь* (83), и противопоставлено небесам — *где и эта — и эта судьба будет измерена мерою человеческою, какова мера и Ангела...* (83).

Цитата из откровения Иоанна Богослова (гл. 21 стих 17) — описание измерений Иерусалима Ангелом, который пользовался человеческой мерой, — своего рода кульминация реализуемой топики как изобразительного средства, окончательная оценка всех поступков (изображенных как неправдоподобные,

правдоподобные, фактографические, чудесные подробности), обобщенных словом *судьба*. Эти поступки в Доме, куда ушел гигантский столб белого дыма, будут измерены *мерой человеческой*, в том смысле, насколько свойства Буяники соответствовали свойствам, которыми Бог наделил человека.

Но при этом последний абзац рассказа сохраняет и другую изобразительную особенность — нейтрализацию патетики топоса. Описание оживления петушка, «дискредитирует» как топосы, так и в целом отсылки к житиям. Это окончание также можно читать и как подтверждение исчезновения мира городка как мира Буяники. Участники похоронной процессии вернутся в прежний город, в прежнее пространство и прежнее время, которое отсчитывал петушок, некогда «отмененный» по какой-то причине Буянихой.

Итак, житийные топосы — средства изображения необыкновенной женщины. Построение образа Буяники в разных местах текста, при выражении точек зрения повествователя и персонажей, содержит многоаспектное изображение, где в длинных списках деталей и подробностей прихотливо сочетается правдоподобное, фактографическое, неправдоподобное, чудесное. Самым общим признаком применение топоса в образе Буяники является его нейтрализация: присутствие в описаниях таких деталей, которые искажают каноническое содержание топоса, устраняют пафос, приземляют персонажа. Чудесное, которое, согласно канону, подтверждает святость, часто нейтрализуется, что является в рассказе характерной чертой образа противоречивой Буяники, подчеркивая человеческое в этом человеке.

1. Гиржева Г.Н. Текст в аспекте экспектации (о произведении Юрия Буйды «Чудо о Буянике (поэма)») [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 1(40). С. 12-17. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.1\(40\).12-17](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.1(40).12-17)
2. Житийная литература [Электр. ресурс] // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/?ysclid=lfxdkeohhj576804671> (дата обращения: 10.12.2022).
3. Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Polemika / Ред.: С.А.Семьячко (отв. ред.), Т.В.Руди. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 61.
4. Махов А.Е. Топос // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.Николюкина. ИНИОН РАН. М.: НПК «Интелвак», 2003. Стлб. 1076.
5. Растягаев А.В. Житийная топика в прозе писателей XVIII столетия Житийная топика в прозе писателей XVIII столетия (Кантемир, Тредиаковский, Фонвизин): монография. Самара: Книга, 2009. С. 16.
6. Феномен «чудо» в древнерусских источниках [Электр. ресурс] // Наука и вера. 2 июля 2020 г. // Сайт РСПЦ. URL: <http://rpsc.ru/publications/bogoslovie/fenomen-chudo/> (дата обращения: 10.12.2022).
7. Рыжова Е.А. Сказание о явлении мощей и чудесах праведного Кирилла Вельского: история текста памятника и почитание святого // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Т. 3. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2017. С. 349.
8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 1979. 3-е изд. М.: Наука, 1979. С. 81.
9. При цитировании и упоминании указываются страницы по изданию: Буйда Ю.В. Все проплывающие. М.: Эксмо, 2011. 400 с.
10. Логический словарь: ДЕФОРТ / Сост. В.Н.Переверзев; под ред. А.А.Ивина, В.Н.Переверзева, В.В.Петрова. М.: Мысль, 1994. С. 51.
11. Рыжова Е.А. Модель смерти святого в агиографической традиции: завешания о «небрежении» к телу и мотив «тайные слуги Господа» [Электр. ресурс] // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2019. № 1(9). С. 83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-smerti-svyatogo-v-agiograficheskoy-traditsii-zaveschaniya-o-nebrezhenii-k-telu-i-motiv-taynye-slugi-gospoda> (дата обращения: 10.12.2022)
12. Мокляк В.И. Поэтика фантастического в древнерусских житийных циклах [Электр. ресурс] // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4(15). С. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-fantasticheskogo-v-drevnerusskikh-zhitiynyh-tsiklah> (дата обращения: 10.12.2022).
13. Дегтяренко К.А., Дмитровская М.А. Алогичные перечисления и нумерология как средства создания гротескно-комического в книге рассказов Ю.Буйды «Прусская невеста» // Северный регион: Наука, образование, культура. 2014. № 1. С. 227-236.
14. Кусков В.В. История древнерусской литературы. Изд. 7-е. М.: Высшая школа, 1998. С. 39.
15. Гаврилова М.В., Дмитровская М.А. Мифопоэтика рассказа Ю.Буйды «Все проплывающие» // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. 2012. Вып. 8. С. 154.
16. Иеромонах Исаак. Житие старца Паисия Святогорца [Электр. ресурс]. URL: <https://religion.wikireading.ru/175978>. (дата обращения: 10.12.2022).

References

1. Girzheva G.N. Tekst v aspekte ekspektatsii (o proizvedenii Yuriya Buydy "Chudo o Buyanikke (poema)") [Text in the aspect of expectation (about the work of Y.Buyda "The Miracle of Buyanikka (the poem)"]]. Memoirs of NovSU, 2022, № 1(40). S. 12-17. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.1\(40\).12-17](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.1(40).12-17)
2. Zhiitiynaya literatura [Hagiographic literature]. Pravoslavnaya entsiklopediya. Available at: <https://www.pravenc.ru/?ysclid=lfxdkeohhj576804671> (accessed: 10.12.2022).
3. Rudi T.R. Topika russkikh zhitiy (voprosy tipologii) [Topics of Russian lives (questions of typology)]. In: Semyachko S.A., Rudi T.V., eds. Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika. St. Petersburg, 2005, p. 61.
4. Makhov A.E. Topos [Topos]. In: Nikol'yukin A.N., ed. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, 2003, stlb. 1076.
5. Rastyagaev A.V. Zhiitiynaya topika v proze pisateley XVIII stoletiya (Kantemir, Trediakovskiy, Fonvizin): monografiya [Hagiographic topics in the prose of writers of the 18th century (Kantemir, Trediakovsky, Fonvizin): monograph]. Samara, 2009, p. 16.
6. Fenomen "chudo" v drevnerusskikh istochnikakh [The phenomenon of "miracle" in ancient Russian sources]. Nauka i vera, July 2, 2020. Sayt RSPs. Available at: <http://rpsc.ru/publications/bogoslovie/fenomen-chudo/> (accessed: 10.12.2022).
7. Ryzhova E.A. Skazanie o yavlenii moshchey i chudesakh pravednogo Kirilla Vel'skogo: istoriya teksta pamyatnika i pochitanie svyatogo [The legend of the appearance of the relics and miracles of the righteous Cyril of Velsky: the history of the text of the monument and the veneration of the saint]. Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Materialy. Publikatsii, vol. 3. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN. St. Petersburg, 2017, p. 349.

8. Likhachev D. S. Poetika drevnerusskoy literatury [Poetics of old Russian literature]. 1979. Moscow, 1979, p. 81.
9. Buyda Yu. V. Vse proplyvayushchie. Moscow, 2011. 400 p. (pages from this edition are in round brackets)/
10. Pereverzev V. N., et al, comp., eds. Logicheskiy slovar': DEFORT [Logical dictionary: DEFORT]. Moscow, 1994, p. 51.
11. Ryzhova E. A. Model' smerti svyatogo v agiograficheskoy traditsii: zaveshchaniya o "nebrezhenii" k telu i motiv "taynye slugi Gospoda" [Model of the death of a saint in the hagiographic tradition: testaments about «negligence» of the body and the motive "the secret servants of the Lord"]. Vestnik Syktyvskarskogo universiteta. Seriya humanitarnykh nauk, 2019, no. 1(9), p. 83. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-smerti-svyatogo-v-agiograficheskoy-traditsii-zaveshchaniya-o-nebrezhenii-k-telu-i-motiv-taynye-slugi-gospoda> (accessed: 10.12.2022)
12. Moklyak V. I. Poetika fantasticheskogo v drevnerusskikh zhitinykh tsiklakh [Fantastic poetics in Old Russian hagiographic cycles]. Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik, 2018, no. 4(15), p. 9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-fantasticheskogo-v-drevnerusskikh-zhitinykh-tsiklakh> (accessed: 10.12.2022).
13. Degtyarenko K. A., Dmitrovskaya M. A. Alogichnye perechisleniya i numerologiya kak sredstva sozdaniya groteskno-komicheskogo v knige rasskazov Yu. Buydy "Prusskaya nevesta" [Illogical enumerations and numerology as means of creating a grotesquely-comic world view in Yuri Buida's book of short stories "The Prussian Bride"]. Severnyy region: Nauka, obrazovanie, kultura, 2014, no. 1, pp. 227-236.
14. Kuskov V. V. Istoriya drevnerusskoy literatury [History of Old Russian Literature]. Moscow, 1998, p. 39.
15. Gavrilova M. V., Dmitrovskaya M. A. Mifopoetika rasskaza Yu. Buydy "Vse proplyvayushchie" [Mythopoetics of Y. Buida's story "All the Sailing"]. Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta, 2012, iss. 8, p. 154.
16. Ieromonakh Isaak. Zhitie startsa Paisiya Svyatogorska [he Life of the Elder Paisios Svyatogorets]. Available at: <https://religion.wikireading.ru/175978> (accessed: 10.12.2022).

Girzheva G. N., Zaika V. I. Hagiographic topoi as elements of the image of a character in Yuri Buida's story "The Miracle of Buyanikha (The poem)". The title of the story "The Miracle of Buyanikha" indicates the genre definition of the presence in the text of signs of hagiography, the horizon of expectation is determined, it is an expectation guideline, as well as a genre specification — a poem. Topoi — the main elements, ceremonial practices: images, motives, speech formulas, guarantees, etc. — are defined by the canon as genre signs of hagiography. The story contains images of various kinds of miracles, which, by their presence, suggest that Buyanikha belongs to the category of those to whom the hagiographic texts are dedicated. However, in the story, topoi and other vital signs have a dual relationship to the hagiographic canon: some images of Buyanikha are meaningfully quite correlated with hagiographic topoi, and are recognized by the reader as corresponding to the genre, other elements correlate with topoi "negatively": the mentioned or described fact of Buyanikha's biography contradicts the common place that characterizes the character as a saint (such a ratio is less recognizable). The most common sign of the use of the topos in the image of Buyanikha is its neutralization: the presence of such details that distort the canonical content of the topos in the description, correct pathos and ground the character. Therefore, in general, the implementation of hagiographic topics in the story is defined as a neglect of ceremoniality. The image of Buyanikha, built by the author using various points of view of the narrator and characters, is multifaceted: long lists of details whimsically combine plausible, factual, implausible and miraculous. Moreover, the miraculous, which, according to the canon, reproduces holiness, is usually neutralized, which is a characteristic feature of the image of the controversial Buyanikha.

Keywords: Yuri Buyda, "All the Sailing", "The Miracle of Buyanikha (poem)", image of the character, hagiographic topos, miraculous, factual, neutralization of the topos.

Сведения об авторах. Галина Николаевна Гиржева — кандидат филологических наук (10.02.01), доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Гуманитарный институт; ORCID: 0000-0001-7571-6634; girzhevagalina@yandex.ru; Владимир Иванович Заика — доктор филологических наук (10.02.01), доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Гуманитарный институт; ORCID: 0000-0002-2206-772X; w.i.zaika@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 01.06.2023.

Ссылка на эту статью: Гиржева Г. Н., Заика В. И. Житийные топосы как элементы образа персонажа в рассказе Юрия Буйды «Чудо о Буянике (поэма)» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 328-334. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).328-334

For citation: Girzheva G. N., Zaika V. I. Hagiographic topoi as elements of the image of a character in Yuri Buida's story "The Miracle of Buyanikha (The poem)". *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 328-334. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).328-334

Е.Е.Розе, Н.В.Водолаженко

ПЕРЕВОД ПРЕПОЗИТИВНЫХ АТРИБУТИВНЫХ КЛАСТЕРОВ В ТЕКСТАХ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Статья посвящена выявлению наиболее эффективных способов адекватной передачи с английского языка на русский препозитивных атрибутивных словосочетаний в текстах, рассматривающих актуальные проблемы состояния окружающей среды. Терминосистема этой динамично развивающейся науки постоянно пополняется новыми лексемами, представляющими собой атрибутивные кластеры. Они могут различаться по составу и количеству компонентов. Для выполнения адекватного перевода требуется определить самые распространенные типы данных словосочетаний и установить возникающие при переводе трудности. Квантитативное сравнение выявленных способов перевода препозитивных атрибутивных цепочек позволяет дать рекомендации по решению профессиональных переводческих задач при работе с современными текстами экологического характера. Необходимо учитывать полисемию терминов, компрессию, характерную для английского языка, а также контекст и нормы русского языка.

Ключевые слова: перевод; способы перевода, препозитивные атрибутивные группы; предикативная связь; двухкомпонентные конструкции; многокомпонентные конструкции

Проблемы экологии и защиты окружающей среды не теряют злободневности в современном мире и привлекают к себе все больше внимания как мировых общественных организаций, так и ученых. Большая часть исследований публикуется на английском языке и требует перевода для поддержания осведомленности и обеспечения коллективных действий, направленных на сохранение здоровой окружающей среды, т.е. эти тексты имеют отчетливую прагматическую направленность. В то же время, экология — наука еще достаточно молодая, ее терминологический аппарат постоянно пополняется и обновляется, в связи с чем выделяется такая проблема как нехватка тематических терминологических словарей.

Одной из особенностей научных текстов вообще и текстов экологической сферы в частности является то, что многие термины представляют собой препозитивные атрибутивные конструкции, т.е. цепочки слов, в которых крайнее правое существительное является определяемым, а слова, которые стоят перед ним, являются по отношению к нему определяющими. Такие конструкции употребляются вместо сочетаний с предлогом of типа 'the climate of the region', которое стягивается до 'the region climate'. Частота использования данных конструкций объясняется тем, что они обеспечивают экономию языковых средств, способствуя лаконичному изложению мысли и внося разнообразие в синтаксис. М.А.Ефимова считает частоту употребления атрибутивных словосочетаний следствием тенденции к «синтагматической номинализации», которая обеспечивает компрессию и позволяет увеличить информационную емкость выражения [1]. А.М.Дроздов также отмечает, что «употребление многокомпонентного словосочетания даёт возможность передачи максимального количества информации при минимальном использовании грамматических средств связи» [2].

Видный отечественный специалист в области переводоведения В.Н.Комиссаров предупреждает, что английские препозитивные атрибутивные кластеры обладают «целым рядом специфических особенностей и ставят перед переводчиком немало сложных задач» [3]. Проблема заключается в том, что такие словосочетания не имеют аналогов в русском языке. Для достижения адекватного перевода подобных конструкций В.Н.Крупнов рекомендует подвергать анализу смысловые связи между их членами и знать их структурные особенности [4].

Состав и структура определяющих компонентов в атрибутивных цепочках могут быть различными. Они могут состоять только из существительных (субстантивные атрибуты), либо включать и другие части речи, могут состоять из двух и более компонентов.

Подробный обзор подходов к изучению данного лингвистического явления и рекомендаций по его переводу предлагают в своей статье А.А.Хромых и А.А.Шагеева. На основе накопленного научного знания они выделяют восемь способов перевода препозитивных атрибутивных словосочетаний:

- 1) перевод с помощью атрибутивной группы;
- 2) перевод с помощью цепочки: существительное + предлог + существительное;
- 3) перевод с помощью перестановки членов конструкции;
- 4) перевод с переносом определения к другому существительному;
- 5) перевод с использованием глагольно-наречной группы;
- 6) перевод одного из членов при помощи группы слов;
- 7) перевод отдельным предложением в кавычках, вводным словами «словно», «как будто»;
- 8) перевод причастными, предложными или инфинитивными оборотами или придаточными предложениями [5].

Мы считаем, что в этот список необходимо добавить перевод существительным в родительном падеже.

Перед настоящим исследованием стояла задача определить наиболее распространенные типы препозитивных атрибутивных кластеров в тексте экологической направленности, проанализировать наиболее эффективные способы их адекватной передачи при переводе и обозначить возникающие при переводе трудности. В качестве материала для сравнительного анализа был выбран австралийский вузовский учебник по экологии «Wildlife Ecology, Conservation, and Management. Second Edition» [6].

Методом сплошной выборки из анализируемого издания было отобрано 193 примера, среди которых наиболее частотными (61%) оказались препозитивные атрибутивные конструкции типа A+N, 28% примеров составили словосочетания типа N+N. Многочленных атрибутивных конструкций было найдено только 11%.

Препозитивные атрибутивные словосочетания с прилагательным в качестве атрибута (A+N) не вызывают сложностей при переводе и передаются калькированием или эквивалентной заменой, однако в ряде случаев для соблюдения норм русского языка потребовалось заменить их при переводе на конструкции типа N+N:

These carnivores fed on the herbivorous notoungulates; a huge placental group now entirely extinct. — Эти хищники питались травоядными нотоунгулятами, которые входили в обширную группу плацентарных и на данный момент полностью вымерли.

When water is restricted for 12 hours at 40°C ambient (environmental) temperature they lose 12% of their body weight compared with the 2% for beisa oryx (Oryx beisa) which is a desert-adapted species. — Когда доступ к воде ограничен в течение 12 часов при температуре окружающей среды равной 40 °C, они теряют 12% массы тела по сравнению с восточноафриканским ориксом (Oryx beisa), которая теряет 2%, являясь приспособленным к пустыне видом.

Трудность перевода атрибутивных конструкций типа A+N заключается также в том, что ее компоненты могут быть представлены многозначной лексикой, которая в зависимости от контекста будет требовать разного перевода. Так, например, слово *natural* было использовано в 4 атрибутивных конструкциях и требовало разных вариантов перевода. Лексические единицы *minor* и *resident* встретились в двух словосочетаниях, и всякий раз их передача нуждалась в конкретизации значения.

При передаче на русский язык атрибутивной конструкции N+N довольно часто происходит ее замена на конструкцию A+N:

The forest biomes are diverse, being subdivided into boreal, temperate, tropical, woodland, and shrubland. — Лесные биомы разнообразны и подразделяются на таёжные, умеренные, тропические, лесистые и кустарниковые.

Атрибутивные конструкции типа N+N могут выражать различные отношения между членами, и атрибут может выполнять синтаксические функции дополнения или обстоятельства места, времени, причины, что находит отражение при переводе, поэтому в ряде случаев для соблюдения нормы русского языка требовалась перестановка членов словосочетания и перевод существительным в родительном падеже. В приведенном ниже примере, как видно, атрибут играет роль дополнения:

The limits of adaptation are called the tolerance limits for the animal, and we need to specify whether we mean the limits for reproduction or for occupation. — Пределы адаптивных возможностей называются пределами выносливости животного, и мы должны указать, подразумеваем ли мы пределы для размножения или для жизнедеятельности.

В следующем примере атрибут выполняет функцию обстоятельства места, поэтому в переводе существительное требует предлога:

The birds were released, and the captive breeding terminated at the end of 1983. — Птиц выпустили, и их разведение в неволе было прекращено в конце 1983 года.

Ряд примеров демонстрирует возможности для компрессии в английском языке в силу его аналитической структуры. Здесь существительное-атрибут может быть передано только придаточным оборотом или предложением:

From this type one group of species developed into long-billed nectar feeders while another group evolved into long-billed bark-crevasse feeders. — От этого вида появились длинноклювые птицы, которые питаются цветочным нектаром, а от другого вида эволюционировали те, что добывают пищу в расщелинах коры деревьев.

Определенную сложность могут создавать словосочетания, буквальная передача которых либо не имеет смысла, либо не вписывается в контекст. В случае, если значение подобного кластера не зафиксировано в словаре, приходится прибегать к описательному переводу, например:

Egg production, egg hatching success, and fledgling success can also be measured accurately in many bird populations. — Во многих популяциях птиц можно оценить яйценоскость, количество вылупившихся птенцов и количество птенцов, доживших до вылета из гнезда.

Некоторые терминологические словосочетания типа N+N имеют эквивалентные соответствия в словарях, но в переводящем языке состоят из одного составного слова:

They appear to have evolved from a thin-billed insect eater. — Похоже, что они произошли от тонкоклювых насекомоядных птиц.

Напомним, многочисленные атрибутивные конструкции встречаются реже, но представляют большую трудность при переводе, хотя для их передачи существует так называемое «правило ряда». Сложность

обусловлена поиском слова, к которому относится прилагательное или причастие, открывающее словосочетание, выделением определяемого слова, а также внутренними связями между компонентами словосочетания. Так, например, если в первом предложении прилагательное относится к определяемому компоненту конструкции, то во втором примере оно определяет следующее сразу за ним существительное *growth*:

Although the Arctic is an important breeding ground for birds, most leave during winter. — Несмотря на то, что Арктика является **важным местом гнездования** птиц, большинство из них покидает её зимой.

In Chapter 6, we derived geometric and exponential growth models. — В главе 6 мы вывели **модели геометрического и экспоненциального роста**.

Несколько примеров продемонстрировали возможность атрибутивных словосочетаний включать в свой состав глаголы, наречия и числительные. Такие компоненты часто соединяются дефисом или выделяются кавычками, а сами атрибутивные словосочетания, как правило, требуют развернутого перевода с помощью придаточного предложения или причастного оборота:

Hence the known-to-be-alive estimate, the number of animals that the researcher knows with certainty to be in the study area. — Следовательно, производится **оценка количества особей в районе исследования, о которых точно известно, что они живы**.

Анализ атрибутивных конструкций позволяет сделать вывод о приёмах их перевода. Наиболее частотными являются следующие: перевод словосочетанием прилагательное + существительное, существительное + существительное в родительном падеже, существительное + существительное с предлогом, замена целого словосочетания на одно существительное, а также перевод придаточным предложением или причастным оборотом. Кроме того, выяснилось, что из упомянутых выше восьми приемов перевода использованы были не все, но мы считаем, что в список необходимо добавить перевод существительным в родительном падеже, поскольку он оказался самым востребованным.

При этом следует отметить, что наше исследование подтверждает следующую закономерность, отмеченную в работе Л.Д.Харабадзе: «Если словосочетание переводится с использованием родительного падежа, то неизбежно происходит перестановка слов» [7]. Но к перестановке как к отдельному приему перевода приходится прибегать также довольно часто.

Сохранить атрибутивную группу в переводе, обратившись к приему калькирования, удалось в 17 примерах. В 6 случаях был выполнен перевод с помощью причастного оборота, 7 атрибутивных конструкций были переведены существительным с предлогом, в 4 примерах было использовано добавление, в 2 примерах один из компонентов атрибутивной группы был переведен группой слов.

Таким образом, видим, что существует достаточное количество приемов и способов перевода атрибутивных конструкций. Ю.А.Пилявских и Е.С.Баскакова отмечают, что «переводчик оставляет за собой право выбора трансформаций при переводе, т.к. перевод — процесс творческий» [8]. Мы считаем необходимым добавить, что в основе выбора переводческой трансформации или конкретного приема перевода лежат нормы русского языка.

1. Ефимова М.А. Номинативность как лингвостилистическая особенность научного текста // Вопросы лингвистики и методики преподавания. Проблемы языка науки. М.: Изд. МГУ, 1981. Вып. 5. С. 36.
2. Дроздов А.М. Многокомпонентные субстантивные словосочетания как проявление тенденции к языковой экономии в английском языке [Электр. ресурс] // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 50. С. 155. URL: <http://vestnik.stavsu.ru/50-2007/27.pdf> / (дата обращения: 30.01.2023).
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. С. 424.
4. Крунов В.Н. В творческой лаборатории переводчика. М.: Международные отношения, 1973. С. 190.
5. Хромых А.А., Шагеева А.А. Англоязычные препозитивные атрибутивные конструкции с предикативной связью (переводческий аспект) [Электр. ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-4(66). С. 196. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/56.html> / (дата обращения: 30.01.2023).
6. Sinclair A.R.E., Fryxell J.M., Caughley Gr. Wildlife Ecology, Conservation and Management. 2nd Edition. Canberra: CSIRO, 2006. 489 p.
7. Харабадзе Л.Д. Особенности передачи значений многочленных атрибутивных словосочетаний с английского языка на русский язык [Электр. ресурс] // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 2(22). С. 188. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-peredachi-znacheniy-mnogochlennykh-atributivnykh-slovosochetaniy-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy/viewer> (дата обращения: 01.02.2023).
8. Пилявских Ю.А., Баскакова Е.С. Особенности перевода атрибутивных групп с английского языка на русский язык [Электр. ресурс] // Интерактивная наука. 2016. № 3. С. 127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-atributivnykh-grupp-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy-yazyk/viewer> / (дата обращения: 21.01.23).

References

1. Efimova M.A. Nominativnost' kak lingvostilisticheskaya osobennost' nfuchnogo teksta [Nominativity as a linguostylistic peculiarity of a science text]. Voprosy lingvistiki b metodiki prepodavaniya. Problem yazyka nauki. Moscow, 1981. Iss. 5, p. 36.
2. Drozdov A.M. Mnogokomponentnye substantivnye slovosochetaniya kak proyavleniye tendentsii k yazykovoy ekonomii v angliiskom yazyke [Multicomponent substantivized word combinations as a manifestation of the trend to language economy in the English language]. Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2007, no. 50, p. 155. Available at: <http://vestnik.stavsu.ru/50-2007/27.pdf> / (accessed: 30.01.2023).
3. Komissarov V.N. Sovremennoye perevodovedeniye [Contemporary translation studies]. Moscow, 2002, p. 424.
4. Krupnov V.N. V tvorcheskoy laboratorii perevodchika [In the creative laboratory of an interpreter]. Moscow, 1973, p. 190.

5. Khomykh A.A., Shageeva A. A. Angloyazychnye prepositivnyye atributivnyye konstruktii s predikativnoy svyaz'yu (perevodcheskii aspekt) [English prepositive attributive constructions with the predicative connection (the translation aspect)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 12-4(66), p. 196. Available at: <https://www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/56.html> / (accessed: 30.01.2023).
6. Sinclair A.R.E., Fryxell J.M., Caughley Gr. *Wildlife Ecology, Conservation and Management*. 2nd Edition. Canberra, Australia, CSIRO, 2006. 489 p.
7. Kharabadze L.D. Osobennosti peredachi znachenii mnogochlennykh atributivnykh slovosochetanii s angliiskogo yazyka na russkiy [The peculiarities of the rendering of multicomponent attributive word combinations from English into Russian]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2019, no. 2(22), p. 188. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-peredachi-znacheniy-mnogochlennykh-atributivnykh-slovosochetaniy-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy/viewer> (accessed: 01.02.2023).
8. Pilyavskikh U.A., Baskakova E.S. Osobennosti perevoda atributivnykh grupp s angliiskogo ayzyka na russkiy ayzyk [The peculiarities of the translation of attributive groups from English into Russian]. *Interaktivnaya nauka*, 2016, no. 3, p. 127. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-atributivnykh-grupp-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy-yazyk/viewer/> (accessed: 21.01.23).

Roze E.E., Vodolazhchenko N.V. The translation of prepositive attributive chains in the ecological texts. The article is devoted to elicitation of the most efficient means of adequate rendering of prepositive attributive chains from the English language into Russian in the texts raising the acute problems of the environmental protection. The terminology system of this rapidly developing science keeps comprising new lexemes, most of which happen to be attribute clusters. Their composition and the number of components may vary. To complete an adequate translation, one has to identify the most common types of such attributive clusters as well as difficulties which may arise in the course of translation. The quantitative comparison of possible ways of translating of some prepositive attribute clusters helps come up with certain recommendations on how to deal with professional translation challenges while working at contemporary ecological texts. It is advisable that one should take into account the term polysemy, compression characteristic of the English language as well as the context and the norms of the Russian language.

Keywords: translation, methods of translation, prepositive attributive chains, predicative connection, two-component constructions; multicomponent constructions.

Сведения об авторах. Елена Евгеньевна Розе — кандидат филологических наук (специальность 10.01.03 — литература народов стран зарубежья (стран германской языковой семьи), доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-0218-7126; elena.roze@novsu.ru; Наталья Васильевна Водолажченко — кандидат филологических наук (специальность 10.01.03 — литература народов стран зарубежья (стран германской языковой семьи), доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0003-4820-7644; Natalya.Vodolazhchenko@novsu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Розе Е.Е., Водолажченко Н.В. Перевод препозитивных атрибутивных кластеров в текстах экологической тематики // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 335-338. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).335-338

For citation: Roze E.E., Vodolazhchenko N.V. The translation of prepositive attributive chains in the ecological texts. *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 335-338. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).335-338

Е.В.Рыжкова, Е.И.Кокконен

«СКАЗОЧНЫЕ» КАРИКАТУРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИСКРЕДИТАЦИИ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ THE GUARDIAN)

В статье рассматривается реализация стратегии дискредитации в британском политическом дискурсе. Материал исследования составили политические карикатуры, опубликованные в the Guardian за 2021—2023 годы, в которых содержатся иконические и вербальные аллюзии на сюжеты народных и авторских сказок Великобритании. Сказка рассматривается как прецедентный феномен, представленный с разной степенью детальности: на уровне прецедентного имени, прецедентной ситуации, прецедентного хронотопа, прецедентного сюжета, прецедентного текста. Рассмотрено взаимодействие иконических и вербальных компонентов. Показано, что сказочные аллюзии, оказываются действенным инструментом дискредитации изображаемых политиков и проводимых ими преобразований, поскольку позволяют адресату выстраивать динамичный образ «человека-в-ситуации» и прогнозировать развитие ситуации. Прецедентные ситуации, в свою очередь, позволяют наделять персонажа определенным набором отрицательных личностных характеристик. Особое внимание уделено анализу комментариев читателей, на основании которых можно сделать вывод об эффективности воздействия карикатуры.

Ключевые слова: политическая карикатура, прецедентность, сказка, стратегия дискредитации, политический медиадискурс, британские СМИ

Политический дискурс, в котором не только отражаются социально-экономические изменения, непосредственно касающиеся рядовых граждан, но и напрямую затрагиваются проблемы «распределения или использования политической власти» [1, с. 89], широко представлен в современных СМИ. Конкурентная борьба за поддержку населения составляет неотъемлемую часть политической жизни. В ней реализуются три основных стратегии: дискредитации, самопрезентации и презентации [2]. Если первая является «игрой на понижение», то две остальные — «игрой на повышение» [3]. Сочетание этих стратегий позволяет манипулировать сознанием массовой аудитории, навязывать точку зрения на происходящее, формировать желаемое мировоззрение, тиражировать значимые политические идеи. Отсюда вытекают такие основные характеристики политического дискурса как агональность, агрессивность, оценочность и экспрессивность [4]. Исследователи также отмечают его театральность и подчеркнутую креативность, авторитарность, дистанцированность, динамичность, эзотеричность, фиденстичность, фантомность, смысловую неопределенность и информативность [5].

В современных условиях социально-экономического кризиса, когда одни политики приходят на смену другим, кардинально меняя курс проводимых реформ, а видимых для населения изменений к лучшему не происходит, стратегия дискредитации становится доминирующей в политическом дискурсе. Её цель — формирование негативного образа представителя власти, понижение его авторитета в глазах массового адресата.

Одним из эффективных средств воздействия на массового адресата в СМИ оказывается политическая карикатура, основанная на гротеске, преувеличении, искажении реальности и представляющая собой синтез литературного и изобразительного искусств. В российских исследованиях подобное сочетание вербальных и невербальных (иконических) компонентов интерпретируется как «креолизованный текст». Впервые этот термин был введен Ю.А.Сорокиными и Е.Ф.Тарасовым [6], которые отмечали его негомогенную фактуру. Вместе с тем, М.Б.Ворошилова полагает, что две или более семиотические системы «вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата» [7, с. 22]. Таким образом, вербальные и невербальные компоненты образуют единое смысловое целое на основе синсемантических отношений [8, 9].

В политическом дискурсе карикатура является источником информации о взаимоотношениях между людьми, политическими событиями и властью. Наряду с острыми социальными, экономическими, политическими проблемами мишенью карикатуры и объектом её насмешки становятся политики, их некомпетентность, неспособность решить насущные проблемы в условиях кризиса, равно как и злоупотребление своим положением и властью. А.В.Дмитриев определяет такую карикатуру как «проблемную графику», которая является сотворчеством автора и адресата, поскольку «обобщенные образы... вызывают у наблюдателей не только разные длины ассоциативной цепи, но иногда и параллельные ассоциации, которые сам автор не мог заранее предполагать» [10, с. 72]. Для высмеивания порочности и слабости представителей власти (по сути — реализации стратегии дискредитации) за основу берутся такие символические образы [10, с. 72-73] как:

- эзоповские персонажи (люди и животные обладают схожими характеристиками — интеллектом и качествами);
- мифические персонажи (герои мифов, старинных легенд);
- средневековые персонажи (рыцари, короли, палачи).

Исследователь считает, что текстовая часть карикатуры сведена к минимуму, чтобы усилить визуальное воздействие. Однако Е.Е.Анисимова [8] полагает, что отношения вербальных и невербальных компонентов могут быть как взаимодополняющими (вербальный комментарий выполняет вторичную функцию), так и взаимозависимыми (вербальный комментарий определяет интерпретацию изображения).

Таким образом, восприятие карикатуры адресатом сообразно замыслу автора требует от последнего определенных фоновых знаний, в том числе национально-культурно специфичных. Понимание карикатуры, как правило, невозможно без обращения к прецедентности [11] или прецедентным феноменам [12]. Прецедентность в креолизованном тексте карикатуры реализуется как на иконическом уровне (через визуальную метафору), так и на вербальном (через подписи к иллюстрациям). Этому феномену, его видам и способам реализации уделяется особое внимание в политической лингвистике. Е.А.Нахимова [13] выделяет следующие виды: лексемы, высказывания, фразеологизмы, тексты, невербальные феномены (музыкальные, живописные произведения и т.п.), ситуации, имена, события, поступки, календарные даты, жесты, знаки). По мысли исследователя, этот список не является конечным и будет дополняться и детализироваться по мере развития теории прецедентности.

К основным признакам прецедентных феноменов исследователи относят их надындивидуальный характер, легкость узнавания и частотность воспроизведения. Они легко интерпретируются в другие формы искусства и вводятся в текст в сжатом виде — намеком или фрагментом. Как показывают исследования последних лет и наши собственные наблюдения, в современном социокультурном контексте указанными характеристиками обладают, в первую очередь, явления современной массовой культуры: кинофильмы, мультфильмы, рекламные ролики, анекдоты, популярные песни и т.п. Детально изучено функционирование в политическом дискурсе различных прецедентных имен [12].

Указанные выше прецедентные феномены имеют привязку к современности, функционируют в рамках определенной культуры, социальной группы (возрастной, гендерной, профессиональной и т.п.) и имеют тенденцию меняться со временем. На эту особенность указывает Г.Г.Слышкин [14].

Сама карикатура также тесно связана со временем своего создания, призвана быстро реагировать на социально-политические изменения и также быстро устаревает. Для достижения эффекта ее образный компонент должен быть максимально понятен адресату, не являться ребусом, а прочитываться мгновенно, что требует апелляции к хорошо знакомым прецедентным явлениям. В качестве универсального источника прецедентности в различных типах дискурса, в том числе и политическом, выступает сказка как культурный феномен, обеспечивающий взаимопонимание между представителями различных поколений и культур. Сюжеты отдельных сказок известны во многих странах, а авторские сказки приобретают мировую известность в переводах. При этом старшее поколение знакомится с новыми произведениями, читая их детям, что обеспечивает накопление и совместное использование культурного кода.

В рамках настоящей работы будут рассмотрены «сказочные» политические карикатуры, в которых источником прецедентности является фантазийная реальность, а именно английский сказочный фольклор и фантастические произведения британских писателей, а мишенью — политики Великобритании и их деятельность, что превращает прецедентные феномены в инструмент дискредитации.

Материалом исследования послужили карикатуры Криса Ридделла (Chris Riddell), опубликованные The Guardian в Observer comment cartoon [15] и Николы Дженингс (Nicola Jennings), в Guardian Opinion cartoon [16] с июня 2021 года по январь 2023 года. Из 120 карикатур были отобраны те, в которых используется сказочный мир для репрезентации кризиса власти в Великобритании.

В качестве методов исследования были использованы метод сплошной выборки при сборе фактологического материала, контент-анализ, анализ единиц разной семиотической природы.

2021—2022 годы в общественно-политической жизни Великобритании оказались полны потрясений. Череда скандалов на высшем уровне власти, смена трех премьер-министров, смена монарха, экономические трудности, социальные конфликты нашли отражение в «сказочной» карикатуре.

Как уже указывалось, апелляция к текстам сказок может осуществляться иконическими и вербальными средствами или их комбинацией. Самым очевидным источником прецедентности оказываются непосредственно концепты героев сказок, что позволяет через визуальную метафору перенести некоторые особенности их характера на высмеиваемого политика. Так исследователями неоднократно отмечено регулярное употребление образа Пиноккио как олицетворения лгуна [17].

Рассмотрим пример визуальной метафоры, отсылающей к серии книг К.Льюиса «Хроники Нарнии».

Рис. 1. The liar, the witch, and the wardrobe (07.08.2021)

На карикатуре (рис. 1) действующий на то время премьер-министр Борис Джонсон представлен в образе льва, рядом с ним министр внутренних дел Прити Пател, напоминающая Снежную королеву. Подобные образы могут отсылать ко многим сказочным героям. Для достижения сатирического эффекта карикатуры необходимо, чтобы читатель адекватно интерпретировал ее иконические элементы. Несмотря на игру слов в заголовке: «Liar» — «Lion», идентификация прецедентной книги не вызывает затруднений. Иконический компонент в данном случае является ключом к пониманию вербального компонента — реплик героев. Реплика льва о борьбе за изменение климата отсылает к роли Льва Аслана, который своим появлением в Нарнии растопил вечную зиму, но автор прямо называет льва-Джонсона лжецом, вызывая сомнение в его заявлении. Пател на посту министра была известна жесткой позицией по отношению к мигрантам; подготовила законопроект о выдворении нелегально прибывших за пределы страны в центры временного содержания, объясняя это тем, что многие из них — скрывающиеся преступники. На карикатуре она пытается обелить себя, смещая акцент на заботу о детях, — в соответствии со сценарием поведения Колдуньи, которая с преступными намерениями заманивала детей в свое королевство.

Дискредитация изображенных политиков достигается через иронию, несоответствие сценариев их поведения сказочным прототипам. Предполагается, что читатель сам «достроит» ситуацию, сделав вывод, что действия представителей власти продиктованы их низкими моральными принципами, желанием скрыть или завуалировать неблагоприятные поступки или социально неприемлемые решения возникающих проблем. Ирония автора отмечена читателями в комментариях: «Boris Johnson and Priti Patel could not care the slightest bit about climate change nor the welfare migrant children. These are despicable people who should be nowhere near the running of a supposedly enlightened developed country» (здесь и далее сохраняется орфография авторов комментариев).

Дополняет дискредитирующий эффект присутствие шкафа (также атрибута Нарнии), полного «Tory sleaze»: это выражение вошло в обиход для обозначения любых неэтичных поступков членов парламента. Читатели также не обходят его вниманием, отмечая: «Plenty of room at the back of their wardrobe in Narnia» и «All they know about Ethics is that it's the Thouthern part of Eatht Anglia».

Образ Белой Колдуньи также оказывается актуальным для изображения Лиз Трасс — преемника Б.Джонсона на посту премьер-министра Великобритании (рис. 2). Понимание карикатуры предполагает не только знание черт характера героини сказки — надменности и вероломства. Через актуализацию поведенческого сценария колдуньи — узурпацию власти — карикатура намекает на шаткость политического положения премьер-министра. Восприятие карикатуры адресатом можно проверить, обратившись к комментариям читателей: «Sadly Mrs. Truss seems like a feeble unreliable woman. She has no ideas, no sense of innovation».

В этой карикатуре обнаруживается еще один уровень прецедентности — некая сказочная ситуация. Напомним, что в сказке Белая Колдунья при помощи волшебного рахат-лукума околдовывает одного из героев, делая его своим сообщником. На карикатуре Лиз Трасс «кормит» Консервативную партию в образе ребенка рахат-лукумом из коробки с надписью «Снижение налогов». Реплика героини «Нарния моя!» помогает безошибочно идентифицировать сказку и усиливает воздействие. Таким образом, художник дискредитирует одновременно и личные качества изображаемого представителя власти, и ее положение, и проводимые реформы. То же отмечают и читатели, указывая на возможный хаос в стране: «...even her greatest supporters fear her policies could create havoc in the the UK». Они также предлагают не менее «сказочный» способ избавиться от политика: «We all know that ice queens melt in the warmth, so let's turn up the [political] heat».

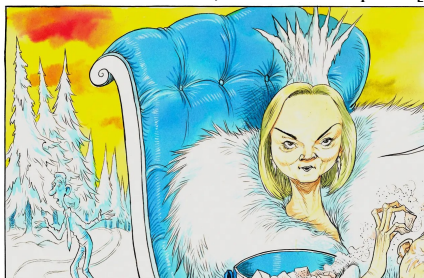

Рис. 2. Liz Tuss, White Witch of Narnia (03.09.2022)

Прецедентность может сработать и более обобщенно на уровне сказочного хронотопа. Комментаторы безошибочно определяют Нарнию с ее вечной зимой как метафору Великобритании, например: «Welcome to the perpetual Tory winter?» или «The Winter of Disconnect (from reality)». Читатели воспринимают реальность через призму карикатуры как «The Chronicles of the Conservative Party - their episodic fantasy, with Brexit their current exemplar...».

Обращение к сценарию определенной сказочной ситуации представлено на карикатуре «О предвыборных перспективах Тори» (рис. 3). Сюжет отсылает к эпизоду из сказки Л.Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес», в котором животные бесцельно бегают по кругу: никто не выигрывает, но и не проигрывает, и все получают награды. Этот процесс у Кэрролла назван «Caucus-race», что стало обозначением внутрипартийной предвыборной гонки. Писатель намекает на бессмысленность и абсурдность современной ему

политической системы, что оказывается актуальным и в наши дни. На спине птицы Додо восседают три претендента на пост премьер-министра Великобритании в период кризиса правления Лиз Трасс. Изображение дронта добавляет ситуации безнадежности, поскольку у вымершей птицы нет перспектив. Вербальный компонент карикатуры ограничен приглашением взойти на борт, и дополняет иконические элементы. Жетон «Dodo» на шее птицы не только сообщает ее имя, но и является сленговым ярлыком глупца. Карикатура дискредитирует не столько каждого из изображенных политиков в отдельности, сколько предвыборную ситуацию в целом, и кризис верховной власти. Предвыборная борьба предстает бессмысленным ребячеством, игрой. О том, что карикатура достигла своей цели, свидетельствуют комментарии читателей: «MPs are not accountable for their actions, silly!», «Conservatives' new logo? An extinct flightless bird going round in circles...».

Рис. 3. On the Tories' electoral prospects (23.10.2022)

Исследователи отмечают, что прецедентность в карикатуре выполняет следующие функции: создания имиджа, характерологическую, сатирическую, ретроспективную и прогностическую [18, с. 20]. Именно прогностическая функция наиболее ярко проявляется в следующих предрождественских карикатурах, появившихся с перерывом в год (рис. 4; рис. 5). Источником прецедентности выступает повесть-сказка Ч.Диккенса «Рождественская песнь в прозе: святочный рассказ с привидениями».

Для понимания карикатур необходимо обращение к сюжетной линии произведения. Иконические элементы представляют собой, на первый взгляд, точную визуализацию Духов Рождества, явившихся главному герою. Однако мелкие детали характеризуют судьбу Великобритании, которая зависит от тех политиков, которые находятся у власти (в 2021 году это Борис Джонсон, в 2022 — Риши Сунак). Именно через детали — надписи на подарках в руках призраков — осуществляется как критика прошлых, так и текущих действий политиков: «Tory Brexit» (рис. 4), «Strikes» (забастовки) (рис. 5). Кроме того, Дух Будущего Рождества предсказывает стране тот же конец, что главному герою произведения, как закономерный результат проводимой политики.

Рис. 4. Boris Johnson saves Christmas again (02.10.2021)

Рис. 5. Rishi Sunak and the ghosts of Christmas past, present and future (17.12.2022)

Карикатура на рис. 4 вызывает в сознании читателей образ Скруджа с его высказываниями об «избытке населения». Эти взгляды напрямую приписываются Борису Джонсону: «Tory prime minister (Ebenezer) Johnson «If they would rather die, they had better do it, and decrease the surplus population». Все заявления о «зелёной» повестке воспринимаются как очередная ложь. Читатели даже находят данную карикатуру несправедливой по отношению к герою книги: «It's unfair to compare Johnson to Scrooge. Scrooge only suggested that people die to decrease the surplus population. Johnson's been making sure they do». Комментаторы также разделяют

обеспокоенность автора будущим Великобритании и благосостоянием граждан: «Winter will mean death for many», «It is The Johnson's useless, lazy, uncaring performance as PM that is threatening the economy with collapse this winter».

На рис. 5 вербальный компонент также дополняет иконические элементы. Если в 2021 году Джонсона обвиняли во лжи, то в 2022 году — Сунака в лицемерии: «Rishi the Banker's friend feels your pain» (идиома означает нарушение политиком своих обещаний при внешнем выражении озабоченности). Стране предрекают серьезные финансовые трудности (падение реальных доходов населения, торможение экономики) — «austerity», которые не затронут состоятельных людей ввиду повышения ставок центральных банков.

В сознании читателей «квант» Сунак (разбирающийся в финансовых моделях, математических и статистических алгоритмах) не лучше «лирика» Джонсона («умеющего петь, но не считать») [19]. Для него нация — это корпорация, где возможны и неэтичные решения: «Individually, the Tories in power know that the gravy train will crash. They're just grabbing as much as they can before this cash cow- us- is completely broken». В их понимании смена лидера Консервативной партии не принесет облегчения жизни граждан: «Hope is a cold flame to keep warm by and a frugal meal to eat. People are right now just existing and some not even doing that, for heat poverty deaths will double this winter. I despair, I really do».

Особо хочется выделить карикатуры, в которых велика роль вербального компонента. В качестве примера приведем «Морж и плотник, карикатура в стиле Бориса и Риши» (рис. 6). Иконический элемент отсылает одновременно и к стихотворению Л.Кэрролла, и к мультфильму У.Диснея «Алиса в Стране чудес». Автор соблюдает все детали, указанные в первоисточнике: место, время, действия персонажей. Но смысл изображения не будет полностью понятным без восприятия текста — пародии на оригинал Л.Кэрролла. Если в оригинале отрывок стихотворения представляет собой рифмованную бессмыслицу, то в карикатуре текст полностью осмыслен: в нем перечислены актуальные общественные проблемы, действительно заслуживающие обсуждения. Однако последние строки подчеркивают всю важность подобных дебатов, поскольку Джонсон вновь представлен лжецом. Он сам в этом признается: выражение «pigs have wings» отсылает к фразеологизму «pigs can fly», означающему отсутствие шанса на осуществление чего бы то ни было. Лживого политика «выслушивают» устрицы, которых читатели-комментаторы воспринимают как народ, уже не верящий ничему: «And lies and more lies and everywhere a lie-lie. And, as for the oysters (that means you and me) they were eaten anyway, just after the walrus and the carpenter had been for their work».

В целом иконический и вербальный элементы оказываются созависимыми. Основу прецедентности составляют и непосредственно текст стихотворения, и его сюжет, и визуальные образы мультфильма: в совокупности они создают образ тотальной лжи. По замечанию читателей, легче поверить в летающую свинью, чем словам Джонсона: «A flying farting pig is much more believable than anything Johnson and his gang say».

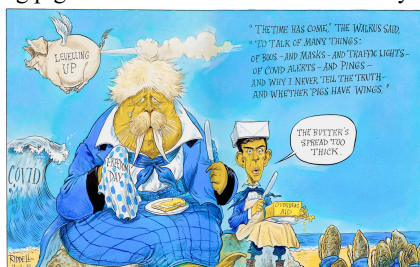

Рис. 6. The walrus and the carpenter, Boris and Rishi style cartoon (17.07.2021)

В приведенных выше примерах прецедентный текст или сказочный сюжет выполнял характеризующую или прогностическую функции, выставляя личные или профессиональные качества политиков и их поступки в негативном свете. Адресат воспринимает героев карикатуры через призму сказочного сюжета и в соответствии с ним.

Однако встречается и своеобразное отрицание сказочного сюжета или его трансформация, если критикуемая реальность не укладывается в его рамки.

На карикатуре «Rishi Sunak: lost leader» (Рис. 7) представлена пародия на иллюстрированную книгу Ч.Маккизи «Мальчик, крот, лис и лошадь» («The Boy, the Mole, the Fox and the Horse»). В сказке животные помогают заблудившемуся мальчику выйти из леса, однако на карикатуре герои подвергнуты трансформации, а сюжет декомпозиции. Имена героев изменены на основании созвучности, в результате чего появляются отрицательные характеристики. «Рох» — несчастье, проклятие — представляет визуальную метафору Консервативной партии, которая расколота на фракции и не во всем поддерживает Сунака. Это ясно из заголовка статьи в The Guardian от 08.01.2023: «Tory right warns Rishi Sunak: this is the calm before our storm over small boats and Brexit». Вместо крота на карикатуре присутствует тролль как существо, призванное провоцировать и вызывать скандалы и которое лучше игнорировать, чтобы не быть втянутым в конфликт, ср. выражение: don't feed the troll(s).

Декомпозиция сюжета приводит к усилению ситуации безнадежности для Риши Сунака в образе заблудившегося мальчика. Его реплика, содержащая сниженную разговорную лексику и грамматические

ошибки, свидетельствует о бессилии и растерянности. Читатели воспринимают подобную «самокритику» персонажа как его прямую дискредитацию, соглашаясь с автором карикатуры: «Good cartoon, and yes Sunak is rubbish at leadership and very much like his predecessors. And sadly not much to endear the cabinet of selfish self interested ministers. Thankfully the electorate have started to wake up and smell the coffee as they see the damage Tory greed has wreaked on the economy and the citizen».

Очевидно, что карикатурист намеренно искажает сюжет с целью дискредитации изображенного политика, поэтому извиняется перед автором книги.

Рис. 7. Rishi Sunak: lost leader (14.01.2023)

В рассмотренном примере сказочный сюжет трансформируется, но не отрицается полностью. Эффект карикатуры «Boris Johnson prize porkies» (рис. 9) с подзаголовком «The sad tale of the three little pigs, as told by the prime minister», напротив, основывается на полном отрицании сюжета рифмованной детской сказки про маленьких поросят. Прогноз, который предполагает исходный сюжет (позитивные перемены, вкусная еда и т.п.), в этой карикатуре отменяется. Все преобразования Бориса Джонсона, представленные через визуальную метафору, обречены на провал. В карикатуре происходит контаминация двух сюжетов, объединенных общими героями: сказки «The three little pigs» и песенки-потешки «This little pig». При этом первый объективируется на иконическом уровне, а второй на вербальном, и именно он направляет восприятие и толкование карикатуры.

Заголовок карикатуры содержит аллюзию на выражение из рифмованного сленга «porky pies (porkies)», где «pies» рифмуется с «lies» — «ложь». Таким образом, возникает синергетический эффект между иконическим и вербальным компонентами, дискредитирующими Джонсона как лжеца, который не в состоянии извлечь уроки из истории политического кризиса 1978-79 гг. Об этом свидетельствует надпись на пироге «Кризис? Какой кризис?» — ставшее мемом выражение, описывающее состояние Великобритании в 1970-х гг.

Рис. 9. Boris Johnson prize porkies (09.10.2021)

Как следует из комментариев, читатели воспринимают карикатуру, как отсылающую к сказке о трех поросятах: «Johnson has certainly rebuilt the UK out of straw». Также образ Джонсона-лжеца легко прочитывается в оценочных высказываниях: «Porkies pies, stinking lies», «Johnson's Brexit stopped us bringing home the bacon, so he's giving us even more porky pies instead».

В данной работе рассмотрены карикатуры, которые представляют персонажей в основном авторских сказок. Однако в ходе анализа были обнаружены и другие сюжеты, свойственные для архетипических сказок о принцессах, рыцарях и драконах, единорогах, русалках, троллях и т.п.

Мы ставили целью показать, что через апелляцию к сказочным героям, ситуациям, хронотопам, сюжетам успешно реализуется стратегия дискредитации. Эфемерность сказочных миров, их противопоставление реальности позволяет создать атмосферу недоверия (даже при апелляции к положительным сказочным образам и сюжетам), дискредитируя как непосредственно личность изображаемых политиков, так и их деятельность. Сила воздействия карикатуры зависит от того, насколько удачно автором выбран сказочный фрейм.

Как показывает анализ комментариев читателей, они являются «соавторами» карикатуриста, предлагая свои толкования, не всегда совпадающие с исходным изображением.

Таким образом, «сказочное» прецедентное имя, изображение или высказывание актуализируют в сознании носителей языка определенные тексты, объективирующие соответствующие фреймы и сценарии. Они позволяют адресату выстраивать динамичный образ «человека-в-ситуации». Прецедентные ситуации, в свою очередь, позволяют наделять персонажа определенным набором отрицательных личностных характеристик.

1. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2006. 254 с.
2. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография. Екатеринбург: УГПУ, 2004. 294 с.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
4. Халатян А.Б. Предвыборный дискурс // Политическая лингвистика. 2011. № 2(36). С. 180-187.
5. Суханов Ю.Ю. Специфика политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5(71). Ч. 1. С. 147-149.
6. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 180-186.
7. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. 194 с.
8. Анисимова Е.Е. Прагмалингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71-79.
9. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Ред. А.П.Сквородников. 2000. № 3(11). С. 104-110.
10. Дмитриев А.В. Социология политического юмора. М.: Россмэн, 1998. 334 с.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
12. Будаев Э.В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования // Политическая лингвистика. 2021. № 3(87). С. 22-36. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_03_02
13. Нахимова Е.А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 41-46.
14. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
15. Observer comment cartoon. URL: <https://www.theguardian.com/profile/chrisriddell> (дата обращения: 28.02.2023).
16. Guardian opinion cartoon. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/series/guardian-comment-cartoon> (дата обращения: 28.02.2023).
17. Тихонова С.А. Барак Обама как мишень прецедентности в политической карикатуре США // Политическая лингвистика. 2013. № 1(43). С. 107-114.
18. Дубовицкая Л.В. Функции прецедентности иконических компонентов креолизованных текстов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 2. С. 15-20.
19. Chambers S. A quant not a poet — what might Sunak's MBA mean for Britain? // Financial Times. 29.10.2022. URL: <https://www.ft.com/content/31d340c3-13ff-4198-b4a4-8d89d7d998bf> (дата обращения: 16.03.2023).

References

1. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. Moscow, 2006. 254 p.
2. Ruzhentseva N.B. Diskreditiruyushchie takтики i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse: monografiya [Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse]. Ekaterinburg, 2004. 294 p.
3. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i takтики russkoy rechi [Communication strategies and tactics of the Russian language]. Moscow, 2008. 288 p.
4. Khalatyan A.B. Predvybornyy diskurs [Election discourse]. Politicheskaya lingvistika, 2011, no. 2(36), pp. 180-187.
5. Sukhanov Yu.Yu. Spetsifika politicheskogo diskursa [Specificity of political discourse]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2017, no. 5(71). Ch. 1, pp. 147-149.
6. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. In: Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya. Moscow, 1990, pp. 180-186.
7. Voroshilova M.B. Politicheskiiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochleniyu. Monografiya [Political creolized text: keys for reading]. Ekaterinburg, 2013. 194 p.
8. Anisimova E.E. Pragmalingvistika i tekst (k probleme kreolizovannykh i gibridnykh tekstov) [Pragmalinguistics and texts (a case study of creolized and hybrid texts)]. Voprosy yazykoznaniya, 1992, no. 1, pp. 71-79.
9. Bernatskaya A.A. K probleme "kreolizatsii" teksta: istoriya i sovremennoe sostoyanie [The problem of text creolization: history and current state]. In: Skovorodnikov A.P., ed. Rechevoe obshchenie: Spetsializirovannyi vestnik, 2000, no. 3(11), pp. 104-110.
10. Dmitriev A.V. Sotsiologiya politicheskogo yumora [Sociology of political humor]. Moscow, 1998. 334 p.
11. Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and language personality]. Moscow, 2010. 264 p.
12. Budaev E.V. Pretsedentnye imena v SMI: metodiki issledovaniya [Precedent Names in the Media: Research Methods]. Politicheskaya lingvistika, 2021, no. 3(87), pp. 22-36. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_03_02
13. Nakhimova E.A. O klassifikatsii i differentsiatsii vidov pretsedentnykh fenomenov v politicheskoy kommunikatsii [Classification and differentiation of the types of precedent phenomena in political communication]. Politicheskaya lingvistika, 2018, no. 1, pp. 41-46.
14. Slyshkin G.G. Ot teksta k simvolu: lingvokulturnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse [From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow, 2000. 128 p.
15. Observer comment cartoon. Available at: <https://www.theguardian.com/profile/chrisriddell> (accessed: 28.02.2023).
16. Guardian opinion cartoon. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/series/guardian-comment-cartoon> (accessed: 28.02.2023).
17. Tikhonova S.A. Barak Obama kak mishen' pretsedentnosti v politicheskoy karikature USA [Barack Obama as a target of precedent in the political caricature of the United States]. Politicheskaya lingvistika, 2013, no. 1(43), pp. 107-114.
18. Dubovitskaya L.V. Funktsii pretsedentnosti ikonicheskikh komponentov kreolizovannykh tekstov [Precedent phenomena in iconic components of written creolized texts]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika, 2012, no. 2, pp. 15-20.
19. Chambers S. A quant not a poet — what might Sunak's MBA mean for Britain? Financial Times, 29.10.2022. Available at: <https://www.ft.com/content/31d340c3-13ff-4198-b4a4-8d89d7d998bf> (accessed: 16.03.2023).

Ryzhkova E.V., Kokkonen E.I. “Fairytale” cartoons as a tool for discrediting in British political discourse (a case study of The Guardian). The article considers the implementation of the discrediting strategy in the British political discourse of 2021—2023. The material of the study was political cartoons published in the Guardian, which contain iconic and verbal allusions to the plots of British folk and author's fairy tales. A fairy tale is considered as a precedent phenomenon presented with varying degrees of detail: at the level of a precedent name, a precedent situation, a precedent chronotope, a precedent plot, a precedent text. The interaction of iconic and verbal components is considered. It is shown that fairy-tale allusions turn out to be an effective tool for discrediting the portrayed politicians and the transformations they carry out, since they allow the addressee to build a dynamic image of a “man-in-situation” and predict the development of the situation. Precedent situations, in turn, make it possible to endow a character with a certain set of negative personal characteristics. Particular attention is paid to the analysis of readers' comments, on the basis of which it is possible to draw a conclusion about the effectiveness of the impact of the cartoon.

Keywords: political cartoon, precedent, fairy tale, discrediting strategy, media discourse, British media.

Сведения об авторах. Елена Владимировна Рыжкова — кандидат филологических наук, доцент, кафедра билингвального образования, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-4689-1537; yelena.ryzhkova@novsu.ru; Елена Иогановна Кокконен — кандидат психологических наук, доцент, кафедра билингвального образования, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0003-2860-1791; keli77@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Рыжкова Е.В., Кокконен Е.И. «Сказочные» карикатуры как инструмент дискредитации в британском политическом дискурсе (на примере The Guardian) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 339-346. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).339-346

For citation: Ryzhkova E.V., Kokkonen E.I. “Fairytale” cartoons as a tool for discrediting in British political discourse (a case study of The Guardian). *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 339-346. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).339-346

С.В.Станевич, И.Г.Назарова

**КОММЕНТИРОВАНИЕ И КОПИЛИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В
ВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

В истории медицины важную роль играло распространение медицинского знания. Исторически первые медицинские тексты создавались на древнегреческом и латинском языках. В статье рассматриваются способы, с помощью которых медицинское знание, зафиксированное в первоисточниках, прежде всего трудах Гиппократов и Галена, получало дальнейшее распространение в последующие эпохи и вне географических границ своего возникновения, а именно, комментирование и компилирование. Эти способы применялись повсеместно в Европе, Азии, Ближнем Востоке, но авторы ограничивают своё рассмотрение Византией. Дается краткий обзор развития медицины в Византии, и рассматриваются история осмысления и передачи медицинского знания посредством комментирования и компилирования. Авторы касаются роли и значения некоторых выдающихся греческих комментаторов и компиляторов медицинской литературы, чьи имена сохранились в истории медицины. Обосновывается роль Византии как важного звена в мировом прогрессе медицины.

Ключевые слова: медицина, Византия, греческий язык, Гален, комментирование, компилирование

Историков медицины и лингвистов давно занимает проблема комментирования и компилирования книг по медицине в период Поздней Античности (III—VIII века н.э.) и Раннего Средневековья, ознаменовавшегося падением Римской империи и длившегося приблизительно до начала XII века, и Высокого или Классического Средневековья (сер. IX—XIV века). В это время окончательно сформировалась западная цивилизация. На процесс её формирования значительную роль оказал византийский период (4 век — сер. 15 века) с его особой традицией комментирования и компилирования медицинских сочинений.

Прежде чем сосредоточиться на проблемах комментариев и компиляций в византийский период и их особой роли в развитии медицинского знания, представим краткий обзор византийской медицины в целом.

Византийская империя являлась наследницей и продолжательницей Античности. Византийцы переписывали работы древних мыслителей, чтобы сохранить их и чтобы изучать их. Византийская литературная традиция в любой области, не только медицинской, продолжает классическую античную традицию, прежде всего древнегреческую. Существует взгляд в истории медицины, согласно которому византийская медицинская наука вторична по отношению к древнегреческой, являясь, по сути, её плагиатом [1-3]. Роль Византии в сохранении и передаче классической античной традиции в латинский, а также и арабский, позднеантичный и средневековый мир очень велика. Однако было бы не правильно полностью отрицать самобытность византийской медицины на протяжении её тысячелетней истории (10 столетий). К слову, византийские учёные медики были уважаемы в XII веке не меньше, чем медики знаменитой медицинской школы в Салерно. Ветеринария также получила развитие в Византии, особенно в области лечения лошадей, так как кавалерия, созданная в конце III — начале IV века и стандартизированная при Константине I, стала необходимейшей частью армии [2, xi]. Лечение лошадей именовалось по-гречески гиппиятрией. Византийская гиппиятрия включает латинские источники (Columella “De re rustica”, Pelagonius, Mulomedicina Chironis, Vegetius, Palladius “De veterinaria medicina”) и греческие (Anatolios, Eumelos, Theonnestos, Hippocrates, Apsyrτος и Hierocles) [4, с. 111]. Византийские авторы создали на греческом языке трактаты по полевой ветеринарии лошадей, которые послужили основными источниками для сборника, известного как «Corpus hippiatricorum Graecorum» (913—959 н.э.) во времена правления Константина VII Порфирородного. Вплоть до XIX столетия эти материалы оставались непревзойдёнными по своей научной ценности [2, с. XI]. Автор компиляции включал отрывки из вышеназванных греческих авторов по каждой теме, в алфавитном порядке [4, с. 111]. Известно, что некоторые из авторов были солдатами, например, Аписиртос, чей труд создан в форме писем, был солдатом во времена Константина IV (VII век). Более поздние авторы цитируют его, например, Вегетий цитирует Аписиртоса в XII или XIII веке [4].

Если в плоскости теоретизирования византийская медицина не могла сравниться с древнегреческими первоисточниками, то, что касается практики, были области, в которых она не знала себе равных. Византийские больницы были уникальным явлением, ничего подобного которому не было в Западной Европе до IV века, когда только начали распространяться хеподохиа, достигнув пика развития в XII веке [2, с. X]. С византийской медициной связаны анатомические термины, употребительные по сей день, например, *vena cephalica*, *vena basilica*. Эти термины не встречаются у классических греческих авторов, встречаются позже у латинских, арабских, греческих авторов в связи с флеботомией [5, с. 113].

Рассмотрим **периодизацию** византийской медицины, прежде чем перейти к конкретным вопросам нашего исследования. Византийская медицина охватывала период с 330 до 1453 г. Внутри этого временного отрезка имело место чёткое разделение:

1. Александрийский период — 330—642 гг. Александрия имела связь с античной медициной, начиная с 3 века до н.э., и тысячу лет после, вплоть до арабского завоевания. Тогда, на основе учения Галена, возникла

медицинская система, определившая развитие медицины на 1000 лет вперед. Само понятие «Александрия» отождествлялось с медициной [6, с. 21].

2. Константинопольский период, когда Константинополь стал центром медицинской практики — 642—1453 гг. В Константинопольский период медицина становится христианской, её фундаментом стало учение греческих отцов церкви [5, с. 97].

Основателем *Александрийской* медицинской школы считается Гален. Гален (род. в 129 — умер в Риме примерно в 200 г. н.э.) оставил огромное количество работ по анатомии, физиологии и *materia medica* (лекарственным веществам), а также философии. Его медицинские и философские взгляды составляли единое целое, например, его работа «Об использовании частей» демонстрирует сплав медицины и философии: в ней он показывает, как совершенно Творец, или Природа, устроил человеческое тело из подручного материала [5, с. 107]. В этой работе Гален также подчёркивает важность аутопсии для изучения анатомии. Это сочинение стало основным учебником для тех, кто хотел понять строение и функции человеческого тела. Работа Галена «О демонстрации» также является одновременно и философской, и медицинской, и утверждает значимость разума и опыта для медицины. Кроме того, Гален сделал комментарии к некоторым работам, приписываемым Гиппократу. Гален позиционировал себя как продолжатель Гиппократа, так в своей практике он следовал максиме Гиппократа *contraria contrariis curantur* (к примеру, простуду следовало лечить горячим средством) [5, с. 99]. Гален настаивал, что медицина должна основываться на анатомическом вскрытии, физиологических опытах, изучении явных и скрытых причин заболевания. Ради прогресса медицины он боролся с сектами от медицины (так называемыми эмпириками и методистами), и его книга «О сектах» стала одной из базовых учебников в Александрии. Галенианский взгляд на медицину разделяет её на 2 части: теорию и практику. Теория делится на 3 части: физиология, этиология, семиотика. Физиология делится на 6 частей: элементы, темпераменты, жидкости, твёрдые части тела, способности, действия [5]. Этот взгляд проводился всеми византийскими последователями Галена. Так, Теофилус Протоспатариус (предположительно VII век) подчёркивает в своих работах важность препарирования для анатомии. В Александрии и Константинополе совершались вскрытия животных в научных целях.

Особенностью обучения в Александрии было то, что студенты обучались одновременно медицине, философии, риторике. Существовало такое понятие как *diadoche*, т.е. последовательность в обучении. Учителя одновременно являлись комментаторами. Таких учителей-комментаторов медицины называли по-разному: ятрософы, философы, врачи [5, с. 102]. Среди них известны имена Гезиуса, Дамасциуса, Джона Грамматика. Император Юстиниан закрыл университет в Афинах в 529 году, но университет в Александрии он не тронул, и там велось преподавание медицины на схоластической основе. Впоследствии традиция схоластического преподавания медицины была продолжена средневековыми университетами Запада. В Александрию приходили учиться с Востока и, отчасти, Запада. Учение состояло в чтении Гиппократа и Галена и слушании лекций по их материалам. Гиппократ считался «отцом медицины». Львиную долю в программе обучения занимали работы Галена и его комментарии к Гиппократу. Наряду с Галеном и Гиппократом в Александрии изучался Диоскорид как фармаколог-основоположник. Знаменита была медицинская школа Зенона Киприйского (350 н.э.). Среди учеников Зенона были многие выдающиеся впоследствии медики, например, Орибасиус [5, с. 101].

Константинопольский период. Традиция передавалась из Александрии в Константинополь с некоторыми изменениями, но суть оставалась прежней, в основном греческой. [5, с. 106]. В Константинополе медицинское знание преподавалось в монастырях и церковных школах на основе античных текстов. Основание первой христианской больницы приписывается Василию Великому. Юстиниан также занимался строительством больниц в Константинополе. Анна Комнина описывает прекрасный детский дом, устроенный её отцом Алексием. С медицинской точки зрения была превосходна больница, основанная Ириной, женой Джона Комнина в 1136 г. Она располагалась при монастыре Пантократора, имела 50 коек: 10 — для хирургических случаев, 8 — для острых и тяжёлых заболеваний, 20 — для обычных болезней, 12 — для женщин. При каждом отделении имелись 2 врача, была амбулатория и младший медицинский персонал. Среди последних интересны *pagabalaní*, люди, которые отправлялись на поиски больных чумой или проказой, не боясь заразиться, чтобы доставить их в больницу. Аналогично, при армии имелись *dipotatoi*, которые оказывали помощь раненым [5, с. 111-112].

В Константинополе практиковали выдающиеся медики. Один из них, Якоб Психректус (*Psychrectus*), практиковал в Константинополе в V веке [5, с. 100]. Он был язычник, но его терапевтические способности были столь выдающимися, что его называли Спасителем. Бедных он лечил бесплатно. В Афинах и Константинополе в его честь были воздвигнуты статуи [7, с. 5]. Ему платил город, так что его можно считать общественным врачом. Психректус применял оригинальные методы лечения, так он использовал прохладную воду как средство для снятия напряжения и душевных тревог [7, с. 5]. (Кстати, одним из самых частых заболеваний в Византии являлась подагра, отражённая даже в Юстинианском Кодексе. В XIII веке две монографии были посвящены этому заболеванию, одна из них написана Деметриусом Пепагоменуусом, личным врачом Михаила Палеолога. Были также работы о дифтерии [5, с. 101]).

Если во II веке присутствовали имена оригинальных мыслителей (Гален, Руфус Эфесский, Соранус Эфесский, Антиллус), то во времена византийской Поздней Античности, с IV века, мы встречаем в основном имена компиляторов и комментаторов, составителей сборников, справочников и энциклопедий (Орибасиус, Александр, Эциус, Павел из Эгины, Лже-Апулей, Марцеллус Эмпирик и др.) [7, с. 2]. Благодаря этим людям мы

имеем задокументированные свидетельства достижений античных авторов, по выражению Nutton, они — «medical refrigerators of antiquity», передаточное звено знаний от минувших поколений будущим [7, с. 3]. Александрийские ятрософы (учителя врачевания) делали выдержки из работ Галена и Гиппократ, комментировали их, систематизировали и обобщали для использования в учебной и врачебной практике [5, с. 98-99]. Неверным было бы утверждать, что до эпохи Поздней Античности не составлялись компендиумы. Одна из работ Руфуса из Эфеса (98—117) называлась «Для мирян» и представляла собой компендиум, из которого последующие составители заимствовали много отрывков. Гален обобщал свои собственные работы, а также «Анатомию» Маринуса и «Диалоги» Платона [7, с. 3].

Составители комментариев следовали устоявшемуся порядку. Известные комментаторы в Александрии VI—VII веков — Палладиус (Palladius) и Джон Александрийский (John of Alexandria) [6, с. 22]. В своих комментариях Гиппократ они следовали примеру комментатора Стефануса Афинского (Stephanus of Athens) [6, с. 23]. Изучение классиков состояло из трёх шагов:

1. Работа с текстом, со значениями слов.
2. Работа с значением леммы в целом.
3. Объяснения текста и установление различий между толкованиями [6, с. 22].

Эти логические методы работы с материалом заимствовались у учителей философии и риторики, в частности, у Аристотеля. Такие комментаторы назывались ятрософами. Они ограничивались теоретическими построениями, но не имели, или почти не имели, практики. Исключения были редки (например, Гезиус (Gesius)) [6, с. 23].

Важная черта Поздней Античности — разделение сочинений на теоретические и практические, и это несмотря на то, что Гален подчёркивал важность единства теории и практики в медицине [7, с. 4].

Рассмотрим теперь некоторые выдающиеся (и сохранившиеся в истории) персоналии.

Джон Филопонус написал комментарий на труд Аристотеля «De anima» в Александрии в начале VI века. В этих комментариях хорошо прослеживается связь философских и медицинских идей, что было характерной особенностью византийского образования V и VI веков. Аристотель вообще комментировался византийцами часто. Комментарий Филопонуса показывает знание медицины и понимание связи медицины с философией. Филопонус, Аристотель и Гален стоят на одном философском фундаменте. Так, аристотелевское утверждение, что природа ничего не делает зря, Филопонус подкрепляет галеновскими анатомическими описаниями, например, говоря о строении глаза и уха, он хвалит их естественную защиту. Он переписывает аристотелевское представление о чувствах с позиций Галена, который утверждал приоритет мозга над «сердцем», хотя напрямую нигде не ссылается на Галена. Галенианский подход, которого придерживались и византийцы, предлагал материалистическое объяснение аристотелевской душе. Позднее, в этом же веке, Стефанус (Stephanus) Византийский дополнил комментарии Филопонуса. 7 столетий спустя комментарий Филопонуса перефразировал византийский монах Софониас (XIII или XIV век) [8].

Во второй половине IV столетия *Орибазис*, друг императора Юлиана Отступника, составил сборник на основе трудов Галена, за которым последовали другие энциклопедические сборники. Подобные справочники или энциклопедии составляли Александр Тралесский и Этиус из Амиды в VI столетии. Во всех этих работах Гален — самый цитируемый автор [5, с. 98-99]. Орибазис комментировал Галена и добавлял свои собственные наблюдения, как, например, заметки о чуме, также он дополнял Галена и наблюдениями других авторов, например, Руфуса из Эфеса [7, с. 2]. Таким образом, комментаторы становились также компиляторами и энциклопедистами. Энциклопедисты времён Поздней Античности не просто собирали уже имевшийся материал, они отбирали его, адаптировали, добавляли новый на основе своих наблюдений или наблюдений других авторов. Nutton, в особенности, восхищается искусством Орибазиса в деле составления компендиумов, его навыками риторики в эпоху, когда риторика ценилась весьма высоко [7, с. 3]. Конечно, это не исследовательские работы, их цель была другой (сохранить и передать научное знание) и их авторы успешно с ней справлялись.

Немезиус из Эмезы, Целиус Аурелианус, Магнус из Нибизиса — другие примеры комментаторов, которые умело отбирали материал, кое-где относясь к нему критически и адаптируя под потребности своих читателей. В своих работах они демонстрировали высокое мастерство логики и риторики. Сочинение Магнуса о моче, основанное на учении Гиппократ и Галена, высоко ценилось современниками и потомками, и сохранилось на арабском языке. Впоследствии эта работа, в свою очередь, послужила источником для Теофила. Упомянул о ней и Иоханнес Актуариус. [7, с. 3] В своих работах Магнус оставался по-преимуществу теоретиком, именно поэтому его критиковали за недостаточное обоснование диагностического и прогностического применения уроскопии. Но своими работами он указал верное направление следующим за ним исследователям.

Александр Тралесский (VI век) — врач эпохи Юстиниана, выходец из семьи врачей из Малой Азии. Часть времени он работал в Риме. К концу жизни составил всеобъемлющий терапевтический справочник. Ключевое понятие в его работе — *peiga*, т.е. опыт [6, с. 25]. В своих сочинениях он опирался на учение Гиппократ и Галена. Однако он не боялся спорить с авторитетами, если его собственная практика показывала обратное, например, в области применения лекарств.

Мелециус, врач, хирург, монах в монастыре Св. Троицы в Малой Азии, являлся комментатором Гиппократ, известна его работа «О тканях человека». Мелециус часто цитировался в медицинской литературе [5, с. 110-111]. Так, Мелециус Монах, написавший комментарии к Гиппократу и трактат «О природе человека»,

упоминался Иоанном Экзархом, одним из первых славянских авторов, который писал в Болгарии в конце IX — начале X века [1, с. 43].

Особое значение комментаторов в том, что их обобщения давали импульс последующему научному поиску. В этой связи уже упоминалось имя Магнуса из Нибизиса. Знаменито также имя *Теофила Протоспатариуса*, который следует традиции античности и своим александрийским предшественникам. Он — христианин, поэтому в его сочинениях по медицине прославляется божественная мудрость. Его книга по анатомии заимствует основное содержание из Галена, он также часто цитирует Гиппократ. Работы Теофила Протоспатариуса по уроскопии и Филаретуса о пульсе были включены в сборник «Артицелла», по которому учились медицине в Болонье и Париже в Средние века [1, с. 43-44]. Теофилус комментирует учение о моче Магнуса, он хвалит его за типизацию различных видов мочи, но упрекает за недостаточное внимание к анализу мочи как инструменту диагностики и прогностики. Именно во времена Поздней Античности и Раннего Средневековья произошло признание ценности этого диагностического средства. [7, с. 3]

Процветали жанры, близкие к компилированию. Активно составлялись сборники рецептов (Марцеллус Эмпирик и Скрибониус Ларгус). Прекрасно иллюстрированное издание работ Диоскорида было подготовлено княжной Юлианой Аницией в Константинополе (500 г. н.э.) [5, с. 100]. В период с VII по IX века появился такой жанр, как *egrotapokriseis* в виде вопросов и ответов, касавшихся различных областей секулярного знания, в т.ч. медицины, как практической, так и философски обоснованной [1, с. 41-42].

Существует группа греческих рукописей, чья особенность в том, что они изобилуют небрежно составленными текстами разной протяжённости, без чёткого деления на начало и конец, они часто анонимны или под псевдонимами. Начиная с III века, растёт число анонимных медицинских текстов, написанных на вульгарной латыни. Их качество довольно низкое, они полны суевериями и народными средствами. [9, с. 251] Их тематика включает флеботомию, диагнозы, описания крови, мочи, фекалий, астрологию, диеты, рецепты. Такие сборники именовались *iatrosophia*. *Iatrosophion* — это записная книжка, в которой перечислены болезни и средства от них. Одна из них приписывается Джону Архиятру. Возможно, что *iatrosophia* использовались в больницах, и тогда понятна небрежность их составления с многочисленными примечаниями и добавлениями, это — литература для повседневного применения, она носит прикладной характер. Их могли составлять как философы, интересующиеся медициной, так и профессиональные медики [5, с. 113]. Стилю медицинских комментариев присущи монотонность, схематичность, нейтральность. Индивидуальность в рукописях проявляется редко, но Temkin приводит один пример из рукописи комментариев к «Афоризмам» Гиппократ, где речь идёт об изменении тела человека с возрастом: «Если хотите понять точно, что сказал Гиппократ, возьмите меня как пример для вашего довода: «ибо вот этот был большим в юности и привлекательным, но в старости стал согбенным по изложенной причине» [цит. по 5, с. 103]. Но превалирует «сухой дидактический тон» [5, с. 103]. «...парафразы были простые, адекватны тем потребностям, что породили их, не приукрашены, по большей части, не литературны» [10, с. 121]. Temkin отмечает также, что по стилю комментариев, обзоров, компиляций невозможно определить, христианин ли автор, язычник, мусульманин или иудей.

Византийский мир медицины был связан с исламским миром множеством связей. Для мусульман Гален был одним из важнейших авторов. Однако на арабский язык переводились не его оригинальные работы, а компендиумы, составленные из отрывков его работ. Эти сборники были основными учебниками медицины в Александрии до исламского вторжения, группа таких компендиумов известна как *Summaria Alexandrinorum*. Так же и с Гиппократовым корпусом, по-арабски распространялись не сами тексты Гиппократ, а отрывки из комментариев Галена к ним. Причина этого следующая: оригинальные тексты Галена обширны, многочисленны и противоречивы. Компендиумы же предлагали ясный и унифицированный подход к учению Галена. Так, *Павел из Эгины* в начале своего «Воплощения медицины» заявляет, что вкратце собрал лучшее из медицинских сочинений, что иначе было бы невозможно объять. Он подчёркивает, что, в основном, опирается на Орибазиса (который систематизировал Галена) и что сам он почти ничего не добавил, кроме нескольких вещей из своего опыта [1, с. 44-45].

Гиппократ и Гален оставались главными авторитетами в мире, говорящем по-гречески. По образному выражению одного из комментаторов (Палладий), Гиппократ сеял, а Гален жал [цит. по 7, с. 3]. Византийская медицина времён Поздней Античности была по духу галенианской, хотя некоторые авторы выдвигали оригинальные идеи, исходя из собственного врачебного опыта (Александр Тралесский, Якоб Психректус и др.). Медицина развивалась на пересечении культур и языков. Можно говорить об общем византийском тренде составления медицинских энциклопедий на основе классического учения греков. Византийцы не имели собственных достижений в медицине, основанных на христианском фундаменте, они сознательно старались усвоить языческую греческую традицию медицинского знания. Пик движения в этом направлении пришёлся на IX—X века [3, с. 235]. Такой же цели усвоения классического знания придерживался и исламский мир. И византийцы, и арабы адаптировали древнее знание под свои потребности путём комментирования, компилирования, переводов. Таким образом, сохранялась и распространялась классическое медицинское знание.

1. Mavroudi M. Translations from Greek into Latin and Arabic during the Middle Ages: Searching for the Classical Tradition. *Speculum*, 2015, no. 90(1), pp. 28-59. Available at: <http://www.jstor.org/stable/43577272> (accessed: 21.01.2023).

2. Scarborough J. Symposium on Byzantine Medicine: Introduction. *Dumbarton Oaks Papers*, 1984, vol. 38, pp. IX-XVI. DOI: 10.2307/1291488
3. Lieber E. Asaf's "Book of Medicines": A Hebrew Encyclopedia of Greek and Jewish Medicine, Possibly Compiled in Byzantium on an Indian Model. *Dumbarton Oaks Papers*, 1984, vol. 38, pp. 233-249. DOI: 10.2307/1291508
4. Doyen-Higuet A.-M. The "Hippiatrica" and Byzantine Veterinary Medicine. *Dumbarton Oaks Papers*, 1984, vol. 38, pp. 111-120. DOI: 10.2307/1291499
5. Temkin O. Byzantine Medicine: Tradition and Empiricism. *Dumbarton Oaks Papers*, 1962, vol. 16, pp. 95-115. DOI: 10.2307/1291159
6. Duffy J. Byzantine Medicine in the Sixth and Seventh Centuries: Aspects of Teaching and Practice. *Dumbarton Oaks Papers*, 1984, vol. 38, pp. 21-27. DOI: 10.2307/1291491
7. Nutton V. From Galen to Alexander, Aspects of Medicine and Medical Practice in Late Antiquity. *Dumbarton Oaks Papers*, 1984, vol. 38, pp. 1-14. DOI: 10.2307/1291489
8. Todd R.B. Philosophy and Medicine in John Philoponus' Commentary on Aristotle's "De Anima". *Dumbarton Oaks Papers*, 1984, vol. 38, pp. 103-110. DOI: 10.2307/1291498
9. Baader G. Early Medieval Latin Adaptations of Byzantine Medicine in Western Europe. *Dumbarton Oaks Papers*, 1984, vol. 38, pp. 251-259. DOI: 10.2307/1291509
10. Lockwood D.P. Two Thousand Years of Latin Translation from the Greek. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 1918, vol. 49, pp. 115-129. DOI: 10.2307/282998

Stanevich S.V., Nazarova I.G. Commenting and compiling medical literature in the Byzantine period of Late Antiquity and Early Middle Ages. The transmission of medical knowledge played an important role in the history of medicine. Historically, the first medical texts were created in ancient Greek and Latin. The article examines the ways in which medical knowledge recorded in primary sources, mainly the works of Hippocrates and Galen, was further spread in subsequent epochs and beyond the geographical boundaries of its origin, namely, commenting and compiling. These methods were used everywhere in Europe, Asia, and the Middle East, but the authors limit their consideration mainly to Byzantium. A brief overview of the development of medicine in Byzantium is given, and the history of the comprehension and transmission of medical knowledge through commenting and compiling is considered. The authors concern the role and significance of some outstanding Greek commentators and compilers of medical literature, whose names have been preserved in the history of medicine. The role of Byzantium as an important link in the global progress of medicine is substantiated.

Keywords: Medicine, Byzantium, Greek, Galen, commenting, compiling.

Сведения об авторах. Светлана Владиславовна Станевич — кандидат филологических наук, доцент; ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого»; ORCID: 0000-0003-3084-7299; Svetl.semeyonova2013@yandex.ru; Ирина Геворковна Назарова — кандидат филологических наук, доцент; ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого»; ORCID: 0000-0001-9876-492X; vanaroza@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Станевич С.В., Назарова И.Г. Комментирование и компилирование медицинской литературы в византийский период Поздней Античности и Раннего Средневековья // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 347-351. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).347-351

For citation: Stanevich S.V., Nazarova I.G. Commenting and compiling medical literature in the Byzantine period of Late Antiquity and Early Middle Ages. *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 347-351. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).347-351

О.А.Ткаченко

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НЕЙМИНГ: ТЕНДЕНЦИИ И СТРАТЕГИИ

В настоящей статье предпринимается попытка выделить новые приемы имяобразования в современной политонимической системе Германии в диахроническом аспекте. Отмечено, что за последние пять лет в ФРГ политический нейминг претерпел заметные изменения, вызванные в первую очередь трансформацией всей политической системы страны, а также партийных функций. Доминирующей тактикой достижения эффективной политической коммуникации путем продуманного нейминга стало использование манифестационной модели имяобразования политонимов-лозунгов, которая также нашла отражение и в дополнительных (предвыборных) партийных обозначениях. Особое внимание в исследовании уделено изучению влияния цифровых процессов на партийный нейминг. Выявлено, что широкое распространение интернет-технологий в современной политической коммуникации формирует новые номинативные тенденции с включением цифрового концепта в номинативную часть политического бренда. Использование англицизмов в наименованиях политических объединений Германии рассматривается как актуальная тенденция имяобразования с высоким коммуникативным и прагматическим эффектом. Описанные приемы номинации определены как специфические черты современной политонимической системы Германии, указывающие на разрушение укоренившегося номинативного образа политической «партии» и расширения ономастической модели партийного наименования за счет новых приемов номинации в современном политическом дискурсе.

Ключевые слова: наименование партии, политоним, политический бренд, политический нейминг, политонимическая система

Общеизвестно, что основополагающей функцией политических партий является борьба за власть, значимая роль в которой отведена неймингу политических сил, поскольку входящие в состав наименований партий понятия не только транслируют партийную идеологию электорату, но так или иначе воздействуют на него с целью формирования определенной общественной реакции.

В условиях активно возрастающей конкуренции на политической арене в ФРГ новые партийные объединения пытаются создать сильный политический бренд, который позволит привести партию к вершине власти и закрепить ее позиции на политической трибуне.

Следует отметить, что использование понятия «бренд», пришедшего из экономической сферы, в современном политическом дискурсе набирает обороты. Исследователь И.Л.Недяк определяет *политический бренд* как «сочетание имени и стратегического образа партии, особенностями которого являются повсеместная известность и глубокая укорененность в массовом сознании» [1]. Кроме того, автор работы указывает на важность создания сильного и эффективного бренда в мире политики, поскольку он «создает впечатление стабильности и надежности политического продукта, формирует его ценность через комплекс ассоциаций, впечатлений, воспоминаний; являясь инструментом формирования представлений о партии, помогает ей занять определенное место в уме избирателя в условиях многопартийности». Таким образом, партийный бренд представляет собой довольно сложный «продукт», не последнее место в этом конструкте занимает имя партии — *политоним*. Правомочность использования понятия «политоним» для обозначения этого типа имен собственных подробно обоснована в исследовании [2].

Важно упомянуть об основных функциях наименований партий номинативного и коммуникативного характера. В исследовании [3] описываются две номинативные функции политонимов: *мотивирующая* и *ориентирующая*. Как отмечает автор работы, «мотивирующая функция реализуется в самоопределяющих характеристиках, поскольку в классическом варианте названия партий должны отражать их основную идеологическую направленность». Ориентирующая функция политонимов заключается в том, «чтобы структурировать политическое пространство в соответствии с основными политическими и общественными запросами, существующими на данный момент в стране, и помочь члену общества (гражданину) выбрать партию, отвечающую его запросам».

Что касается коммуникативных функций наименований политических объединений, то в процессе политической коммуникации они, как правило, выполняют *диалоговую* и *имиджевую*. Диалоговая реализуется в ходе переименования партии избирателями, в результате возникают прозвищные имена партий, через номинативную сторону которых электорат вступает в диалог с представителями политических сил. Имиджевая функция нацелена непосредственно на формирование и продвижение успешного политического бренда во главе с сильным узнаваемым именем. Таким образом, наименование партии играет важную роль в конструировании ее имиджа и способствуют идентификации и отображению ее политических идей за счет эффективного брендинга, имя как номинативная сторона партийного бренда на языковом уровне транслирует ценности политического объединения и может выступать в качестве инструмента завоевания поддержки электората, так и инструмента программирования ее поведения.

Безусловно, тактики создания наименований для новых политических движений, направленные на успешное позиционирование партии и завоевание внимания и поддержки электората, в современных конкурентных условиях становятся все изощреннее. В связи с этим представляется актуальным в рамках настоящей работы описать новые тенденции в нейминге политических сил Германии, отвечающие современным задачам политической коммуникации и запросам аудитории. Следует отметить, что совокупность политонимов ФРГ рассматривается нами как самостоятельная ономастическая система (*политонимическая система*), «характеризующаяся целостностью, дифференцированностью входящих в нее ономастических единиц и их взаимодействием, а также мотивировкой наименований» [4].

Исходя из выделенных функций политонимов, очевидно, что нейминг партий — трудоемкий многоцелевой процесс, включающий в себя необходимость выполнения определенных задач и требований. Имя партии, как правило, нацелено на выражение как ее идеологической направленности, так и аудитории, интересы которой политическая сила намерена представлять. Выполнение этих задач удачно реализуется за счет многокомпонентных полимотивированных наименований, полно раскрывающих политическую позицию объединения и ввиду этого получивших широкую распространенность среди политонимов: *Christlich Demokratische Union, CDU* (Христианско-демократический союз, ХДС), *Sozialdemokratische Partei Deutschlands, SPD* (Социал-демократическая партия Германии, СДПГ), *Deutsche Demokratische Partei* (Германская демократическая партия), *Freie Demokratische Partei, FDP* (Свободная демократическая партия Германии, СвДП) и др.

Однако последние несколько лет в германской политонимической системе наблюдаются определенные изменения, вызванные рядом причин, попытка раскрыть которые также предпринимается в настоящей работе. Первое, на что следует обратить внимание, это на нежелание учредителей политической силы именовать свое объединение *partei*. Политические объединения функционируют как *союзы Union (FREIE UNION / Свободный союз; Union der Menschlichkeit / Союз человечества; Bürgerliche und wirtschaftsökologische Union / Гражданский и экономико-экологический союз; Deutsche Soziale Union / Германский социальный союз), альянсы Allianz (Allianz für Menschenrechte / Альянс по защите прав человека; Allianz Deutscher Demokraten / Альянс немецких демократов; Freiparlamentarische Allianz / Свободный парламентский альянс; Allianz für Menschenrechte, Tier- und Naturschutz / Альянс по защите прав человека, защите животных и окружающей среды; Allianz für Vielfalt & Mitbestimmung / Альянс за многообразие и совместное управление), движения Bewegung (Bürgerbewegung pro Deutschland / Гражданское движение за Германию, Bürgerrechtsbewegung Solidarität / Гражданско-правовое движение «Солидарность»), лиги Liga (Europäische Liga sozialer Angelegenheiten / Европейская лига социальных вопросов; Demokratisch Liberale LIGA Либерально-демократическая лига; Deutsche Protestantische Liga / Германская протестантская лига), форум Forum (Sozialliberales Forum / Социал-либеральный форум), центры Mitte (Deutsche Mitte / Германский центр; Die Neue Mitte / Новый центр) и др.*

Согласно списку политических партий и объединений Германии [5], зарегистрированных на официальном сайте руководителя Федеральными выборами ФРГ на 1 марта 2023 года в соответствии с Законом о политических партиях ФРГ (Gesetz über die politischen Parteien) [6], из 121 политической партии почти 60 процентов политических сил предпочли иное обозначение объединения, немалая часть партий не стала указывать организационно-правовую форму, что, с одной стороны, можно объяснить отсутствием обязательного требования на указание правовой формы согласно законодательству о партиях ФРГ. Так, в таких политонимах, как *Das Volk* (Народ), *Graue Panther* (Седые пантеры), *Solidarität* (Солидарность), *Der Dritte Weg* (Третий путь), *DIE REFORMER* (Реформаторы), *Mündige Unabhängige Bürger Europas* (Совершеннолетние независимые граждане Европы), *Zukunft* (Будущее), *WIR2020* (Мы2020), тип объединения представлен имплицитно.

Однако, с другой стороны, безусловно, авторитет *partei* в последние годы заметно падает — именовать «партией» сегодня не так престижно, как несколько десятилетий назад. Снижение популярности термина *partei* вызвано трансформацией традиционной партийной функции в ФРГ. На смену традиционным партиям с продуманными идеологиями приходят бренды с модными именами, современными пиар-технологиями, а также использование имиджа яркого политического лидера. Как отмечается в работе [7], существенная часть партийных наименований сегодня строятся по принципу привлечения к себе внимания любыми средствами, раскрытие идеологической направленности для избирателей не является первостепенной задачей.

Одним из наиболее популярных языковых приемов завоевания внимания избирателей можно считать использование манифестационной модели имяобразования наименований-лозунгов. Такие политонимы несут обычно энергетическую нагрузку и лаконично выражают целевые устремления политической силы или призыв к действию: *Ab jetzt... Demokratiedurch Volksabstimmung* (Отныне... Демократия путем всенародного голосования), *Hier und Jetzt — Die Zukunft* (Здесь и сейчас — будущее), *Werte Sicherheit Wohlstand* (Ценности. Безопасность. Благосостояние), *Menschenrechte für alle* (Права человека для всех), *Demokratie Direkt!* (Демократия прямая!). Зарегистрированные наименования-лозунги от 1 марта 2023 года подтверждают активизацию этого номинативного приема: *Wohlstand für alle* (нео. Благосостояние для всех), *Grundeinkommen für Alle* (Базовой доход для всех), *Ganzheitliches Recht Auf Leben* (Полноценное право на жизнь). Инновационным приемом для германской политонимической системы стало использование в наименовании партии глагола: *GEMEINSAM NEUDENKEN* (Вместе думать по-новому). Данный политоним, на

наш взгляд, удачно транслирует идею общности для достижения поставленных целей и призыв к действию. Очевидно, что выбор подобного наименования способствует эффективному политическому брендингу.

Детальное изучение Закона о партиях ФРГ показало, что политические объединения в Германии имеют возможность при регистрации указывать не только полное имя (*Name*) и его краткую форму (*Kurzbezeichnung*), но также — дополнительное обозначение (*Zusatzbezeichnung*), которое можно использовать лишь в период выборов. Особую популярность получили *дополнительные обозначения* — лозунги: *Wir sind das Volk* (Мы — народ) партии *Arbeiter-Arbeiterinnen Partei Deutschland* (Партия рабочих Германии), *Politik geht anders...* (Политика делается по-другому) партии *Deutsche Mitte* (Германский центр), *für das Wohl und Glückhsein aller* (За благополучие и счастливое существование для всех) партии *Menschliche Welt* (Человеческий мир), *für spirituelle Politik* (За духовную политику) партии *DIE VIOLETTEN* (ФИОЛЕТОВЫЕ), *Zurück zur Vernunft* (Назад к разуму) партии *DIE NEUE MITTE* (НОВЫЙ ЦЕНТР) и др. А учредители политической силы *Demokratischer Frühling* в качестве дополнительного обозначения зарегистрировали лозунг первого социал-демократического канцлера Германии Вилли Брандта — *Mehr Demokratie wagen* (Больше демократии). Подобная стратегия заимствования, иными словами, *политический франчайзинг*, объясняется желанием политиков разделить успех сильных политических деятелей, используя готовый эффективный политический бренд в своих интересах.

Другим перспективным приемом нейминга в германской политонимической системе является использование концепта цифровизации. На сегодняшний день «цифровизация являет собой один из ключевых мегатрендов развития общества, затрагивающий различные сферы его жизни» [8]. Политика, равно как и другие общественные сферы, также начинает активно рассматриваться через призму интернет-технологий [9, 10]. Широкая цифровизация общественно-политических процессов и изменение формата политической коммуникации формируют новые номинативные тенденции с включением цифрового концепта: *Partei Digital Ökologisch Sozial* (Партия цифровая экологическая социальная). Кроме того, особое внимание обращает на себя политоним *duhastdiewahl.org*, по графическому оформлению полностью совпадающий с официальным адресом сайта партии, при этом наименование записано слитно как хештег *duhastdiewahl* (*Du hast die Wahl* — У тебя есть выбор), подобный прием также указывает на популярность интернет-языка.

С учетом влияния глобализации на политические процессы вполне объяснимо проникновение английского языка в германскую политонимическую систему. Так, за последние несколько лет впервые отмечены наименования политических партий Германии, полностью представленные на языке международного общения или включающие английские лексемы: *Young European Spirit* (Молодой европейский дух), *Die Urbane. Eine Hiphop Partei* (Городская. Партия хип-хопа), *The Dreamers — Partei der Rebellen* (Мечтатели — Партия мятежников), *Team Todenhöfer — Die Gerechtigkeitspartei* (Команда Тодэнхёфера — Партия справедливости). Следует упомянуть, что прием включения в состав наименования партии антропонима (фамилии лидера политической силы) также впервые отмечен в германской политонимической системе. Таким образом, интернациональный характер политических процессов и лидирующая роль английского языка в мировом сообществе способствуют тому, что в рассматриваемую ономастическую систему начинают проникать англицизмы.

Помимо перечисленных номинативных тактик традиционно популярен и эффективен прием использования метафор в наименованиях политических партий Германии. Как отмечается в исследовании [11], «применение метафоры нередко оказывается для политического лидера удачным способом выразить многое, сказав немного, тонко влиять на настроения в обществе, представлять обществу новые идеи и одновременно вызывать интерес к своим выражениям». Так, в германской политонимической системе используются следующие метафорические образы: *Demokratischer Frühling* (Демократическая весна), *Zukunft* (Будущее), *das Haus Deutschland* (Дом Германия), *DEMOKRATIE IN BEWEGUNG* (Демократия в движении), *WIR2020* (МЫ2020), *DIE EINHEIT* (Единство), *Glitzerkollektiv* (Сверкающий коллектив), *Frühling- in- Deutschland* (Весна-в-Германии), *MUT* (Храбрость) и др.

Итак, рассмотрение номинативных приемов в политонимической системе Германии за последние пять лет позволило установить, что в современных условиях высокой партийной конкуренции и трансформации всей политической системы ФРГ нейминг партий представляет собой трудоемкий процесс по созданию сильного политического бренда, имя при этом является его важнейшей составляющей. Выделенные номинативные тенденции отказа от указания организационно-правовой формы политических объединений, замена традиционного понятия «партия» на лексемы со схожей семантикой объединения группы лиц, распространение политонимов-лозунгов с высоким прагматическим эффектом можно считать специфической чертой этой ономастической системы, а также может свидетельствовать об деструктуризации традиционного образа «политическое объединение есть партия» и обогащении ономастической модели политонима за счет широкого терминологического словаря германской политонимической системы.

Диахронический подход рассмотрения этой ономастической системы позволил выделить ряд инновационных приемов имяобразования. Так, тактики использования концепта цифровизации и англицизмов не только отражают дух времени, но и отвечают тенденциям обновления политической системы, ориентирования на молодое поколение и создания положительного коммуникативного эффекта, направленного на побуждение электората к конкретным, запрограммированным в наименовании действиям.

Статья публикуется при поддержке персонального гранта для молодых ученых ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого».

1. Недяк И.Л. Маркетизация политики в логике и концепциях политического маркетинга // PolitBook. 2013. № 4. С. 31-46.
2. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: В 2 ч. Ч. 1. Смоленск: СГПУ, 2002. С. 184.
3. Максимчук Н.А. Политонимы как единицы политического дискурса // Образ России в условиях информационной войны конца XX — начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса. Магнитогорск, 2017. С. 442-451.
4. Ткаченко О.А. Политическая ономастика // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2022. № 1(3), С. 18-27.
5. Der Bundeswahlleiter [Электр. ресурс]. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/> (дата обращения: 02.02.2023).
6. Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz [Электр. ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/part/> (дата обращения: 02.02.2023).
7. Пальвелева Л. Имя партии [Электр. ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24571442.html> (дата обращения: 02.02.2023).
8. Höchtl J., Parycek P., Schöllhammer R. Big data in the policy cycle: Policy decision making in the digital era // Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce. 2016. Vol. 26(1). P. 147-169.
9. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10(118). С. 46-63.
10. Юдина Т.Н. Цифровизация как тенденция современного развития экономики Российской Федерации: pro et contra // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 139-143.
11. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: монография. М.: Флинта: Наука, 2018. 247 с.

References

1. Nedyak I.L. Marketizatsiya politiki v logike i kontseptsyakh politicheskogo marketinga [Marketization of politics in the logic and concepts of political marketing]. PolitBook, 2013, no. 4, pp. 31-46.
2. Maksimchuk N.A. Normativno-nauchnaya kartina mira russkoï lichnosti v kompleksnom lingvisticheskom rassmotrenii in 2 parts, part 1. [Normative-scientific picture of the world of the Russian personality in a complex linguistic consideration: monograph]. Smolensk, 2002, p. 184.
3. Maksimchuk N.A. Politonimy kak yedinitsey politicheskogo diskursa [Politonyms as units of political discourse]. Obraz Rossii v usloviyakh informatsionnoy voyny kontsa XX — nachala XXI v. Tendentsii obnoveniya politicheskogo diskursa. Magnitogorsk, 2017, pp. 442-451.
4. Tkachenko O.A. Politicheskaya onomastika [Political onomastics]. VERBA. Severo-Zapadnyĭ lingvisticheskiĭ zhurnal, 2022, no. 1(3), pp. 18-27.
5. Der Bundeswahlleiter. Available at: <https://www.bundeswahlleiter.de/> (accessed: 02.02.2023).
6. Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/part/> (accessed: 02.02.2023).
7. Pal'veleva L. Imya partii [The name of the party]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/24571442.html> (accessed: 02.02.2023).
8. Höchtl J., Parycek P., Schöllhammer R. Big data in the policy cycle: Policy decision making in the digital era. Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce, 2016, vol. 26, no. 1, pp. 147-169.
9. Khalin V.G., Chernova G.V. Tsifrovizatsiya i yeye vliyaniye na rossiyskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski [Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks]. Upravlencheskoye konsultirovaniye, 2018, no. 10(118), pp. 46-63.
10. Yudina T.N. Tsifrovizatsiya kak tendentsiya sovremennogo razvitiya ekonomiki Rossiyskoy Federatsii: pro et contra [Digitalization as a trend in the modern development of the economy of the Russian Federation: pro et contra]. Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski SKAGS, 2017, no. 3, pp. 139-143.
11. Budayev E.V., Chudinov A.P. Metafora v politicheskoy kommunikatsii: monografiya [Metaphor in political communication: monograph]. Moscow, 2018, 247 p.

Tkachenko O.A. Political naming: trends and strategies. This article attempts to identify new methods of name formation in the modern polytonymic system of Germany in a diachronic aspect. It is noted that over the past five years in Germany, political naming has undergone noticeable changes, caused primarily by the transformation of the entire political system of the country, as well as party functions. The dominant tactic for achieving effective political communication through thoughtful naming is determined by the manifestation model of the formation of polytonyms-slogans, which is also reflected in additional (pre-election) party designations. Particular attention in the study is paid to studying the influence of digital processes on party naming. It was revealed that the widespread Internet technologies in modern political communication forms new nominative trends with the inclusion of the digital concept in the nominative part of the political brand. The use of anglicisms in the names of political associations in Germany is considered as an actual trend of name formation with a high communicative and pragmatic effect. The described methods of nomination are defined as specific features of the modern polytonymic system of Germany, indicating the destruction of the rooted nominative image of the political "party" and the expansion of the onomastic model of the party name through new methods of nomination in modern political discourse.

Keywords: party name, polytonym, political brand, political naming, polytonymic system.

Сведения об авторе. Ольга Анатольевна Ткаченко — кандидат филол. наук, доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации НовГУ; ORCID: 0000-0003-2302-8922; olga.tkachenko88@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Ткаченко О.А. Политический нейминг: тенденции и стратегии // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 352-356. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).352-356

For citation: Tkachenko O.A. Political naming: trends and strategies. Memoirs of NovSU, 2023, no. 4(49), pp. 352-356. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).352-356

В.И.Абрамова, Ю.В.Архангельская

ПУШКИНСКИЙ МИФ В ФОЛЬКЛОРЕ РУНЕТА: БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья является первой из цикла работ, посвященных анализу репрезентации пушкинского мифа в фольклоре Рунета, и освещает его биографическую составляющую. Как показало исследование, в русскоязычном сегменте сети Интернет представлены уже укоренившиеся в отечественной культуре пушкинские мифологемы: потомок африканца; первый русский лицеист; Пушкин и няня; любвеобильный человек; Болдинская осень; Пушкин и Натали; Пушкин-дуэлянт; последняя дуэль (Пушкин и Дантес). Их репрезентантами являются креолизованные тексты, интернет-презентемы, мемы, мотиваторы, демотиваторы, сетевые анекдоты, стишки-пирожки. В целом пушкинские мифологемы, представленные в Рунете, соотносятся с биографическими фактами и во многом повторяют аналогичные стереотипы массового культурного сознания. Сопоставление с результатами современного соцопроса доказывают, что интернет-миф о Пушкине более точен, чем его «обывательская» версия.

Ключевые слова: пушкинский миф, мифологема, стереотип, Рунет, интернет-фольклор

Пушкинский миф вызывает стойкий интерес исследователей русской литературы и культуры на протяжении последних десятилетий. Одни стремятся всесторонне рассмотреть данный феномен [1], другие изучают рецепцию пушкинского мифа в творчестве того или иного поэта / писателя [2], часто внимание бывает сосредоточено на особенностях современного восприятия образа Пушкина и пушкинского творчества и на отражении этого восприятия в массовой культуре [3]. Целью настоящего исследования является анализ репрезентации пушкинского мифа в сетевом фольклоре (креолизованных текстах, интернет-презентамах, мемах, мотиваторах, демотиваторах, анекдотах, стишках-пирожках), чрезвычайно быстро аккумулирующем, воспроизводящем, транслирующем и трансформирующем его основные мифологемы. К ним относятся, с одной стороны, мифологические представления о самом поэте, с другой стороны, образы пушкинских героев и узнаваемые носителями русского языка прецедентные тексты (крылатизмы, часто цитируемые строки разных произведений, известные высказывания Пушкина).

В настоящей работе мы предполагаем рассмотреть биографический аспект пушкинского мифа, в следующей статье данного цикла — рецепцию творчества поэта в фольклоре Рунета.

Т.Г.Шеметова, анализируя художественные тексты, в которых отражается пушкинский миф, отмечает, что он сконструирован из ряда специфических мифологем (образов и событий) [4, с. 35]. Часть из них, по нашим наблюдениям, можно обнаружить и в интернет-фольклоре: потомок африканца, Пушкин и няня, дуэль, пророк, памятник, национальный гений. Интернет-стереотипы восприятия русских классиков (в том числе и Пушкина) рассматривает в своей статье Г.Н.Боева. Она добавляет к выделенным Т.Г.Шеметовой еще одну «пушкинскую» мифологему — Дон Жуан [5]. По нашим наблюдениям, в этот список могут быть включены также следующие мифологемы: Пушкин — первый русский лицеист и Пушкин в Болдине во время карантина (актуализировалась в период пандемии коронавируса). Кроме того, биографическая составляющая пушкинского мифа в интернет-фольклоре опирается на многочисленные ассоциации, связанные с поэтом: поэт, стихи, гений, бакенбарды, великий, Царское Село, дуэль, кучерявый, писал, с нами, стихотворец, талант, убит и некоторые другие (набор их в целом совпадает с тем, который собран в «Русском ассоциативном словаре» [6]).

Проанализируем мифологические представления о биографии Пушкина в сетевом фольклоре.

1. Потомок африканца. Интернет-презентемы часто используют эффект неожиданности, который должен вызвать у пользователя сети определенную реакцию (от улыбки до хохота). Нередко он достигается путем столкновения стереотипов и даже частичного их разрушения. Таким образом сконструирован мем, визуальная часть которого представляет собой портрет Пушкина в образе рэпера (преобразование известной картины В.Тропинина), а текстовая — *«Первый русский рэпер не Тимати, первый русский рэпер — А.С.Пушкин. Он классно рифмовал, имел африканские корни и погиб в перестрелке»*. Как и в любом меме, визуальная и текстовая части варьируются: портрет поэта может быть преобразованием картины О.Кипренского, а текст сокращаться или, наоборот, включать новые элементы: *«Он настоящий ниггер. Писал рэп и умер в перестрелке»*; *«В этот день в 1837 году погиб Пушкин. Как и полагается негру, нигде не работал и писал рэп. Погиб в перестрелке»*; *«Пушкин — первый русский рэпер. Он рифмовал, диссил власть, имел африканские корни и погиб в перестрелке»*. В последнем примере употреблено слэнговое слово «диссиль», которое означает «оскорблять, третировать, высмеивать, пародировать кого-либо» (от англ. disrespect — неуважение).

2. Пушкин — первый русский лицеист. 19 октября, в день открытия знаменитого Царскосельского лицея, выпускником которого был Пушкин, отмечается Всероссийский день лицеиста. Большинство интернет-презентем, представляющих собой поздравительные открытки, включает портрет поэта.

Образование, полученное в Царскосельском лицее, приравнивалось к университетскому, поэтому нынешние студенты также соотносят себя с Пушкиным-лицеистом. Существует интернет-презентема, на

которой поэт представлен как учащийся вуза. Рядом с узнаваемым портретом (кудри, бакенбарды) помещен список «заслуг» Пушкина-студента: второй по успеваемости (снизу); претендент на отчисление; типичный студент-активист с предпочтениями от преподавательского состава и деканата; первый черный глава профкома (главная причина неотчисления); звезда и сукин сын университета (скрытое цитирование известного высказывания поэта о самом себе: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»). Составители этого списка (возможно, студенты-филологи) хорошо знакомы с лицейским периодом жизни Пушкина (плохая успеваемость: 26 место из 30; активная творческая деятельность: создание стихотворных произведений, чтение их на торжественных лицейских мероприятиях; африканские корни, экстраординарный талант и неспокойный характер, о чем свидетельствовало одно из лицейских прозвищ Пушкина «смесь обезьяны с тигром» [7, с. 69]).

Одновременно alma mater Пушкина — Царскосельский лицей, который не являлся университетом, — вызывает в массовом сознании определенные сомнения в статусе учебного заведения, о чем свидетельствует, например, такой образец сетевой поэзии, как данный стишок-пирожок: «Служил ли Пушкин агрономом / закралась мысль среди идей / ведь сельхозтех по нашим меркам / лицей». К жанровым признакам пирожков относятся: форма катрена, четырехстопный ямб, нередкое отсутствие рифмы и знаков препинания, некоторая абсурдность содержания, обыгрывание стереотипов, реминисценции. В приведенном тексте присутствует, на наш взгляд, отсылка к шуточной «Гаврилиаде» из романа И.Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев» («Служил Гаврила почтальоном, / Гаврила письма разносил...»; «Служил Гаврила хлебопек, / Гаврила булку испекал...» [8, с. 277-278]). Называя создателя этих текстов Никифора Ляпис-Трубецкого «автором “Гаврилиады”», Ильф и Петров используют перифрастическое наименование, которое в сознании просвещенных читателей в первую очередь должно соотноситься с Пушкиным, написавшим в юности одноименную поэму.

3. Пушкин и няня. Стереотипы о взаимоотношениях Пушкина и Арины Родионовны базируются на школьных представлениях, формируемых на уроках литературы: няня рассказывала поэту сказки и была адресатом его стихотворений «Няне» («Подруга дней моих суровых...») и «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...»). Образ няни-сказочницы создается в сетевом анекдоте: «Пушкин говорит Арине Родионовне: — Няня, принеси-ка мне водочки. — Так ведь выпили ж всю вчера. — Опять ты мне сказки рассказывать будешь!!!» [9]. Стихотворение «Зимний вечер» содержит узнаваемые всеми строки: «Выпьем, добрая подружка / Бедной юности моей, / Выпьем с горя; где же кружка? / Сердцу будет веселей». В интернет-презентмах они преобразуются следующим образом: «Выпьем с горя; вот же кружка!»; «Выпьем, кружка! Где же няня?»; «Выпьем, няня! Где же Пушкин?». Креолизированным текстом, содержащим преобразование пушкинских строк, обращенных к няне, является и карикатура, на которой изображена группа экскурсантов, рассматривающих скульптурную композицию. Инсталляция включает бюст Пушкина с одной стороны и стоящую на пьедестале фигуру старушки, согнувшейся под тяжестью огромной кружки, с другой. Экскурсовод с указкой комментирует: «...И завершает композицию, посвященную Александру Сергеевичу, скульптура мастера Церетели под названием “Няня, несущая кружку”». На другой карикатуре изображен гипотетический процесс рождения литературного шедевра: Пушкин с пером в руках перебирает варианты стихотворной строки, отвергая каждый: «Выпьем, няня, где же... водка, закуека, деньги, третий». Подошедшая няня спрашивает: «Сашенька, ты не видел мою кружку?». По замыслу автора карикатуры, Арина Родионовна невольно подсказала поэту нужное слово.

Множество перепостов в сети имела в 2022 году фотография билборда, на котором был помещен портрет Председателя Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен, сопровождаемый текстом: «УРСУЛА! ВЫПЕЙ С ГОРЯ, ГДЕ ЖЕ КРУЖКА... На Референдуме 98% жителей ДНР проголосовали за вхождение в состав России». Это свидетельствует о востребованности пушкинского крылатизма, глагольный компонент которого в данном случае также подвергнут трансформации: «выпей» (2-е л., ед.ч.) вместо «выпьем» (1-е л., мн.ч.).

4. Пушкин — любвеобильный человек. Общепризнанным биографическим фактом является так называемый «Донжуанский список Пушкина», включающий имена женщин, которыми увлекался поэт. После выхода в свет одноименной работы литературоведа П.К.Губера в 1923 году ее название превратилось в устойчивое выражение, а любвеобильность поэта стала одной из составляющих пушкинского мифа. В интернет-пространстве данная мифологема поддерживается, например, с помощью следующих презентм: 1) мем, визуальная часть которого — портрет Пушкина, текстовая — надпись: «Буря мглою небо кроет. I'm sexy and I know it» (перевод английского текста: «Я сексуальный, и я это знаю»); 2) креолизированный текст, представляющий собой арт в стиле аниме с изображением Пушкина и Гоголя и надписью «Пушкин: — Я такой дамский угодник. Если я скажу: “Любовь моя”, — все дамы сразу обернутся».

5. Болдинская осень. Как известно, осень 1830 года Пушкин вынужденно проводит в Болдине, отцовском имении, куда он поехал, чтобы перед женитьбой уладить дела с наследством. Начавшаяся эпидемия холеры и объявленный карантин задерживают поэта на несколько месяцев, которые стали одним из плодотворнейших периодов его творчества. Выражение «Болдинская осень» даже приобрело в русском языке определенную устойчивость и переносное значение — «период творческого взлета кого-либо, творческий пик». В современном интернет-пространстве данная мифологема подверглась вторичной актуализации во время пандемии коронавируса в 2020—2021 гг. Находящиеся на самоизоляции люди стали ассоциировать себя с пребывающим в Болдине поэтом. В соцсетях начал активно распространяться фейковый текст, который якобы написал Пушкин «во время Болдинской осени 1827 года, когда сидел в холерном карантине». Сразу обращают

на себя внимание ошибки в предваряющем текст комментарии (1827 год вместо 1830 года) и в первых строках псевдопушкинского послания: «Позвольте, жители страны, / В часы душевного мученья / Поздравить вас из заточенья / С великим праздником **весны!**». Несмотря на очевидные несоответствия с реальными фактами, текст вызывал доверие даже у образованной части общества и имел множество перепостов.

Поддерживает «холерно-болдинский контекст» и другая популярная в сети презентема с изображением Пушкина и подписью: «Мой друг, пора на хутора! / Там средь унылой серой хери / Нет преопаснейших бактерий / Для нашего с тобой нутра. / Там браги сварим мы бидон, / Нарежем сала, хлеба, лука, / И ни одна болячка, с...ка, / Не пошатнет здоровья трон». Несмотря на то, что текст в этом случае не выдается за пушкинский, многие воспринимают его как таковой.

Пандемия заставила людей освоить новые формы деятельности. Так, преподаватели и их ученики (от школьников до студентов) познали все плюсы и минусы дистанционного обучения. Интернет-пространство наводнили различные шутки в форме мемов, презентем, демотиваторов и других видов сетевого фольклора на эту тему. Например, появилась презентема, на которой изображена дама с книжкой и присутствует комментирующая надпись: «По следам А.С.Пушкина. Новая повесть о нелегкой судьбе учителя в условиях карантина “Дистанционный смотритель”». (Заметим в скобках, что повесть «Станционный смотритель» была написана Пушкиным как раз во время Болдинской осени 1830 года.)

6. Пушкин и Натали. Женидьба Пушкина на первой красавице Москвы Наталье Гончаровой и полная драматизма семейная жизнь поэта — это тоже часть пушкинского мифа. В сети трагический накал страстей неизменно снижается. Предметом шуток становятся взаимоотношения поэта и Натали и накануне брака, и перед трагической дуэлью. Нередко за основу берется распространенный в Интернете мем «Наташа и коты», представляющий собой фото склонившихся над хозяйкой питомцев, которые призывают ее отреагировать на какую-либо сложную жизненную ситуацию: от «Наташ, мы там всё уронили» до «Наташ, вставай, мы нефть уронили» (имеется в виду цена на нефть). Таким образом, мем про Наташу и котов стал символом любых проблем. Неудивительно, что в сети его соотнесли с Пушкиным, задержавшимся на всю осень в Болдине, и ожидающей его в Москве невестой, которую тоже зовут Наташей. Собравшихся обеспокоенных котов заменяют разнообразные изображения Пушкина, каждое из которых сопровождается одной из реплик: «Наташ, вставай, мы “Маленькие трагедии” все дописали»; «“Евгения Онегина” даже дописали»; «Дописали, честно»; «Мы вообще всё дописали, Наташ» (упоминаемые произведения Пушкин написал или дописал в Болдинскую осень 1830 года). Другим вариантом мема «Наташа и коты» является презентема, уже не ассоциирующаяся с Болдинской осенью и включающая разные пушкинские мифологемы (причем не только биографические), отраженные в репликах: «Наташ, я наше всё. Вообще всё!»; «Ай да я, Наташ, ай да сукин сын!»; «Восстань, Наташ, и виждь, и внемли!»; «Вставай, я золотую цепь потерял». Последнюю фразу «произносит» оказавшийся среди «Пушкиных» кот, который, с одной стороны, соотносится с образом «кота ученого» из вступления к поэме «Руслан и Людмила», с другой — напоминает об оригинальном меме с Наташей и котами.

В интернет-фольклоре существует и своя альтернативная версия о причине последней дуэли Пушкина. Следуя популярной в сети тенденции переносить классиков XIX века в современные реалии, автор следующей интернет-презентемы изображает Пушкина за ноутбуком. В филактере (облачке с текстом) над поэтом его реакция на действия Натали: «Опять Дантесу лайк поставила».

7. Пушкин-дуэлянт. В массовом сознании бытует стереотип о многочисленных дуэлях Пушкина. На самом деле из 30 дуэлей, на которые вызывал противников или был вызван сам поэт, состоялись только 5 [10]. Тем не менее названный стереотип сохраняется и поддерживается в Рунете, в частности в сетевом анекдоте: «— Знаешь, Петр, ты мне Пушкина напоминаешь. — Чем? Бакенбардами? — Застрелить тебя хочется» [11]. В интернет-пространстве можно встретить презентемы-открытки с портретом Пушкина и с надписями «Будь моим секундантом», «Пойду на любую дуэль ради тебя». Существует также мем, визуальная часть которого — портрет Пушкина работы Кипренского, а текстовая — надпись: «Талантливый человек должен уметь стрелять». На одной из интернет-презентем Дантес с пистолетом в руках обращается к поэту: «Перед выстрелом хочу узнать, почему у тебя было 29 дуэлей? Пушкин, тебя жизнь вообще ничему не учит?».

8. Последняя дуэль (Пушкин и Дантес). Одной из базовых составляющих пушкинского мифа является мифологема «Последняя дуэль». Иногда в фольклоре Рунета обыгрывается созвучность фамилии Дантес и названия медицинской специальности — дантист. На одной из презентем изображается картина неизвестного автора (о чем говорится в сопроводительном комментарии) «Пушкин и Дантист». Популярен в сети анекдот: «— Ты кто? — Я дантист. — Ну и зачем ты Пушкина убил?» [12]. Вариации на тему этого диалога представлены в текстовых частях многочисленных интернет-презентем: «Ненавижу дантистов с тех пор, как один из них убил Пушкина»; «Я дантист. — Фига се. Ты зачем Пушкина убил?»; «Алло, это дантисты? За что вы убили Пушкина?» и т.д.

В основе большинства образов сетевого фольклора на тему последней дуэли лежит желание вернуться назад, спасти поэта, увидеть иной исход поединка. Так, визуальную часть одного из мемов — Пушкин с автоматом в руках — сопровождают надпись: «Так было бы лучше» и подпись: «Дуэль с Дантесом случилась 27 января 1937 года. Будь у Александра Сергеевича правильный ствол, французик и не сунулся бы». На другой презентеме два кавказца с кинжалами требуют от стоящего на коленях Дантеса: «Извиняйся, шайтан!». Испуганный француз лепечет: «Пardon муа». Комментирующая подпись: «Пушкин и Дантес. Другая история

Петербурга». Популярные сетевые анекдоты также поддерживают эту идею: «Во время дуэли Пушкин получил тяжелое ранение в живот, а Дантес касательное ранение в руку. Если бы это случилось сейчас — наша медицина смогла бы не только спасти великого поэта, но и залечить француза до смерти» [13].

Противоположная тенденция — стремление демифологизировать последнюю пушкинскую дуэль, снять с нее хрестоматийный глянец, снизить пафос. Об этом свидетельствуют сетевые анекдоты. Например: «Сначала была дуэль Пушкин — Дантес, потом дуэль Лермонтов — Мартынов. По логике после этого должен был быть финал Мартынов — Дантес!» [14]. В данном случае дуэли с участием знаменитых поэтов сопоставлены со спортивными состязаниями. Другой пример: «Смастерили как-то машину времени, чтобы Пушкина от Дантеса спасти. Приехали в прошлое, нашли Пушкина и на ухо ему шепчут: “Ты, Александр Сергеевич, на дуэли на пистолетах не дерись. Ты на кулаках дерись”. Пушкин на дуэль пришел и говорит: “На кулаках драться будем”. Когда Пушкина хоронили, гроб не открывали» [15]. В этом анекдоте иронично представлена последняя дуэль Пушкина, в которой поэт оказывается не состоятелен ни как стрелок, ни как борец. Кроме того, здесь осмеянию подвергаются попытки наших современников «восстановить справедливость» с помощью альтернативных моделей развития событий. Подобные попытки во множестве представлены как в литературоведческих работах (Ю.М.Лотман [16, с. 193-194] и др.), так и в художественных произведениях от стихотворения А.Дементьева, которое начинается строками «А мне приснился сон, / Что Пушкин был спасен...», идущими как рефрен сквозь весь текст, до постмодернистского рассказа Т.Толстой «Сюжет» со всеми присущими данному направлению особенностями (на дуэли Пушкин получает не смертельное ранение, доживает до старости и даже встречается с юным Володей Ульяновым, после чего русская история развивается совсем по-другому сценарию). Возвращаясь к последнему анекдоту, можем отметить, что, несмотря на комическую форму, он содержит глубокую философскую идею, свойственную русскому взгляду на мир: от судьбы не уйдешь, личность человека определяет его жизнь и смерть.

10 февраля 2023 года, в день гибели поэта, в Москве был проведен опрос, который выявил остаточные или фоновые знания соотечественников о Пушкине и показал, что предками поэта москвичи считали турок, латиноамериканцев, выходцев из абстрактных «соседних стран», «где теплее»; учился Пушкин, по их мнению, в московской гимназии; поддерживал власть; имел двух жен (по другой версии был холост); убит на дуэли в Туле [17]. Сравнив результаты нашего исследования с данными этого соцопроса, можно сделать следующий вывод: Рунет, несмотря на все погрешности и искажения информации, неизбежные в подобном общедоступном ресурсе, аккумулирует более «правильные» (хотя и утрированные, и примитивизированные) мифологемы, все-таки соотносящиеся в целом с реальными фактами.

Таким образом, фольклор Рунета поддерживает биографическую часть пушкинского мифа, сложившегося в русской картине мира и определяющего культурное сознание наших соотечественников.

1. Загидулина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2001. 245 с.
2. Шеметова Т.Г. Пушкинский миф: функционирование в современной литературе // Вестник БГУ. 2010. № 10. С. 201-207.
3. Сараскина Л.И. Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише // Художественная культура. 2018. № 4(26). С. 128-161.
4. Шеметова Т.Г. Мифологема «потомок негров» как значимый элемент пушкинского мифа в литературе XX века // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика. 2011. № 1. С. 35-42.
5. Боева Г.Н. Интернет-стереотипы восприятия русской классики: визуальный аспект [Электр. ресурс] // Журнал филологических исследований. 2022. Т. 7. № 4. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/53508/view> (дата обращения: 03.03.2023).
6. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева и др.: В 2 т. [Электр. ресурс]. М., 2002. URL: <http://tesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 04.03.2023).
7. А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1974. Т. 1. 565 с.
8. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: Издательство «Правда», 1991. 400 с.
9. Анекдоты про Пушкина [Электр. ресурс]. URL: <https://anekdoty.ru/pro-Pushkina/3/> (дата обращения: 06.04.2023).
10. Селезнев М.Б. Дуэли в биографии А.С.Пушкина // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. Т. 2. №. 1. С. 174-199.
11. Анекдотов [Электр. ресурс]. URL: <https://anekdotov.me/raznye/83184-znaesh-petr-ty-mne-pushkina-napominaesh-chem.html> (дата обращения: 06.04.2023).
12. Анекдотов.net [Электр. ресурс]. URL: <https://anekdotov.net/anekdot/all/stnzchmtpshknbl.htm> (дата обращения: 06.04.2023).
13. Анекдоты про Пушкина [Электр. ресурс]. URL: <https://anekdoty.ru/pro-Pushkina/> (дата обращения: 06.04.2023).
14. Анекдотов.net [Электр. ресурс]. URL: <http://anekdotov.net/anekdot/all/lbtfnlmrtnvndnts.htm> (дата обращения: 06.04.2023).
15. Анекдоты про Пушкина [Электр. ресурс]. URL: <https://anekdoty.ru/pro-Pushkina/2/> (дата обращения: 06.04.2023).
16. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 270 с.
17. Васев А. «Пушкина убил дантист в Туле»: москвичи пересказали биографию Александра Сергеевича [Электр. ресурс]. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/pushkina-ubil-dantist-v-tule-moskvichi-pereskazali-biografiju-aleksandra-sergeevicha-10-02-2023> (дата обращения: 04.04.2023).

References

1. Zagidullina M.V. Pushkinskiy mif v konce XX veka [Pushkin's myth at the end of the 20th century]. Chelyabinsk, 2001. 245 p.
2. Shemetova T.G. Pushkinskiy mif: funkcionirovanie v sovremennoy literature [Pushkin's myth: functioning in modern literature]. Vestnik BGU, 2010, no. 10, pp. 201-207.
3. Saraskina L.I. Pushkinskiy mif v russkoj kul'ture: legendy, anekdoty, klishé [Pushkin's myth in Russian culture: legends, anecdotes, clichés]. Hudozhestvennaya kul'tura, 2018, no. 4(26), pp. 128-161.
4. Shemetova T.G. Mifologema "potomok negrov" kak znachimyj jelement pushkinskogo mifa v literature XX veka [The mythologeme

- "descendant of blacks" as a significant element of Pushkin's myth in the literature of the twentieth century]. Vestnik RUDN, seriya Literaturovedenie. Zhurnalistika, 2011, no. 1, pp. 35-42.
5. Boeva G.N. Internet-stereotipy vospriyatiya russkoy klassiki: vizual'nyy aspekt [Internet stereotypes of perception of Russian classics: visual aspect]. Zhurnal filologicheskikh issledovaniy, 2022, vol. 7, no. 4. Available at: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/53508/view> (accessed: 03.03.2023).
 6. Karaulov Yu.N. [et al]. Russkiy associativnyy slovar' [Russian associative dictionary] in 2 vols. Moscow, 2002. Available at: <http://tesaurus.ru/dict/> (accessed: 04.03.2023).
 7. A.S.Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov [A.S.Pushkin in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, 1974. Vol. 1. 565 p.
 8. Il'f I., Perov E. Dvenadcat' stul'ev [Twelve chairs]. Moscow, 1991. 400 p.
 9. Anekdoty pro Pushkina [Jokes about Pushkin]. Available at: <https://anekdoty.ru/pro-Pushkina/3/> (accessed: 06.04.2023).
 10. Seleznev M.B. Dueli v biografii A.S.Pushkina [Duels in the biography of A.S.Pushkin]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999, vol. 2, no. 1, pp. 174-199.
 11. Anekdotov. Available at: <https://anekdotov.me/raznye/83184-znaesh-petr-ty-mne-pushkina-napominaesh-chem.html> (accessed: 06.04.2023).
 12. Anekdotov.net. Available at: <https://anekdotov.net/anekdot/all/stnzhmtpshknbl.htm> (accessed: 06.04.2023).
 13. Anekdoty pro Pushkina [Jokes about Pushkin]. Available at: <https://anekdoty.ru/pro-Pushkina/> (accessed: 06.04.2023).
 14. Anekdotov.net. Available at: <http://anekdotov.net/anekdot/all/lbtfnlmrtnvndts.htm> (accessed: 06.04.2023).
 15. Anekdoty pro Pushkina [Jokes about Pushkin]. Available at: <https://anekdoty.ru/pro-Pushkina/2/> (accessed: 06.04.2023).
 16. Lotman Yu.M. Kul'tura i vzryv [Culture and Explosion]. Moscow, 1992. 270 p.
 17. Vasev A. "Pushkina ubil dantist v Tule": moskvichi pereskazali biografiju Aleksandra Sergeevicha ["Pushkin was killed by a dentist in Tula": Muscovites retold the biography of Alexander Sergeevich]. Available at: <https://www.gazetametro.ru/articles/pushkina-ubil-dantist-v-tule-moskvichi-pereskazali-biografiju-aleksandra-sergeevicha-10-02-2023> (accessed: 04.04.2023).

Abramova V.I., Arkhangel'skaya Yu.V. The Pushkin's myth in Russian internet folklore: biographical aspect. The article is the first one from the cycle of works on the analysis of representation of the Pushkin's myth in Russian internet folklore and highlights its biographical component. According to the research, Russian-speaking segments of the Internet represents Pushkin's mythologemes that are already rooted in the native culture: African's descendant; the first Russian lyceum student; Pushkin and nanny; loving person; autumn in Boldino; Pushkin and Natali; Pushkin the duelist; the last duel (Pushkin and Dantes). Their representatives are creolized texts, internet presentemes, memes, motivators, demotivators, internet jokes, pirozhki verses. Overall, Pushkin's mythologemes represented in the Russian Internet are correlated with biographical facts and repeat the similar stereotypes of the mass culture consciousness. Comparison with the results of the current opinion poll proves that the Internet myth about Pushkin is more accurate than its "philistine" version.

Keywords: the Pushkin's myth, mythologeme, stereotype, Russian Internet, internet folklore.

Сведения об авторах. Вероника Игоревна Абрамова — кандидат филологических наук, доцент; Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н.Толстого, факультет русской филологии и документоведения, кафедра русского языка и литературы; ORCID: 0000-0003-3684-9658; istinijobraz@mail.ru; Юлия Владимировна Архангельская — кандидат филологических наук, доцент; Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н.Толстого, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н.Толстого, факультет русской филологии и документоведения, кафедра документоведения и стилистики русского языка, старший научный сотрудник; ORCID: 0000-0003-0998-7772; archangelju@yandex.ru.
Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Пушкинский миф в фольклоре рунета: биографический аспект // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 357-361. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).357-361

For citation: Abramova V.I., Arkhangel'skaya Yu.V. The Pushkin's myth in the Russian internet folklore: biographical aspect. Memoirs of NovSU, 2023, no. 4(49), pp. 357-361. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).357-361

В.А.Боденчук, В.В.Шадурский

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВГОРОДСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Представляется история создания и деятельности Новгородской ассоциации пролетарских писателей (НАПП). За основу для характеристики деятельности НАПП взяты разные источники: во-первых, документы из Государственного архива Новгородской области, во-вторых, журнал «Литье», издававшийся с 1927 по 1930 г. в качестве органа НАПП. Впервые дана информация о 15 деятельных членах НАПП, отметившихся публикациями в новгородских периодических изданиях. Некоторые исследовательские вопросы остаются без ответа и нуждаются в проработке с использованием фондов других архивов. Обращается внимание на отсутствие документов, которые бы подтвердили юридический статус и членство участников этого литературного объединения с самого начала его существования. В данное время не обнаружены документы о реорганизации или вливании НАПП в ЛАПП после 1927 г. в связи с вхождением Новгородской губернии в Ленинградскую область. С этим связана и проблематичность определения временных рамок существования НАПП.

Ключевые слова: Новгородика, НАПП, пролетарская литература, журнал «Литье», газета «Звезда»

История существования Новгородской ассоциации пролетарских писателей (НАПП) является неизученным фактом литературного процесса, существовавшего в 1920—1930-е гг. на территории Новгородской губернии (до августа 1927 г.) и Ленинградской области (с 1 августа 1927), так и в целом истории пролетарской литературы. В связи с развитием разных направлений новгородики исследование в данном аспекте представляется актуальным. Размещение сканированной версии журнала «Литье» (1927—1930) на сайте Новгородской областной универсальной научной библиотеки и открытие материалов в фондах Государственного архива Новгородской области позволили осуществить такую работу.

В процессе исследования удалось выяснить, что участники новгородской пролетарской писательской организации оказались теми инициативными людьми, благодаря деятельности которых появился журнал «Литье». На страницах издания современный ученый заново открывает имена сотрудников редакции этого журнала, постоянных авторов, а также рабкоров и селькоров. Некоторые из них продолжили свою литературную карьеру в других изданиях, смогли выпустить собственные книги даже в столичных издательствах.

Очевидно, что своим возникновением Новгородская ассоциация пролетарских писателей обязана историко-общественным процессам, последовавшим за событиями 1927 г. Конечно, если судить по различным периодическим изданиям, выходившим в Новгородской губернии, литература как таковая существовала на Новгородчине и до революции 1917 г. и после, но не могла быть связана с каким-либо конкретным журналом или газетой. Однако в связи с обретением советской властью контроля над литературой, творческие организации, с одной стороны, объединяли художников слова и давали им определенные возможности, с другой — превращались в средство идеологического воздействия. Административный и финансовый ресурсы, которые стали использоваться для развития интереса к литературе, в первую очередь должны были отражать интересы нового, советского человека. Не стало чем-то оригинальным и создание новгородской пролетарской организации и ее особого литературного органа при издательстве «Звезда». Но вот процесс этого создания оказывается не проясненным до сих пор.

Первым этапом зарождения ассоциации стало собрание, объединившее начинающих писателей и представителей заинтересованной общественности, членов уже существовавшего в Новгороде литературного кружка; оно прошло 10 октября 1926 года. На собрании было принято решение оформить «часть товарищей из литкружка в группу пролетарских писателей на платформе ВАППа [1, с. 8]». Среди участников были граждане разных профессий, разного статуса: служащий Александр Иванович Черненко, который в итоге стал председателем нового объединения, журналист Евгений Евгеньевич Ефремов, Бабкин (был утвержден секретарем объединения), а также С.И.Лещинский, В.Наволоцкий. В качестве кандидатов для вступления в новую группу были рассмотрены рабочий Петр Семенович Богданов и Евгений Викторович Гарин, а тов. Никитин» (как явствует из публикаций в «Звезде» — И.В.Никитин) получил предложение подачи заявки [1, с. 8]. Более того, на собрании было принято решение: «Старый литкружок считать распущенным, пригласив её членов посещать занятия группы» [1, с. 22].

О значительности, задуманной статусности нового объединения говорит тот факт, что его оперативный, исполнительный орган — бюро — решено было разместить в центре города, в новгородском Кремле, где находилась редакция газеты «Звезда»: «Район действий — Новгородская губерния. Уполномоченный — Федоров Сергей Степанович» [1, с. 14], функции руководителя этого бюро необходимо было выполнять председателю нового творческого объединения — Е.Е.Ефремову.

Спустя месяц, 10 ноября 1926 г., в Москве на заседании секретариата Всероссийской ассоциации пролетарских писателей Новгородское объединение наряду с Вятским, Скопинским и другими прошло

процедуру утверждения. На том знаменательном заседании присутствовали Л.Л.Авербах, А.С.Серафимович, Ю.Н.Либединский, М.Ф.Чумандрин, другие московские и ленинградские писатели, общественные деятели [1, с. 10]. Казалось бы, новгородское пролетарское писательское объединение сформировалось, и с этой даты можно было бы вести отсчет его существования, но возникли особые обстоятельства, которые не позволяют эту дату назвать началом официального существования НАПП.

Так, в феврале 1927 г. НАПП отправила в Новгубадминотдел документы для регистрации ассоциации как общественной организации [1, с. 3]. В ответ 28/30 апреля 1927 г. этот отдел сообщил о невозможности зарегистрировать организацию в связи с необходимостью «дополнений в документах» [1, с. 16]. Требовалось предоставить «один экземпляр выпуска второго отдела “Собр. узаконений Рабоче-Крестьянского Правит. РСФСР”, или “Собран. Узаконен. Раб. Кр. Прав. СССР”, в котором опубликован утвержденный устав общества или копию этого устава, заверенную в нотариальном порядке» [1, с. 16]. Очевидно, что по какой-то причине писатели этого не могли предоставить вовремя.

И только 5 ноября 1928 г. НАПП, в лице нового ответственного секретаря Ивана Михайлова, направляет требуемые документы: «1. Выписку из протокола организационного собрания НАППа от 10 октября 1926 г., 2. Копию выписки протокола заседания секретариата ВАПП от 10 ноября 1926 г., 3. Устав, утвержденный Советом Народных Комиссаров 4 февраля 1928 г. и 4. Список состава исполнительного органа НАППа» [1, с. 20]. Из этих документов можно почерпнуть информацию не только о смене секретаря, но и председателя организации, даже состава участников исполнительного органа:

«Список состава исполнительного органа НАППа:

Евстратов В.П. — председатель бюро,

Сирмович А.И. — член бюро,

Черненко А.И. — член бюро.

Ответственный секретарь — Иван Михайлов» [1, с. 27].

О принятом решении Новгубадминотдела нами пока не обнаружены документы, но, судя по тому, что о собраниях стала извещать местная пресса, организация в ноябре 1928 г. получила официальный, юридический статус. Деятельность НАПП развернулась.

Объединением новгородских пролетарских писателей устраивались литературные собрания, на которые приглашались все интересующиеся литературой и связанными с ней событиями. Приводим текст объявления ассоциации из газетной вырезки того времени:

У пролетписателей

Сегодня 13 ноября, в 6 ч. вечера, в помещении редакции газеты «Звезда» состоится собрание НАПП, на котором будет зачитана новая повесть «Земля звенит» Вл.Пеккер. После читки критика, широкий обмен мнений.

Желательно присутствие комсомольцев — повесть ставит ряд молодежных вопросов — упадничество, половая проблема, брак и семья сегодня.

Приглашаются преподаватели литературы, рабкоры, учащиеся, члены профсоюзов и все желающие. Вход свободный [1, с. 26].

Владимир Пеккер опубликует в последующем журнале «Литье» несколько прозаических произведений, его имя станет хорошо известно новгородцам. А пока даже его фамилия напечатана с ошибкой.

Из разных источников известно, что творческая деятельность НАПП не ограничивалась встречами и собраниями. По стране выходило «<...> более десятка крупных пролетарских журналов <...>, еще в большем количестве издавались коллективные сборники и альманахи, общий тираж пролетарской литературы доходил до 10 миллионов» [2, с. 12]. Как и другие пролетарские организации, напповцы заботились о публикации своих работ, им было важно попасть к своему читателю.

Как свидетельствует В.Гормин: «Попытка издания литературного журнала была предпринята в Новгороде уже в 1922 году. Местные писатели объединились тогда в литературную студию при Дворце Труда и выпустили 1-й номер журнала “Начало”. Но начало это оказалось неудачным. Напечатанные в нем стихи и рассказы были проникнуты пессимизмом, идеями отрешенности от общественно-политической деятельности. “Мы в прошлом, мы в бурях, мы в нежности, мы два утомленных бойца. Над нами рука неизбежности... И путь наш скрижат сердца”, — в таком провинциально-мещанском ключе звучали все литературные опыты “Начала”» [3, с. 4]. Это подтверждает нашу мысль о существовании литературы в Новгородской губернии, которую в самом начале жизни Советской Республики еще не направили в «нужное» русло, а сами же пореволюционные авторы, очевидно, представляли собой хаотичное и бесформенное явление. Но, видимо, к 1926 г. эту неупорядоченную деятельность решили привести к норме, которая уже насаждалась сверху. Нами пока не обнаружены факты возможного существования Пролеткульта в Новгороде, но очевидно, что даже лексика первых организаторов пролетарской литературы в Новгороде могла иметь «пролеткультовский» характер: в 1920 г. появилось Международное бюро Пролеткульта, и модное слово «бюро» в отношении литературы могло быть позаимствовано новгородцами, задумавшими обновить литературный процесс внедрением в него пролетарского элемента.

Итак, если даже новгородская ассоциация Российской ассоциации пролетарских писателей не приобрела официального статуса в 1926 г. из-за возникших организационных проволочек, то деятельность ее все же должна быть видна, и она действительно осуществлялась. Это видно по опыту сбора материалов и выпуска

первого творческого сборника новгородцев: в 1927 г. НАПП издала первый номер сборника «Библиотечка НАППа». По словам все того же В.Гормина, «в рецензии на этот выпуск журнал “Ленинец”, тоже издававшийся в городе на Волхове, указал, что читателю предлагается случайное собрание плохо переработанных газетных заметок, написанных неумело и нехудожественно и лишь случайно получивших форму стихотворения, рассказа, новеллы» [3, с. 4]. Интересно, что уже тогда в Новгороде были люди, которые не только могли прочесть литературные произведения молодежи, но и написали об этом критический отзыв. Почему это важно? Потому что в журнале, который будет организован уже в 1927 г., появится литературно-критический раздел, а статьи и рецензии для него будут предоставляться не только критиками из столичной печати, но и литературно образованными новгородцами. Кстати, позднее, в предисловии к своему новому изданию — «Литье» — сами напповцы будут неслестно отзываться об опыте выпуска «Нашей библиотечки» [4, с. 1].

Итак, в октябре 1927 г. в Новгороде будет издан новый журнал «Литье», который судя по титульной странице, должен был стать «литературно-художественным ежемесячником». Но, как известно, амбиции выпускать журнал ежемесячно так и остались амбициями, заявленными на титуле, но не получившими подкрепления: редакция вела активную подписную компанию на фабриках и заводах, устраивала лотереи, но заявленной периодичности не выдерживала. В № 2 за 1928 г. будет указана цифра тиража в 10000 экз., но насколько она правдоподобна, неизвестно, зато известно, что редакция постоянно не могла выпустить номер в свет то из-за проблем нехватки полиграфической бумаги, то по другим причинам.

Следует отметить, что журнал «Литье» оказался немногостраничным, но зато хорошо продуманным изданием. И если его полиграфической базой было издательство губернской газеты «Звезда», то редакционной и авторской основой стала редакция этой же газеты. Остановимся подробнее на именах и характеристике их деятельности в этих двух изданиях.

Редакторы «Литья» с первого номера журнала — Е.Ефремов и А.Черненко. С четвертого выпуска 1928 г. к ним присоединится В.Евстратов, а с 1 номера 1929 г. — В.Пеккерт. На период выпуска № 11/1 за 1929/1930 г. редакторский состав выглядел так: Е.Ефремов, В.Евстратов, А.Черненко и И.Михайлов.

Евгений Евгеньевич Ефремов, как уже было сказано выше, был первым председателем бюро НАППа [1, с. 14]. Это было профессиональный журналист, в газете «Звезда» исполнял обязанности ответственного редактора и был заведующим издательством «Звезда» в 1926—1927 гг. В ГАНО сохранился личный документ журналиста, запись из его удостоверения гласит: «Выдано Заведующему изд-вом газеты «Звезда» т. Ефремову Е.Е. в том, что он направляется в гор. Ленинград по делам изд-ва и НАППа, что и удостоверяется надлежащими подписями и приложением печати» [5, с. 162]. В «Литье» Е.Ефремов публицистических и художественных произведений не публиковал, а отвечал только за редакторскую работу.

Александр Иванович Черненко — член новгородской ассоциации (по другим сведениям, в 1926 г. он был председателем ассоциации) [1, с. 8], секретарем и заведующим редакцией газеты «Звезда» (1926 г.) [6, с. 230]. В «Литье» в 1 выпуске за 1927 г. напечатаны отрывки из его повести «Пашка Крюков» (впоследствии в других изданиях произведение выйдет под заглавием «Расстрелянные годы»).

Василий Павлович Евстратов — председатель бюро НАПП с 1928 г. [1, с. 27], сменивший на посту газеты «Звезда» Е.Е.Ефремова: в 1927 г. он стал заведующим редакцией газеты [5, с. 163]. Именно его грамотность и эрудиция позволили ему в журнале НАПП опубликовать несколько статей о русских писателях: о М.Горьком («Литье», 1927 г., №1), о Н.Г.Чернышевском («Литье», 1928 г., № 2), об А.С.Грибоедове («Литье», 1929 г., № 3-4 (8-9)). Он же написал статью, в которой осветил итоги Второй областной конференции ЛАПП, когда новгородские литераторы уже влились в культурное пространство укрупненной Ленинградской области («Литье», 1929 г., № 3-4 (8-9)), опубликовал очерк «Новосолобский урок» («Литье», 1929 г., № 10).

Владимир Пеккерт — один самых «многогранных» авторов прозы, он создатель 4 рассказов, напечатанных в «Литье». Пеккерт являлся репортером газеты «Звезда» [6, с. 165] и специальным корреспондентом по «Старой Руссе и уезду» [5, с. 68] (был ответственным за материал в одноименном отделе газеты, работал со старорусскими рабкорами), «по городу Ленинград» [5, с. 127].

Иван Иванович Михайлов — поэт, опубликовавший несколько стихотворений в «Литье». В редакции издания «Крестьянская Звезда» исполнял обязанности «литсотрудника» [6, с. 229], потом ответственного секретаря [6, с. 234].

Анатолий Дмитриевич Спесивцев — иллюстратор газет «Звезда», «Крестьянская Звезда» [6, с. 1, 17], а также журнала «Литье». Занимал должность заведующего радиостанцией редакции «Звезды» [6, с. 62].

«Уполномоченный — Федоров Сергей Степанович» [1, с. 14] — заведующий отделом распространения издательства газеты [5, с. 84]. Направлялся в командировки по Новгородской губернии, где проводил рабкорские собрания, совещания, совершал денежные и др. расчеты по делам издательства. Так, он побывал в лагере 16-той стрелковой дивизии и на фабрике «Пролетарий» [5, с. 79], в Чудовском и Маловишерском районах [5, с. 88], на фабрике «Красный октябрь» [5, с. 129]. В «Литье» опубликованы его очерки «Красный Фарфорист» (1929 г., № 2), «Сегодняшнее поле» (1929 г., №3-4 (8-9)).

Сергей Николаевич Зверев — служащий редакции «Звезда» [6, с. 2], был заместителем заведующего «отделом распространения» [6, с. 61]. В «Литье» напечатано его стихотворение «Встреча» (1929 г., № 1).

Сергей И.Минаев в разное время занимал должности заведующего отделами «Новгород за день» (он же «выпускающий» этого отдела) [6, с. 230], «Местная жизнь» [5, с. 85] и ответственного секретаря газеты «Звезда» [5, с. 63]. В журнале напповцев им опубликован очерк «Детище Октября» («Литье», 1928 г., № 4).

В.В.Щеголев — был на должности репортера газеты «Звезда» в июнь-август 1927 г. и корреспондента с октября 1926 г. [5, с. 111]. В журнале НАППа вышло стихотворение «Хоть на минуту вдохновенье...» («Литье», 1928 г., № 3).

В редакции газеты «Звезда» была и женщина. В.А.Завилович работала в качестве специального корреспондента [5, с. 61]. В «Литье» опубликовали ее рецензию на повесть Ю.Либединского «Комиссары» (1927 г., № 1).

Членом НАПП был Станислав И.Лещинский [1, с. 8], ответственный секретарь и заведующий редакцией другой новгородской газеты «Крестьянская Звезда» [5, с. 15, 236], он же был заведующим отделом «Хозяйство» [5, с. 172], вел «уголок в газете по Старой Руссе» [5, с. 15].

Евгений Викторович Гарин — член НАПП [1, с. 8], литсотрудник рабочего отдела «Звезды» [6, с. 230]. О нем есть сведения как о специальном корреспонденте, отвечавшем за сбор информации по проведению октябрьских торжеств в Ленинграде [5, с. 164].

Еще один представитель «Звезды» являлся членом НАПП, это В.А.Наволоцкий [1, с. 8]. Он был литсотрудником «рабочего отдела» газеты [6, с. 230], заведующим ее отделом «Местная жизнь» [6, с. 234], заведующим советско-экономическим отделом [6, с. 235], в некоторых публикациях мог выступать под фамилией Иванов-Наволоцкий.

Возможно, некий Никитин, как мы отметили выше, тоже вступил и в ряды НАПП [1, с. 8]. Его инициалы в документе организации, к сожалению, не раскрыты. В документах редакции «Звезды» фамилию «Никитин» можно увидеть не раз, но с несовпадающими инициалами. Так упомянут Иван В. Никитин — литсотрудник «Звезды» [6, с. 230], в то же время есть информация о Михаиле Никитине: он с июня по сентябрь 1927 г. «работал в редакции газеты “Звезда” в качестве практиканта (репортаж), сотрудником отделов “Советское строительство” и “Новгород за день”» [5, с. 118], а позднее был литсотрудником партийно-рабочего отдела и сотрудником советско-экономического отдела [5, с. 118], информация об этом была адресована «в учебную часть Ленинградского гос. университета» [5, с. 118]. Очевидно, что Никитин получал высшее образование в Ленинграде.

Таким образом можно судить о своеобразной кадровой основе НАПП: среди активных членов организации были образованные, умеющие писать тексты люди, прошедшие школу новгородских газет. Предполагаем, что даже те, кто был в статусе рабкора или селькора, выделены редакциями «Звезды», «Крестьянской Звезды» вовсе не по сословному или классовому признаку, а по творческим способностям. Такая информация дает возможность осознать, что костяк авторского коллектива журнала «Литье» обеспечил ему довольно высокий уровень художественных материалов и даже, что особенно смело для регионального издания, литературной критики. В свою очередь, данное наблюдение позволяет сделать вывод о продуктивной, кипучей деятельности НАПП в 1920-е гг., о создании условий для творческого роста отдельных авторов, например, И.Михайлова.

В заключение необходимо отметить, что нами впервые дана информация о 15 членах НАПП, деятельность некоторых из них была продолжена на новом уровне в изданиях Ленинграда, в столичных издательствах. По сути, новгородская газета «Звезда» и журнал «Литье» для таких редакторов и авторов стали прекрасным началом журналистской и литературной карьеры.

Несмотря на проработку вопросов в новгородских организациях, некоторые исследовательские вопросы остаются без ответа и нуждаются в ответах с использованием фондов архивов и библиотек других регионов. В частности, нами обращено внимание на отсутствие документов, которые бы подтвердили юридический статус и членство участников НАПП с самого начала ее существования. Более того, остается открытым вопрос о реорганизации или вливании НАПП в ЛАПП, когда с 1 августа 1927 г. Новгородская губерния вошла в Ленинградскую область. С этим связана и проблематичность определения временных рамок существования НАПП.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01762, <http://rscf.ru/project/23-28-01762/>

1. Материалы об организации НАПП (Устав ВАПП, протоколы, список членов НАПП) // ГАНО. Р-243. Оп. 1. № 187.
2. Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920—1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 12-40.
3. Гормин В. Из истории новгородской печати. Ежемесячник «Литье» // Новгородская правда. 1983. 30 августа. С. 4.
4. [Б.п.] О программе журнала «Литье» Новгородской ассоциации пролетарских писателей // Литье. 1927. № 1. С. 1.
5. Личный состав. Редакция газеты «Звезда». 4 июня 1927 г. — 24 октября 1927 г. // ГАНО. Р-354. Оп. 1. № 236.
6. Личный состав. Редакция газеты «Звезда». 1 января — 31 декабря 1926 г. // ГАНО. Р-354. Оп. 1. № 122.

References

1. Materialy ob organizatsii NAPP, Ustav VAPP, protokoly, spisok chlenov NAPP [Materials about the organization of NAPW (Charter of the RAPW, protocols, list of members of the RAPW)]. GANO, R-354, Op. 1, no. 187.
2. Semenova S.G. Russkaya poeziya i proza 1920—1930-kh godov. Poetika — Videnie mira — Filosofiya [Russian poetry and prose of the 1920s—1930s. Poetics — Vision of the world — Philosophy]. Moscow, 2001, pp. 12-40.

3. Gormin V. Iz istorii novgorodskoy pechati. Ezheмесячник "Lit'e", [From the history of the Novgorod press. Monthly "Litye"]. Novgorodskaya Pravda, 1983, August 30, p. 4.
4. [B.p.] O programme zhurnalа "Lit'e" Novgorodskoy assotsiatsii proletarskikh pisateley [About the program of the magazine "Litye" of the Novgorod Association of Proletarian Writers]. Lit'e, 1927, no. 1, p. 1.
5. Lichnyy sostav. Redaktsiya gazety "Zvezda". 4 iyunya 1927 g. — 24 oktyabrya 1927 g. [Personnel. The editorial office of the newspaper "Star". June 4, 1927 — October 24, 1927]. GANO. R-354. Op. 1. no. 236.
6. Lichnyy sostav. Redaktsiya gazety "Zvezda". 1 yanvarya — 31 dekabrya 1926 g. [Personnel. The editorial office of the newspaper "Star". January 1 — December 31, 1926]. GANO. R-354. Op. 1. no. 122.

Bodenchuk V.A., Shadursky V.V. The history of the creation and activity of the Novgorod Association of Proletarian Writers: questions and answers. The history of the creation and activity of the Novgorod Association of Proletarian Writers (NAPW) is presented. Various sources were taken as the basis for characterizing the activities of the NAPW: firstly, documents from the State Archives of Novgorod Region and secondly, the journal "Litye", published from 1927 to 1930 as an organ of the NAPW. For the first time, information about 15 active members of the NAPW, noted for their publications in Novgorod periodicals, is given. Some research questions remain unanswered and need to be worked out using the funds of other archives. Attention is drawn to the lack of documents that would confirm the legal status and membership of the participants of this literary association from the very beginning of its existence. At this time, no documents on the reorganization or infusion of NAPW into LAPW after 1927 in connection with the entry of the Novgorod province into the Leningrad region have been found. Related to this is the problem of determining the time frame for the existence of NAPW.

Keywords: Novgorodica, NAPW, proletarian literature, journal "Litye", newspaper "Zvezda".

Сведения об авторах. Виктория Александровна Боденчук — студентка, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-7633-7908; bodenchuk-vik@yandex.ru; Владимир Вячеславович Шадурский — кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-0039-7824; shadvlad@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Боденчук В.А., Шадурский В.В. История создания и деятельности Новгородской ассоциации пролетарских писателей: вопросы и ответы // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 362-366. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).362-366

For citation: Bodenchuk V.A., Shadursky V.V. The history of the creation and activity of the Novgorod Association of Proletarian Writers: questions and answers. *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 362-366. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).362-366

Н.Г.Владимирова, Е.С.Куприянова

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ И ПРОБЛЕМА РАЗДВОЕННОСТИ ПЕРСОНАЖА (И.МАКЬЮЭН «МАШИНЫ КАК Я» И ДЖ.УИНТЕРСОН «ХОЗЯЙСТВО СВЕТА»)

Статья посвящена проблеме синергии науки и художественной литературы, рассмотренной на примерах романов «Машины как я» Иена Макьюэна и «Хозяйство света» Дженнет Уинтерсон. Специальное внимание уделено риторическому дискурсу, помещенному в пространство художественного текста. Интердискурсивность — как взаимодействие разных видов знаний — демонстрирует способность сплавляться не только с художественной образностью, используя разные виды тропов, благодаря чему усиливается выразительность нужных аспектов риторического включения, но и сама передает принимающему тексту черты ноуменальности: художественный текст интеллектуализируется. Романы Макьюэна и Уинтерсон отличает полидискурсивность. Дискурс психологической науки о раздвоенности сознания рассматривается как своеобразная особенность поэтики романа Дж.Уинтерсон «Хозяйство света». Многослойность личности главных персонажей, самоидентификация «Я» как чужого и чуждого и связанные с этим трансформации их сознания, двойничество и раздвоенность личности создает сложно устроенные образы с трагической непримиримостью их жизни тела, сознания и мира души.

Ключевые слова: интердискурсивность, дискурс, двойничество, расщепленность сознания, аллюзии

Современный европейский роман строится как философский, исторический, эстетический и шире — художественный и научный диалог. Этим определяется тяготение литературы к синергетическому взаимопроникновению научной составляющей в эстетическом пространстве текста как художественного целого и трансформация риторического дискурса.

В классической философии понятие «дискурс» определялось как развертывание мышления, выраженного в понятиях и суждениях. В этом плане дискурс противопоставлялся интуитивному постижению целого еще до ознакомления с его частями и подробностями. И.Кант называет дискурсивным мышлением рассудочное познание посредством понятий. Ж.Деррида [1] и Р. Барт [2], преодолевая дискурсивность кантовского образца, утверждают тип новой дискурсивности. Его сущность может быть выражена, с одной стороны, в призыве к «онаучиванию» художественных рефлексов, и, с другой, — в требовании «синтеза» науки и искусства. В этом содержательном аспекте и скрывается специфика литературно-художественной дискурсивности, что вполне корреспондируется не только с лингвистическим пониманием дискурса, определяемого с точки зрения особенностей коммуникативного события, но и с постмодернистскими его характеристиками, с точки зрения специфичности научной, гендерной, национально-идентифицирующей ментальности, идеологически выраженных в связанном тексте, как это отмечал М.Фуко [3].

За риторическим дискурсом закрепилось определение его как иного, то есть в широком смысле нехудожественного текста, включаемого автором в произведение искусства и литературы. Соответственно и дискурсивность в художественном тексте предстает как своеобразный «язык в языке», требуя определения типа дискурса — «философский», «политический», «естественно-научный» и др. Интердискурсивность — как взаимодействие разных видов знаний — демонстрирует способность сплавляться не только с присущей роману художественной образностью, используя разные виды тропов, благодаря чему усиливается выразительность нужных аспектов риторического включения, но и сама передает принимающему тексту черты ноуменальности: художественный текст интеллектуализируется. Помещенный в эстетическое поле романа, риторический дискурс взаимодействует с определяющим его художественным модусом (подробнее о дискурсе и интердискурсивности см. [4]). При этом происходит метафоризация, шире — насыщение художественной образностью нехудожественного включения.

Для классической литературы характерно усиление авторского риторического дискурса. Автор — нарратор, создатель художественного мира берет на себя комментирующие функции, определяя в риторическом дискурсе модус читательского восприятия художественного произведения. В современном романе, пережившем «смерть автора» как основной повествующей инстанции, авторский риторический дискурс уступает место полидискурсивности, о чем свидетельствуют произведения И.Макьюэна, Дж.Уинтерсон и других современных авторов.

В романе Иена Макьюэна «Машины как я» присутствует широкий круг дискурсивных включений, связанных с искусственным интеллектом и перспективами развития этой научной отрасли, наряду с историческими событиями (война за Фолклендские острова), а также дискурсом социально-общественной направленности. Так, например, главный персонаж романа Чарли Френд фиксирует время приобретения искусственного человека Адама: «за неделю до начала безнадежной Фолклендской кампании» [5, с. 8], результаты которой автором произвольно изменены (в романе победа приписана Аргентине, а не Великобритании). В произведение публицистически включены и актуальные события политической жизни (стремительная утрата популярности М.Тэтчер, описание действий лидера оппозиции Тони Бенна, фрагменты трансляции еженедельных заседаний Палаты общин и др.). В романе присутствуют и элементы

художественной аннотированной и комментированной биографии, благодаря которым оказывается возможным сплав исторически достоверных фактов жизни великого математика Алана Тьюринга, его коллеги и исследователя в области искусственного интеллекта Демиса Хассабиса, Томаса Ри, физика, открывшего петлевую квантовую гравитацию. В этом ряду и знаменитая встреча Тьюринга и Теслы в 1941 году, когда Тьюринг работал над расшифровкой кодов «Энигмы». Завораживает своей недоступностью для обыденного восприятия упоминание попыток Тьюринга решить проблемы равенства классов P и NP, создающие представление о сложности научного знания.

Благодаря широкому полю интердискурсивных включений создается необозримая картина горизонтов мира научного интеллекта и непростой общественно-исторической реальности, в которой существуют персонажи романа. Достоверные картины мира науки сплавлены в романе с авторским художественным домыслом. Так, например, автор продлил жизнь Алану Тьюрингу, изменив дату его смерти. Авторскому художественному воображению обязаны своим происхождением также и эпизоды встреч Чарли Френдса с Тьюрингом, как и описание возвращения Тьюрингу искалеченного Френдом Адама.

В романе упоминаются такие отрасли научного знания, как антропология, которой увлекался Чарли Френд, юриспруденция, электроника, генетика и др., затрагиваются вопросы происхождения Вселенной и планеты Земля, присутствуют размышления о месте искусственного интеллекта в эволюционном процессе, о сложностях постижения сознания вообще и в этом контексте — об особенностях искусственного сознания. Наличие полидискурсивных включений способствует не только созданию представлений о современной картине мира, но и помогает читателю представить сложность его устройства, пережить вместе с персонажами произведения процесс самопознания и самоосознания, понимание взаимосвязей с окружающим миром, микрокосмом в себе и космической вселенной.

Чарли Френд на протяжении всего романа мучительно пытается определить черты сходства, приближенности репликанта Адама к себе как представителю человеческой особи, венчающей процесс длительной природной эволюции в оппозиции к искусственно воссозданному благодаря достижениям науки и разума человеческому подобию: Адам как Я — Другой, на что настраивает и название романа. Одновременно с этим герой постигает инаковость этого другого Я, а вместе с тем и сложные вопросы философии, этики, морали, границ правды и лжи, дозволенных и недозволенных отступлений и исключений в реальных, непростых жизненных ситуациях. Дискурсивность в романе сочетается с глубоким психологизмом современного образца и прежде всего нацелена на исследование работы сознания и подсознания, включая попытку постижения особенностей роботизированного сознания.

Обращают на себя внимание различные виды полидискурсивных включений и в романе «Хозяйство света» Дж. Уинтерсон. В контекст космологического дискурса включена история рождения главной героини романа Сильвер: «За десять лет до этого я выпала из пространства, отыскав канал ее тела и высадившись на землю» [6, с. 23]. Ее жизнь в доме на краю утеса образно соотносится с силой гравитационного притяжения: совсем юная героиня «грезилась о таком месте, где не нужно было бороться с силой притяжения тяжестью собственного тела» [6, с.19]. Однако определяющую роль в романе играют дискурсы философской и психологической направленности. Благодаря их включению акцентируется процесс раздвоения души, а изображение сознания и подсознания разворачивается в сложную систему оппозиций — образов, аллюзий, тем, мотивов и лейтмотивов. Они предстают в виде нередко оппозиционных по смыслу и своему существу двойнических пар. В их непростом единстве автору видится полнота отражения противоречивого мира с разнообразием экзистенциальных, гносеологических, эстетических и поэтико-риторических аспектов модели мира, стремящегося к внутреннему единству.

Генетическим истоком принципа двойничества является, как известно, близнецный миф, который на многие столетия определил представления о биполярном и одновременно оппозиционно-аксиологическом принципе устройства окружающего мира: пространственного (небесный мир / верх — царство смерти / низ; правая / левая стороны света), исчисляемого (четные / нечетные числа), этического (добро / зло), онтологического (жизнь / смерть) и др. Складывавшаяся на протяжении прошедших столетий типология подвижна, она пополнялась новыми парами биполярных оппозиций, что нашло отражение и в художественной литературе, внесшей в феномен двойственности и двойничества свои интересные открытия и дополнения. Это касается самого образа двойников (широко известны новеллы Гофмана, Эдгара По, трансформирующие образ двойника близнецного мифа) и двойничества как принципа устройства человека и мира, феноменальный пример которого представлен в повестях Стивенсона — «Маркхейм» и «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». В последней Стивенсон нарушает сложившуюся традицию персонажного двойничества. Традиционным было существование и противопоставление в произведении двух оппозиционных персонажей по принципу зеркального энантиоморфизма: один воплощал добродетельного человека, а другой являлся концентрацией злого начала. В повести Стивенсона изображается расщепление единого персонажа на двойников, персонифицировавших свет и мрак души прежде единого человека, причем, постепенно именно зло, воплощенное в Хайде, становится доминантой раздвоившейся личности. Повесть Стивенсона стала магистральной, но и переосмысленной аллюзией в романе Дж. Уинтерсон. Смыслообразующая коллизия повести-источника получила акцентуацию в контексте структурообразующего принципа двойственности и двойничества как определяющей черты поэтики романа «Хозяйство света». Священник из Сольта Вавилон Мрак мыслится прототипом доктора Джекила, а в сюжет романа вплетается семейная история автора

«Странной истории...». Таким образом, сюжет и коллизия прототекста становятся аллюзивным контекстом, удваивающим и усиливающим историю Мрака, которая, как мозаика, постепенно складывается из фрагментированных бесед старого Пью с его воспитанницей Сильвер.

Психологическая линия романа усложнена по сравнению с повестью Стивенсона и не случайно: более сложным с точки зрения современной науки представляется сегодня мир сознания человека. Поэтому «Хозяйство света» наполняется новыми аспектами двойничества. Уинтерсон не идет по пути персонификации двойника, ее интересуют трансформации, происходящие в сознании персонажа — сложный процесс расслоения сознания представлен иначе, чем загадочно-фантастическая «реинкарнация» Хайда. Роман, сотканный из фрагментированных историй, демонстрирует нелинейную композицию, а, значит, и возможность, возвращаясь к тем или иным эпизодам, находить ту «точку невозврата», которая обусловила роковые перемены в личности и судьбе Мрака. Так называемая «Поворотная точка», обозначенная в романе дискурсом географической направленности («Здесь пролив Пентлэнд-Ферт встречается с проливом Минч, на западе виднеется остров Льюис, на востоке — Оркнейские острова, а к северу остается только Атлантический океан» [6, с. 29]) обнаруживается автором и в сознании Вавилона Мрака, человека, заблудившегося в себе. Подобные точки в судьбе Мрака — это отказ от любви к Молли и встреча с Чарльзом Дарвиным: первая лишила его веры в себя, вторая подорвала веру в Бога.

В истории Мрака особую роль играет юнгианский архетип Тени: любовь, омраченная недоверием и муками ревности, заставляет Мрака выпустить из тайников души свою теневую сущность. Однажды выйдя наружу, «тень» начинает управлять поступками Мрака. В романе отмечено: «Он никогда не рассказывал ей, как был тенью ее шагов...» [6, с. 106]; «Не думал, ли Мрак о том, что все люди обладают атавистическими свойствами? Такими их сторонами, что хранятся, как непроявленные негативы. Теневыми натурами — их невозможно представить, но он и есть?» [6, с. 196].

Мучительные поиски самоидентичности не увенчались успехом, жизнь трагически обрывается самоубийством, когда Мрак уходит в океан, в последний раз пытаясь обрести утраченный свет. Автор не случайно именует персонажа оппозиционной парой «говорящих» фамилий Мрак / Люкс (Dark / Lux), сознательно обнажая прием, с помощью которого устанавливаются отношения преемственности с предшествующей традицией двойничества (близнечества) и одновременной утратой самоидентичности. Уинтерсон создает сложную «взаимообратимую» метафору, соединяющую диадой свет / тьма в противоречивое единство целого: свет с темнотой внутри. К этому смысловому ряду добавляется мотив «ложного» света и слепоты — еще одна дуальная оппозиция, проходящая через весь роман.

Историю Вавилона Мрака-Люкса перемежает развивающаяся на протяжении романа история жизни Сильвер, представленная в виде аннотированной авторизованной автобиографии постепенно взрослеющей девочки, пытающейся постигнуть сложность дуализма и единство противоположностей мира, в котором ей предстоит жить и выживать. Принцип дуальной противоречивой оппозиционности как единства сложно устроенного мира анонсирован двумя, казалось бы, взаимоисключающими эпиграфами:

Помни — ты должен умереть. Мюрисл Спарк.

Помни — ты должен жить. Эли Смит.

Диалектический смысл эпиграфа задает смысловую парадигму всему роману, в котором прочитывается главная мысль об утверждении внутреннего единства, скрытого за внешней дуальной оппозиционностью, что проявляется в самом тексте по мере постижения дискурсивных включений: биографии Стивенсона и Дарвина, библейские сюжеты, легенда о Тристане и Изольде и сопряженная с ней вагнеровская опера, теория Юнга и т.п. Связанность роману придает не только единство голоса юного формирующегося нарратора, постигающего сложности мира, но и авторская установка, сформулированная в первой главе произведения «Две Атлантики». Она завершается словами, проясняющими двунаправленность текста романа — на реальность окружающего героиню мира и на внутренний мир сознания. Сильвер констатирует: «Две Атлантики: одна за стенами маяка, другая — внутри меня». Пространный географический дискурс сообщает точные научные сведения об этом океане: «Это второй по величине океан в мире, он тянется в форме буквы S от Арктики до Антарктики ...» [6, с. 37]. Этот дискурсивно отмеченный текстовый фрагмент получает дополнительную маркировку с помощью знака пробела, отделяющего его от последующего художественного текста, что не только акцентирует границу разнородных участков романа, но и повышает меру художественной условности в его восприятии. Аналогичным образом структурированы в художественном тексте и дискурсивные фрагменты, посвященные уникальному маяку, построенному на мысе Гнева.

Немаловажным смыслоопределяющим стержнем для всего романа становится значение «второй Атлантики», то есть работающее, постигающее мир и определяющее пути принятия непростых решений сознание и подсознание персонажей. В романе эта линия находит продолжение в размышлениях и дискурсе психотерапевтической направленности, посвященных непростому вопросу: что такое реальность? Вопрос создает еще одну романную диадой и оппозицию: реальность и видимость, загадки восприятия. Психотерапевтический сеанс, который описывает Сильвер, не только вводит дискурс, напоминающей о концепции Юнга, от которой автор с едва уловимой иронией дистанцируется, но и способствует появлению еще одной проекции оппозиции реальность / ирреальность, вводя и близкие к ней составляющие: нормальность / отклонение от нормы, грань нормальности и безумия («психоз — разлад с реальностью» [6, с. 237]). Психотерапевтический дискурс адресует к медицинскому феномену раздвоения личности, намечая еще одну

проекцию, смоделированную в главе «Две Атлантики»: оппозиция, но и соединение внешнего и внутреннего. Размышляя над звучащим в романе вопросом о сущности реальности, Уинтерсон справедливо замечает, что «у каждого человека свой образ реальности», комментируя: «...Реальность — это всегда соединение внутреннего и внешнего», но «внутреннее гораздо важнее внешнего» [7]. Следуя этому принципу, Уинтерсон создает поэтологическую систему дуальных оппозиций, утверждая таким парадоксальным образом полноту картины внешнего и внутреннего мира, складывающуюся из соединения противоположных, порой, противоречивых, но внутренне связанных и соотносимых диад в синергетическом поле взаимопроникновения научного дискурса и художественного модуля романа.

1. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
2. Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. 431 с.
3. Фуко М. Слова и вещи. М.: Прогресс, 1977. 406 с.
4. Исаев С.Г., Владимирова Н.Г. Актуальная поэтика: смена художественной парадигмы. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017. С. 360-363.
5. Макьюэн Йен. Машины как я. М.: Эксмо, 2021. 384 с.
6. Уинтерсон Дж. Хозяйство света. М.: Эксмо, 2006. 320 с.
7. Поваляева Н.С. Дженет Уинтерсон: «В основе искусства лежит оптимизм...» // Книжная витрина. Информационный бюллетень. 2005. № 8(173).

References

1. Derrida Zh. O grammatologii [orig. De la grammatologie. Paris, 1967]. Moscow, 2000. 512 p. (In Russ.).
2. Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma [orig. Le Degré zéro de l'écriture. Paris, 1953]. Moscow, 2008. 431 p. (In Russ.).
3. Fuko M. Slova i veshchi [orig. Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines. Paris, 1966]. Moscow, 1977. 406 p. (In Russ.).
4. Isaev S.G., Vladimirova N.G. Aktual'naya poetika: smena khudozhestvennoy paradigmy [Actual poetics: changing the artistic paradigm]. Velikiy Novgorod, 2017, pp. 360-363.
5. Mak'yuen Yen. Mashiny kak ya [Machines Like Me]. Moscow, 2021. 384 p. (In Russ.).
6. Uinterson Dzh. Khozyystvo sveta [The Lighthouse]. Moscow, 2006. 320 p. (In Russ.).
7. Povalyayeva N.S. Dzhenet Uinterson: "V osnove iskusstva lezhit optimizm..." ["Optimism is at the heart of art Words and things..."]. Knizhnaya vitrina. Informa-tsionnyy byulleten', 2005, no. 8(173).

Vladimirova N.G., Kupriyanova E.S. Interdiscursivity and the problem of the character's split consciousness (Ian MacEwan "Machines Like Me" and Jeanette Winterson "The Lighthouse"). The article analyzes the concept of the synergy of science and fiction, considered on the examples of the novel "Machines Like Me" by MacEwan and Jeanette Winterson's "The Lighthouse". Special attention is paid to rhetorical discourse as a non-artistic inclusion placed in the space of a literary text. Interdiscursivity — as the interaction of different types of knowledge — demonstrates the ability to fuse not only with artistic imagery, using different types of tropes, thereby enhancing the expressiveness of the necessary aspects of rhetorical inclusion, but also itself conveys the features of noumenality to the receiving text: the artistic text is intellectualized. The novels of McEwan and Winterson are distinguished by polydiscursivity. The interaction of psychological science about the duality of consciousness is considered on the example of the novel "The Lighthouse" by J.Winterson. The duality of the main characters, the self-identification of the "Self" as another and alien person, the associated transformations of consciousness, of the binarity and duality and personality of heroes creates complex image of the characters with the tragic irreconcilability of their life of the body, consciousness and the world of the soul.

Keywords: interdiscursivity, discourse, duality, split consciousness, allusions.

Сведения об авторах. Наталия Георгиевна Владимирова — доктор филологических наук, профессор, профессор ОНК «Институт образования и гуманитарных наук» Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта; ORCID: 0000-0002-7422-4651; natvl_942@mail.ru; Екатерина Сергеевна Куприянова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии Гуманитарного института Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0003-2814-3655; Ek-kupr@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Владимирова Н.Г., Куприянова Е.С. Интердискурсивность и проблема раздвоенности персонажа (И.Макьюэн «Машины как я» и Дж.Уинтерсон «Хозяйство света») // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 367-370. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).367-370

For citation: Vladimirova N.G., Kupriyanova E.S. Interdiscursivity and the problem of the character's split consciousness (Ian MacEwan "Machines Like Me" and Jeanette Winterson "The Lighthouse"). *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 367-370. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).367-370

О.М.Култышева, М.В.Яковин

ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА М.ШУЛЬГИНА

В статье исследуются темы, характерные для творчества хантыйского писателя М.И.Шульгина (1940—2007). Данное исследование исходит из того, что писатель и его произведения в недостаточной степени изучены в отечественном литературоведении. Незначительное внимание поэтическому творчеству М.Шульгина уделяется лишь в региональной учебной программе. Основными методами исследования являются анализ научной литературы по теме исследования, культурно-исторический метод, изучающий отражение культурной эпохи в художественном произведении, герменевтика, направленная на интерпретацию текста, и метод системно-целостного анализа литературного произведения. В результате проведенного исследования делается следующий вывод: темы, характерные для творчества М.Шульгина, в основном отражают мифологические и космологические представления обских угров, а именно, народа ханты. Это такие темы, как темы родины, родной природы, предков. Однако Шульгин, констатируя необратимость перемен, принесенных современностью в жизнь ханты, культивирует в своем творчестве и такие темы, как тема труда, научно-технического прогресса. Особое место в творчестве Шульгина занимает детская тема, что также связано с представлением народа ханты о том, что воспитание детей должно происходить через приобщение к культуре народа через сказки, которые отражают характерные для него мифологические представления.

Ключевые слова: М.Шульгин, творчество, тематика, ханты, мифология, космогонические представления

В настоящее время, время динамичного развития российского общества, возрождается интерес к национальной художественной литературе малых этносов, проживающих в России. Всё чаще «на материале хантыйской, мансийской и русской литератур изучаются вопросы анализа и интерпретации литературных произведений, мифологических источников и фольклора обско-угорских народов» [1, с. 28]. Интерес к национальной литературе обусловлен тем, что в ней сполна отражаются характер, психологический склад народа, а также его культура, основанная на мифологических представлениях. Все это представлено и в творчестве одного из самых значимых хантыйских писателей Микуля Ивановича Шульгина.

Шульгин Микуль (Иван) Иванович появился на свет 1 февраля 1940 года в деревне Мувот-Курт (юрты Землянки) Шурышкарского района Ямало-Ненецкого национального округа в семье ханты. У его отца — охотника и рыбака — было трое детей, и Микуль Иванович был самым старшим, а потому первым помощником. Он прошел долгий жизненный путь к литературе, начиная со службы в армии. С 1971 года Микуль Иванович — член Союза писателей СССР. С 1991 года — член Союза писателей России. Умер М.Шульгин в 2007 году в г. Ханты-Мансийске.

В 1958—1959 годах Микуль Шульгин учился в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И.Герцена, который не окончил, но где заинтересовался литературным творчеством. Вернувшись на родину, в качестве литературного сотрудника работал в хантыйской газете «Ленинская правда» («Ленин пант хуват»). Был методистом Дома народного творчества Ханты-Мансийского автономного округа, научным сотрудником краеведческого музея. Значение творчества писателя для хантыйской литературы весьма велико. «М.Шульгин первым ввел в хантыйскую поэзию рифму» [2, с. 54]. Кроме создания собственных произведений, занимался художественными переводами. Так, Шульгин первым перевёл на родной язык «Сказку о рыбаке и рыбке» А.С.Пушкина, сказку «Конёк-Горбунок» П.П.Ершова, стихотворение «А кто там идёт...» Янки Купалы.

В 1962 году М.Шульгин издал первую книгу своих стихов на хантыйском языке «Мави Ас» («Медовая Обь») [3]. Первая книга на русском языке «Благодарность» вышла в 1975 году [4]. Перевел стихи Шульгина на русский язык ленинградский поэт Вячеслав Кузнецов.

Таким образом, у творчества М.Шульгина два истока — хантыйская народная поэзия и русская, европейская культура. В стихах поэта — все родное, близкое: знакомая с детства природа, его народ со своей историей и настоящим. Югорская литература, ярким представителем которой является М.Шульгин, по словам А.Е.Бельковой, «выступает своеобразной визитной карточкой, выражает исторический уровень культуры края, способствует развитию патриотических настроений населения и укреплению его региональной идентичности» [5, с. 15].

Характерной для Шульгина темой является *тема родины и родной природы*. Источник его вдохновения — суровый югорский край, родная природа:

В серебре — огне
Мой кедровый лес,
Головой достал
До седых небес.
Он в снегу по грудь,
Словно заяц, бел.

И ему под стать
Лунный свет, как мел.
Он не просто лес —
Он вселенский мост:
Корни тут, в земле,
Кроны там, средь звёзд.
Чутко замер лес,
Словно чуда ждёт.
По стволам его
Долгий гул идёт.
Чу! Олений бег,
Громкий говор вдруг.
— Эй, садись, подвезу!
— Эй, не мешкай, друг! (*«Зимний лес»*) [6, с. 109]

Образы Леса, Деревя у М.Шульгина отражают космологические представления обских ханты, согласно мифологической картине мира которых всё сущее состоит из трех слоев: верхнего (там живут боги), среднего (здесь живут люди) и нижнего (в котором живут духи и демоны). Именно дерево, лес соединяют между собой эти три слоя, и чаще всего, как в стихотворении Шульгина «Зимний лес», это дерево — кедр. По словам Е.Н.Рымаревой, в творчестве писателей-ханты всегда «присутствует как реально существующее, так и мифологическое» [7, с. 156].

Ханты всегда стремились к единению с природой. Это стремление формировалось испокон веков, отразившись в менталитете и культурных представлениях этого малого этноса. В отличие от европейских культур, где человек — царь природы, у обских угров природа одухотворена и является субъектом взаимодействия с человеком. Отсюда отношение ко всему, как к живому. Шульгин показывает красоту родины, единение человека и родной природы:

Деревьев и трав полукружье —
В хантыйской деревне рассвет...
Зимою морозной и вьюжной
Я здесь появился на свет.
Чтоб стать настоящим мальчишкой,
Таким же бодрым, как все,
Я бегал — сверкали лодыжки! —
По травам в студёной росе.
Моё полотенце — ветер.
Меня умывали дожди.
...Как детство прошло, не заметил.
Но вот к нему тропка... Гляди!
Бежит от берёзки к рябинке —
До неба, у звезд на виду.
Быть может, по этой тропинке
Я и сегодня иду. (*«Тропинка»*) [6, с. 82]

Большое значение для культуры и быта ханты имеет протекающая по территории Югры река Обь, которой посвящена книга М.И.Шульгина «Мави Ас» («Медовая Обь»). Вообще поэт часто обращается в лирике к образам югорских рек, таких как, например, Вах, однако особое значение он придает именно этой могучей югорской реке:

Восхищаясь безмерным простором,
На крутом берегу я стою.
Узкий мыс отклоняет в сторону
Голубую речную струю.
<...>
Города, поселки, дороги
У великой и вечной Воды.
Это всё совершили не боги,
Это наши с вами труды.
<...>
А поодаль гудят теплоходы —
Видно, гости издалека.
Величаво несет свои воды
Работящая Обь-река. [6, с. 102]

Другой характерной для творчества М.Шульгина темой является *тема предков*:
Здравствуй, край ты мой родимый,
Алый флаг на небосводе!

Пусть, разламывая льдины,
Песни хлынут половодьем.
Оживут в них наши предки,
Что умели ладить луки.
Да, стрелу пускали метко
Их удачливые руки.
И в тайге, среди заносов,
Я храню лесной обычай.
Мои лыжи остроносы
И легки совсем по-птичьи.
Я выслеживаю зверя,
Будь то белка или соболь,
Не подвластный суеверьям,
Я не жду судьбы особой.
Здравствуй, мой народ свободный,
Край, где в чаще небосвода
По-над Обью полноводной —
Песни моего народа! («Родное») [6, с. 82-83]

Уважение к культуре предков очень характерно для ханты. Ханты-Мансийский автономный округ-Югра расположен в особой, условно пригодной для проживания климатической и природной зоне. При этом для коренного малочисленного населения округа — ханты и манси — характерно проживание на удаленных от городов стойбищах. Во многом по этой причине у народа ханты сохранилась традиционная культура, передающаяся из поколения в поколение. Важнейшую роль в сохранении культурного наследия обских угров играет культ предков, а также взаимосвязанные с ними культ мертвых и особые погребальные обряды.

Культ предков прослеживается у ханты и в уважении к родителям. Отец Микуля Ивановича, Шульгин Иван Филиппович, работал председателем рыболовецкого колхоза, одного из первых у ханты. В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов служил рядовым стрелком, участвовал в снятии блокады Ленинграда. После войны ударно трудился в родном колхозе. Находясь под сильным влиянием личности отца, Микуль Иванович написал поэму «Макар Осьмаров» и два стихотворения с одинаковым названием «Отец»:

Я так горжусь своим отцом —
Охотником и рыболовом.
Он у Невы в сорок втором
Стоял в равнении суровом...
Осталась за спиной тайга,
Но, как в тайге
Под свист метели,
Отец мой лютого врага
Держал на снайперском прицеле!
Он бил врагов не в бровь, а в глаз,
Как серых белок на охоте, —
Недаром помнят и сейчас
Отца товарищи по роте...
Я не забыл, как в старый чум
Вернулся он из Ленинграда:
Лицо — серьёзное от дум,
И на груди блестят награды.
Он снял шинель и сапоги
И мне сказал:
— Сынок, мы снова —
Охотники и рыбаки,
И грех теперь желать иного. («Отец») [6, с. 123]

Культ матери у ханты восходит к почитанию богини Каттась-Ими, дочери верховного бога Нуми-Торума. Она была отправлена божественным отцом на землю, чтобы отмерять жизни людей, одним давая душу и способствуя рождению, а у других забирая и причиняя смерть. Мать Шульгина, Евдокия Анисимовна, была простой трудящейся, знатоком народных песен, которая привила любовь к ним своим детям, и сыновняя любовь и уважение поэта к ней безмерны:

В маме души не чаю,
Нежности не таю.
В радости и в печали
Песню о маме пою.
Ни устали и ни скуки
Не признает она,

Словно стрижи, ее руки
Мелькают с темна дотемна.
Снежными, злыми ночами,
Лютый мороз не клая,
Эти руки качали,
Выхаживали меня.
А ветер ревел медведем,
Трещал промороженный чум.
Ты все отдавала детям...
Тебе поклониться хочу! («Мама») [6, с. 95-96]

Поэт пишет о новом, что прочно вошло в быт народов Севера. Микуль Шульгин изображает современность родной Югры, сравнивая её с прошлым. Он восхищается тяжелым трудом оленеводов, охотников и рыбаков, которые и в настоящем продолжают вести традиционные промыслы. Так в его произведениях появляется **тема труда**:

Белым покрывалом
Снег лежит в тайге.
За крутым увалом —
Тропочка к реке.
А мороз жжёт руки,
Склеивает сеть.
С толком, по науке
Надо всё уметь.
Я пешнёю острой
Лунки продолблю.
Это очень просто.
Дело я люблю.
Капюшон откину,
Стужа не страшна.
Разогнуть бы спину —
Аж трещит спина!
Словно бы по струнке,
Протяну шестом
Сеть от лунки к лунке...
Отдохну — потом!
Родине — спасибо.
Здесь я рос и креп.
С детства знаю: рыба —
Это тот же хлеб. («Подлёдный лов») [6, с. 109-110]

Однако, несмотря на в целом консервативный характер культуры обских угров, М.Шульгин рад переменам к лучшему на Обском Севере, где родился, вырос и жил; так в его творчество входит **тема научно-технического прогресса**:

Вместе с отцом и дедом
Смотрим во все глаза:
Висит вертолет над кедром,
Словно бы стрекоза.
Вот повисел и ходко
Пошел бочком в облака,
Точно крылатая лодка
От свежего ветерка.
Не говорим как о чуде.
Почту привез, и — привет!
...Такое придумали люди,
Чего и в сказаниях нет! («Вертолет») [6, с. 105-106]

А.Белый в статье «Жизнь и людей с каждым днём познавая...» (1975) пишет: «Сквозной мотив сборника «Благодарность» — благодарное чувство ко всем, кто помог хантыйскому народу занять равноправное место в братской семье народов СССР» [Цит. по: 8]. В результате получается уникальный художественный мир поэзии Шульгина, полный традиций и современности.

Проводя встречи с читателями ханты, М.Шульгин записывал произведения их устного народного творчества. Так в его творчестве появляются **детская тема** и сказки: «Жадная мышка», «Медведь и лиса» и др.

Воспитание детей у ханты происходит, прежде всего, через семейное воспитание, которое заключается в их обучении правилам поведения в обществе и обычаям народа. Старшие старались воспитывать в них мужество, выдержку, стойкость, рассказывая с самого раннего возраста сказки, отражающие мифологические

представления ханты. «Именно в мифологии отражен менталитет этноса, представлен психологический портрет нации, моральные нормы, связь с природой, мифологический пласт архаической культуры» [9, с. 86].

По словам А.Л.Бугаевой, У.Н.Зуевой, «традиционная культура воспитания включает в себя <...> детский фольклор, колыбельные и игровые песни, традиционные детские и молодежные праздники и различные формы народных состязаний» [10, с. 15]. Сказки Микуля Шульгина изучают в хантыйских национальных школах на уроках родного языка, потому что они несут поучительное содержание. Так, его сказка «Жадная мышка» любима многими детьми. Они любят ее инсценировать, потому что героиня сказки Мышка в любой ситуации весела и не теряет присутствия духа:

Лети, моя лодочка, легче!

Мне так надоела нора!

Греби, моё вёсельшко, крепче —

Я еду ловить осетра! («Жадная мышка») [6, с. 145]

Однако в погоне за осетром Мышка проявляет жадность, отказываясь от предложенных детьми щучьей ухи и муксуна, а согласившись угоститься осетровой икрой, ест так долго и много, что ее живот не выдерживает и лопається. Так жадная Мышка наказана за свою жадность. Однако дети зашили ей животик, и в финале сказки Мышка делает правильные и поучительные для себя и детей выводы о том, что жадность — это плохо:

В лодку они помогли ей сесть,

И Мышка перед дорогой

Сказала ребятам:

— Не буду есть

Осетровой икры так много [6, с. 147].

В сказке «Медведь и лиса» живо и увлекательно рассказывается о происхождении черных полос на спине у Бурундука, короткого хвоста у Зайца, ободранных боков у Росомахи, серой шерсти у Волка. Объясняется, почему Песец живёт на Крайнем Севере, а звери в лесу не дружат между собой. Немаловажно и то, что в данной сказке медведь показан могучим хозяином Леса, что говорит о его высоком положении среди остальных зверей и отражает мифологические представления ханты о том, что медведь — это предок человека, один из сыновей верховного бога Нуми-Торума.

Таким образом, можно заключить, что главными темами творчества М.Шульгина являются темы родины, родной природы, труда, предков, научно-технического прогресса, а также детская тема, отраженная в поучительных сказках.

В своем творчестве М.Шульгин указывает на органическую связь человека и природы, акцентируя внимание на необходимости бережного, трепетного отношения народа ханты к суровой северной природе, так как для него природа одухотворена и антропоморфна. Природа в мировоззрении народа объединяет в себе физическое, духовное благополучие человека и его рода. Нить, связывающая природу и человека, прослеживается практически через все творчество писателя: сказки, стихи.

Подводя итоги вышесказанного, можем утверждать, что М.Шульгин прошел долгий путь становления как творческой единицы и за все время он не утратил любовь к своей родной культуре, открывая ее для читателей на протяжении многих лет. Любовь ко всему существу — главная тема его произведений, начиная с масштабов всей природы и живущих в ней животных и заканчивая человеком.

1. Белькова А.Е. Лексическая актуализация разговорного стиля в структуре повествования югорского прозаика Н.И.Коняева // Вестник угрюдения. 2020. Т. 10. № 1. С. 26-33.
2. Шульгина О.М., Миляхова Ю.Г. Поэт, сказочник, переводчик: сборник трудов конференции // Зимний школьный марафон: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. школьников / Редкол.: О.Н.Широков [и др.]. Чебоксары: ЧНС «Интерактив плюс», 2020. С. 51-57.
3. Шульгин М. Мави Ас: стихи / Медовая Обь: стихи. Тюмень: Кн. изд-во, 1962. 92 с.
4. Шульгин М.И. Благодарность. Стихи. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. 96 с.
5. Белькова А.Е. Специфика синонимии как проявление номинативного варьирования в югорской поэзии: на материале творчества Владимира Алексеевича Мазина // Вестник угрюдения. 2018. Т. 8. № 1. С. 15-21.
6. Хантыйская литература: учеб. хрестоматия: [В 4-х частях]: Часть I / Сост. Е.В.Косинцева. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 388 с.
7. Рымарева Е.Н. Образ возлюбленной в романе Е.Д.Айпина «В поисках Первоземли» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 2(47). С. 156-160. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.2(47).156-160
8. Шульгин Микуль Иванович. URL: <https://map.ouipir.ru/writers/shulgin-mikul-ivanovich/> (дата обращения: 08.11.2022).
9. Бокач Д.Д., Култышева О.М. Миф, мифологизм, неомифологизм, мифологическая картина мира как специальные термины // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Т. 2. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2019. С. 86-88.
10. Бугаева А.Л., Зуева У.Н. Формирование этнического самосознания у учащихся на основе традиций Севера. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. 190 с.

References

1. Bel'kova A.E. Leksicheskaya aktualizaciya razgovornogo stilya v strukture povestvovaniya yugorskogo prozaika N.I.Konyaeva [Lexical actualization of colloquial style in the structure of the narrative of the Yugra prose writer N.I.Konyaev]. Bulletin of Ugric Studies / Vestnik ugrovedeniya, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 26-33.
2. Shul'gina O.M., Milyakhova Yu.G. Poet, skazochnik, perevodchik: sbornik trudov konferentsii [Poet, storyteller, translator: conference proceedings]. In: Shirokov O.N., ed. Proc. Of "Winter school marathon-VII". Cheboksary, 2020, pp. 51-57.
3. Shul'gin M. Mavi As: stikhyt / Medovaya Ob': stikhi [Mavi As: poems / Honey Ob: poems]. Tyumen', 1962. 92 p.
4. Shul'gin M.I. Blagodarnost'. Stikhi [Gratitude. Poetry]. Sverdlovsk, 1975. 96 p.
5. Bel'kova A.E. Spetsifika sinonimii kak proyavleniye nominativnogo varirovaniya v yugorskoj poezii: na material tvorchestva Vladimira Alekseyevicha Mazina [Specificity of synonymy as manifestation of nominative variation in Yugra poetry: on the materials of the creative work of Vladimir Alekseevich Mazin]. Bulletin of Ugric Studies / Vestnik ugrovedeniya, 2018, no. 8(1), pp. 15-21.
6. Kosintseva E.V., comp. Khantyyskaya literatura: ucheb. Khrestomatiya [Khanty literature: educational reader] in 4 parts, part 1. Khanty-Mansiysk, 2010. 388 p.
7. Rymareva E.N. Obraz vzlyublennoy v romane E.D. Aypina "V poiskakh Pervozemli" [The image of the Beloved in the novel "In search of the First Earth" by E.D.Aypin]. Memoirs of NovSU, 2023, no. 2(47), pp. 156-160. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.2(47).156-160
8. Shul'gin Mikul' Ivanovich [Shulgin Mikul' Ivanovich]. Available at: <https://map.oupiir.ru/writers/shulgin-mikul-ivanovich/> (accessed: 08.11.2022).
9. Bokach D.D., Kultysheva O.M. Mif, mifologizm, neomifologizm, mifologicheskaya kartina mira kak spetsial'nye terminy [Myth, mythologism, neomythologism, mythological picture of the world as special terms]. Proc. of "Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy-VII", vol. 2. Nizhnevartovsk, 2019, pp. 86-88.
10. Bugaeva A.L., Zueva U.N. Formirovanie yetnicheskogo samosoznaniya u uchashhihsya na osnove traditsiy Severa [Formation of ethnic self-awareness among students on the basis of the traditions of the North]. Khanty-Mansiysk, 2002. 190 p.

Kultysheva O.M., Yakovinov M.V. Thematic variety of M.Shulgin's creativity. The article explores the themes characteristic of the work of the Khanty writer M.I.Shulgin (1940—2007). This study proceeds from the fact that the writer and his works are insufficiently studied in domestic literary criticism. Little attention is paid to the poetic works of M.Shulgin only in the regional curriculum. The main research methods are the analysis of scientific literature on the research topic, the cultural-historical method that studies the reflection of a cultural era in a work of art, hermeneutics aimed at interpreting the text and the method of system-holistic analysis of a literary work. As a result of the study, the following conclusion is drawn: the themes characteristic of M. Shulgin's work mainly reflect the mythological and cosmological ideas of the Ob Ugrians, namely, the Khanty people. These are such themes as the themes of the motherland, native nature, ancestors. However, Shulgin, stating the irreversibility of the changes brought by modernity to the Khanty's life, cultivates in his work such themes as the theme of labour, scientific and technological progress. A special place in Shulgin's work is occupied by the children's theme, which is also associated with the idea of the Khanty people that the upbringing of children should take place through familiarization with the people's culture through fairy tales that reflect their mythological ideas.

Keywords: M.Shulgin; creativity; subject matter; Khanty; mythology; cosmic ideas.

Сведения об авторах. Ольга Михайловна Кулышева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии, лингводидактики и перевода гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»; ORCID: 0000-0002-3916-9896; kultisheva@inbox.ru; Максим Вячеславович Яковинов — директор Муниципального бюджетного образовательного учреждения «Русскинская СОШ»; магистрант кафедры филологии, лингводидактики и перевода гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»; ORCID: 0009-0008-0236-4808; makar04122019@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Кулышева О.М., Яковинов М.В. Тематическое разнообразие творчества М.Шульгина // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 371-376. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).371-376

For citation: Kultysheva O.M., Yakovinov M.V. Thematic variety of M.Shulgin's creativity. Memoirs of NovSU, 2023, no. 4(49), pp. 371-376. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).371-376

А.В.Харитонов

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В МАЛОЙ ПРОЗЕ А.ВАРЛАМОВА

В статье автор обращается к женским образам в малой прозе А.Варламова. Творческий метод писателя, причисляемый исследователями к духовному реализму, позволяет раскрыть особенности женских характеров через призму христианской аксиологии. Женские образы, созданные Варламовым, отличаются особой внутренней духовной силой, как правило, не присущая мужским образам в его произведениях. В ходе анализа установлены типологические параллели героинь с образом бабушки писателя, Марии Анемподистовны, воплощенной автором в его повести «Ева и Мясоедов». Героини произведений «Ангел», «Вальдес» объединены идеей жертвенного служения; идея духовного преображения связана с образом Марии из рассказа «Таинство». Сложная система христианских мотивов сопровождает образ Лизы Непомилуевой из рассказа «Звездочка» и помещает его в контекст агиографической традиции. Аксиологический императив, несущий в себе идею спасения и преображения мира и ближнего, отличает женские образы А.Варламова и утверждает их в константах национальной духовной традиции.

Ключевые слова: А.Варламов, современная русская проза, рассказ, мотив, женский образ, духовный реализм, христианская аксиология

В одном из интервью А.Варламов с сожалением заметил, что малая проза находится «на обочине» внимания современных отечественных литературных критиков [1]. Это сожаление, высказанное писателем не только применительно к его творчеству, но к литературному процессу в целом, вполне обоснованно, поскольку именно в малой прозе формируется представление не только о типовых персонажах писателя, их доминантных чертах, но и об общей аксиологической направленности творчества автора.

Анализируя прозу Варламова, Т.Федорова [2], Б.Ничипоров [3], И.Аванесян [4] и другие говорят о ней как о транслирующей христианские ценности, относя метод автора к духовному реализму [4, с. 105-106], «под которым понимается обличение христианских идеалов в художественную форму» [5, с. 74], а условием для его реализации является «православный тип мировосприятия художника» [5, с. 74]. С этим согласуется утверждение А.Варламова о том, что «книгу надо сначала прожить» [1].

Обращение к личному опыту, к «семейному преданию» автора — а именно такой подзаголовок дан повести «Ева и Мясоедов» — представляется нам перспективным для анализа женских образов в творчестве Варламова, теме, еще не затронутой исследователями. Особенности женского характера, воплощенные в образе бабушки писателя Марии Анемподистовны, перед которым, по его собственному признанию, с годами автор склоняет голову все «сильнее» [6, с. 223], находят отражение в героинях целого ряда произведений. В статье мы обратимся к женским образам повести «Ева и Мясоедов», «Вальдес», рассказов «Ангел», «Таинство», «Звездочка» и проследим *типологические параллели* между героинями, определив доминанты их образов.

Как мы уже говорили, образ Марии Анемподистовны, бабушки писателя, автор воплотил в повести «Ева и Мясоедов». По мнению А.Рудалева, вся «книга «Ева и Мясоедов» — <...> поклон бабушке» [7], оказавшей влияние на формирование личности А.Варламова. Через призму ее образа писатель выделяет в женщине «главное достоинство и предназначение», заключающееся «не в том, чтобы готовить, шить, стирать, гладить и печатать» [6, с. 204]. Бабушкина жизнь была посвящена *спасению* других: она «устраивала чужие дела, устраняла конфликты и умирляла чужие страсти, к ней шли, тянулись, ей доверяли, ей слушались, ей подчинялись» [6, с. 204]. По мнению Варламова, такую жизнь, проникнутую идеей спасения, его бабушка несла как «поручение, своего рода послушание» [6, с. 204], что в сознании автора помещает ее образ в синергичный контекст. При внешней твердости и крепости характера, умении стойко преодолевать испытания, Мария Анемподистовна «никогда не заносилась, не относилась ни к кому свысока, в ней <...> присутствовал <...> дар взыскующей, терпеливой любви, и в характере ее было что-то от властной игуменьи в миру» [6, с. 205]. Обратим внимание, как акцентирует автор бабушкину способность видеть в другом своего ближнего и сострадать ему: «она за всех переживала — и за детей, и за детей детей, и за двоюродных сестер, и за своих сватов, <...>, каждую житейскую беду и неустройство она воспринимала как собственное горе, а каждую радость — как свой праздник. <...> Сердце ее вмещало всех и за всех болело» [6, с. 213].

Через призму авторского мировоззрения бабушка предстает подвижницей, едва ли не праведницей, как на духовном, так и внешнем, телесном уровне. При этом образ бабушки, пронизанный явными аллюзиями к евангельским заповедям, содержит и внутренний душевный конфликт: автор говорит о ней, как об отречшейся «от дара веры» [6, с. 205]. Отречение это связано с личной трагедией, когда супруг оставил ее, беременную, с маленькими детьми в голодные времена и ушел навсегда. Бабушка, благодаря чудесным обстоятельствам, не смогла сделать аборт и избавиться от дочери, ставшей впоследствии матерью писателя. В этом чуде автор усматривает явное провиденциальное начало: «ангел Господень уберет неразумную женщину от греха» [6, с. 159]; или, как он скажет о чуде спасения его дяди: «дядюшку моего уберет тот самый ангел, который был приставлен к нему вопреки воле его неразумной, но тайно благословенной матери» [6, с. 193]. Обратим

внимание на эпитет «неразумная», который Варламов использует по отношению к бабушке. В контексте образа Марии Анемподистовны, в авторском сознании *несущей послушание, словно игуменья в миру*, это отречение от веры видится внешним, *от «разума»*, не понимающего Божий промысел, тогда как *сердце* бабушки открыто Богу через любовь к ближним, соединено с Ним в этой любви к человеку. Трагедия богоотречения переживается на личностном уровне, глубокая обида Марии Анемподистовны обращена к Богу как Личности, отречение в этом контексте не равняется атеизму и богоборчеству. Наоборот, автор видит здесь «свидетельство глубокой личной веры», когда «бабушка <...> прощала все мужу, и ничего — Богу» [6, с. 159], фактически, находясь с Ним во *внутренней неразрывной связи*. Эта внутренняя связь традиционна для человека смиренного типа, смирение которого простирается перед совестью, — «оком» Бога в человеческой душе

Говоря о своем деде, чьей «второй натурой» была «провокационность» [6, с. 219], принесшая бабушке столько горя, Варламов приходит к выводу, что она, бабушка, «своими страданиями облегчила его земную участь» [6, с. 222]. В образе Марии Анемподистовны для нас значимо именно авторское понимание доминанты идеального женского образа (а образ бабушки для автора, несомненно, является таковым): любовь к ближнему, способность к сопереживанию и самопожертвованию, самоотречение, бескорыстная помощь, направленные на спасение другого.

Возможно, именно такой опыт и послужил источником типологических черт, легших впоследствии в основу мужских и женских образов в прозе автора. Мужской образ, как правило, представлен «варламовским» типом героя — искателем истины, появление которого связано с кризисным, рубежным моментом в российской истории [2, с. 67]. Для такого героя характерно отсутствие «жизненных ориентиров» [2, с. 67]. Как мы увидим далее, именно с женским образом связана «ситуация духовного катарсиса как пробуждения души и постижения Истины» [4, с. 106] мятущимся героем. Обратимся к произведениям, демонстрирующим идею спасения такого героя, расположив их по степени возрастания от физического к душевному и духовному уровням.

Мотив женской жертвенности и спасения ею мужчины раскрыт автором в повести «Вальдес». Автор относит эту повесть к ряду произведений, не оцененных, «просмотренных» исследователями: «разбираться <...> о чем они (произведения, — А.Х), почему и зачем, всерьез никто не захотел» [1]. Перед читателем предстают образы «трех обалдуев», студентов-путешественников, которые «изредка появлялись на занятиях, собирали вокруг девок, показывали фотографии и рассказывали страсти про бочки и пороги» [8]. Чтобы получить зачет по марксистско-ленинской философии, Никита, Вилиа и Анастас берут с собой в поход дочку преподавательницы Александру Вальдес. В дикой местности, экстремальных обстоятельствах, вдали от цивилизации обнажается суть каждого героя. Автор словно нарочито ставит мужские и женские образы на разные полюса: стыдливости и невинности Вальдес, ее терпению и выдержке, безропотности в тяготах противопоставляются мужские несдержанность, необязательность, нестойкость, потакание инстинктам и т.д. Когда Вальдес искушали комары, а «все тело превратилось в кусок кошмарной, кричащей, лопающейся плоти» [8], трое друзей «не стеснясь в голос принялись ругаться, какого черта им это все надо и почему они должны тащить ее вещи, отдельную палатку и ее саму, когда она тут упадет. А что думала Вальдес, в голову не брали» [8]. Кульминационным моментом выступает сюжетный элемент, демонстрирующий жертвенность героини: собрав последние силы, Сашка уходит на поиски еды для умирающих от голода парней и встречает манси, которые готовы отдать ей еду *за нее саму*. В этом сюжете раскрывается образ женщины, способной дойти до края самоотречения и самоуничтожения ради спасения другого, что в какой-то мере отсылает нас к образу Сони Мармеладовой, пожертвовавшей собой для семьи. Однако физическое спасение трех друзей, приобретенное стыдливой «до невообразимости» Вальдес страшной ценой, не содействовало их перемене: скоро они уже «купались, варили уху, рыбачили, потом впервые за весь поход начали фотографироваться, и казалось, не было ни голода, ни жары, ни оводов — обычный классный поход» [8].

Мотив пробуждения души связан с типом героини-подвижницы в рассказе «Ангел». Перед нами предстает образ «русской праведницы, образованной одинокой «маленькой женщины», ставшей самоотверженной хранительницей заброшенных, обветшавших церковей в захолустном «городке на отшибе»» [3, с. 98]. Единственным собеседником и другом для Любви становится монастырский сторож Анисим Иванович. Женщина не только стремится дать новую жизнь заброшенному монастырю, но и пробудить в местных жителях живую искру: «Но люди-то, обычные люди, почему они на всё так спокойно смотрят? К кому я ни обращалась, просила помочь, ну хоть мусор убрать, — молчат или в глаза смеются» [9]. Тем временем главные изменения происходят не на внешнем уровне, а в сердце старика, который теперь смотрит на окружающий мир глазами маленькой подвижницы: «Не обременявший себя никогда лишними переживаниями, ко всему покорный, а в последние годы и равнодушный, Анисим Иванович вдруг стал думать о том, что жизнь его почти что прожита, и прожита как-то нелепо, <...> и ничего <...> у него и не осталось, и после ничего не останется» [9]. Герой приходит к осознанию внешней пустоты и иллюзорности вследствие оторванности человека от Бога, признаки которой он видит в том, что «люди перестали быть людьми, одичали, обессовестились» [9]. Этот внутренний рост героя, углубление его мировоззрения становится главным достижением Любви, ассоциирующейся у сторожа с ангелом, сидящим над монастырскими воротами, который «пока не настал ему час громогласно протрубить свою последнюю страшную песнь, тихо что-то играет» [9].

Мотив духовного преображения главного героя с особой силой звучит в рассказе «Таинство». Его можно отнести к ряду произведений, где «сквозными сюжетами <...> оказываются открытия персонажами

Божественного присутствия, их драматичное пребывание на пороге Церкви, история их воцерковления, а иногда и опыт пастырского служения» [3, с. 92]. Действие разворачивается в Страстную Субботу накануне Пасхи. Перед нами раскрывается трагедия священника, который перестал в Евхаристии видеть Таинство, сакральное и центральное событие в жизни христианина: «<...> значит, действительно никакого Таинства нет, все мертво — наша вера, наша жизнь, наши души, а хлеб в Чаше так и остается хлебом, а вино — вином» [10].

Для теряющего веру священника его женская паства (в перечне причастников на 10 женских имен упоминаются только два мужских), «все эти Анны, Любви, Надежды» [10], сливается воедино, в «толпе» он уже не видит личности, забывая о том, что цель самого существования Церкви — дело *личного спасения и личного уподобления* Христу каждого человека. Преображение священника происходит в страшный по своей сути момент: дьякон бесцеремонно отстраняет неловкую женщину от Таинства Евхаристии. «Ее толкали люди, а она совсем потерялась и пошла не в тот узкий проход, по которому шли причастники, а вломила в самую толпу, и до священника долетало:

— Боженька, Боженька, что делать-то? Грех-то какой, Боженька.

— Да куда ж ты прешь, а?

— Боженька, как же я теперь буду?

— Ступайте, женщина, ступайте» [10].

Отверженная людьми, по своему смирению («Боженька, как же я теперь буду?») женщина не отвержена Богом: «И тут священника точно что-то толкнуло, и в мгновение все открылось ему, полоснуло по глазам резким светом» [10]: в темноту человеческой души, духовной слепоты, таинственно врывается благодать. И священник видит женщину уже не своими глазами, а через призму Божественного взора: он увидел «всю ее жизнь — непосильную, замордованную, <...>, — голод, нужда, война, снова голод, и так изо дня в день, только одно воспоминание, как в детстве мать перед Пасхой к причастию водила, как яйца красила, как кулич пекла, <...>, и как теперь, мужа схоронив, вспомнила она и пошла в храм, как страшно было после стольких-то лет, но услышала она в себе робкий нежный зов: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные», и пришла к Таинству, к Телу и Крови Христовой, только вот как руки правильно сложить, позабыла...» [10].

Обратим внимание, с какой любовью и как проникновенно автор рисует портрет этой женщины, на чью долю выпали тяжкие испытания войны и голода. Это роднит ее с образом бабушки писателя, может быть, оттого и неслучайно автор называет свою героиню Марией. Она способна услышать «робкий нежный зов» Бога. Глубокое смирение кроется в ее душе, во всей ее горькой жизни остался только один смысл и один источник дарования этого смысла и утешения — Бог и Евхаристия. Поэтому и ее слова, «Боженька, как же я теперь буду?», звучат не ропотом, но молением Богу, без Которого вся жизнь бессмысленна. Перед нами пример глубокой веры, практически детской. В этом чудесном сюжете отчетливо звучит заповедь Божия: «По вере вашей да будет вам» (Мф 9:29), когда Господь ради смиренной веры женщины и укрепления ее в этой вере спасает другого человека.

Пример чистой детской веры явлен в образе Лизы Непомилуевой из рассказа «Звездочка». Поэтика этого образа раскрывается через призму евангельских ценностей и Священного Предания, о чем мы уже говорили в статье «Агиографическая традиция в рассказе А.Варламова «Звездочка» [11]. Обращение к агиографическим мотивам при создании образа маленькой христианки неслучайно, ведь по признанию автора, для него «очень важен святоотеческий мир, русская и вообще шире — православная агиография» [12]. Лиза Непомилуева, чья история пронизана мотивами, присущими мученическому житию, чей образ раскрывается в пространстве заповедей блаженств, является идеальной героиней с точки зрения христианской аксиологии. Тип ее подвига схож с подвигом новомучеников XX века, что подтверждает подвиг не только ее, как отдельной личности, но — шире — русского народа, когда «пережив «несказанные муки», Россия вновь подтвердила свою любовь к Господу, к Правде, свой выбор — крестный путь Христов, а не «земной рай» [13, с. 5].

Итак, женские образы в малой прозе А.Варламова отличаются направленностью героинь на спасение и преобразование мира и личности, что проявляется как в физическом, нравственном, так и духовном плане. Идеальный тип героини малой прозы Варламова — тип женщины-подвижницы. Идея подвига сопряжена с идеей жертвы и проявляет себя на различных уровнях: внешне-телесном («Вальдес»), душевном («Ангел»), духовном («Таинство», «Звездочка»). Идея духовного преобразования раскрывается в пространстве религиозного контекста: образ героини рассказа «Таинство» отличает детская вера, внутреннее смирение. Идеальный образ маленькой христианки, следующей мученическим путем Христа, явлен в рассказе «Звездочка». Также в рассмотренных образах можно выявить их смысловую соотнесенность с бабушкой А. Варламова, Марией Анемподистовой, чей образ, повлиявший на мировоззрение автора и выраженный им в повести «Ева и Мясоедов», отличает доминанта самоотверженной жертвенной любви к человеку. Жертвенность, терпение, служение людям, смирение перед Богом, — отличительные черты женских характеров малой прозы автора, что позволяет говорить о них как причастных христианской аксиологии.

1. Прилепин З. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия (интервью с Алексеем Варламовым) [Электр. ресурс] // Персональный сайт З.Прилепина. URL: <http://zaharprilepin.ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksej-varlamov-.html> (дата обращения: 01.03.2023).

2. Федорова Т.А. Воплощение мотива судьбы в романе А.Варламова «Лох» // Гуманитарные исследования. 2008. № 2(26). С. 66-70.
3. Ничипоров И.Б., священ. Человек на пороге Церкви в рассказах А.Варламова // Труды Коломенской духовной семинарии. 2022. № 1(16). С. 92-102.
4. Аванесян И.Б. Символика православного календаря в творчестве А.Варламова // Научный диалог. 2018. № 7. С. 104-113. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-104-113
5. Редькин В.А. Духовный реализм как литературоведческая категория // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2020. Т. 8. № 2(16). С. 69-86.
6. Варламов А.Н. Ева и Мясоедов [повести, эссе]. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 540 с.
7. Рудалев А. Найти крепость. [Электр. ресурс] // Литературная газета. 2021. № 15(6780). 14.04.2021. URL: <https://lgz.ru/article/15-6780-14-04-2021/nayti-krepost/> (дата обращения: 10.03.2023).
8. Варламов А. Валдес [Электр. ресурс] // Портал Азбука веры. Художественная литература. URL: https://azbyka.ru/fiction/valdes-aleksey-varlamov/?full_text=1 (дата обращения: 10.03.2023).
9. Варламов А. Ангел [Электр. ресурс] // Портал Литературная Россия. URL: <https://litrossia.ru/item/7789-aleksey-varlamov-angel/> (дата обращения: 10.03.2023).
10. Варламов А. Таинство [Электр. ресурс] // Портал Православие.ру. URL <https://pravoslavie.ru/6140.html> (дата обращения: 15.03.2023).
11. Харитонова А.В. Рецепция агиографической традиции в рассказе А.Варламова «Звездочка» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 252-271. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11602
12. Сегенъ А. Показать восхождение русского человека во всей его полноте. Беседа с А.Варламовым [Электр. ресурс] // Портал Православие.ру. URL <https://pravoslavie.ru/79574.html> (дата обращения: 15.03.2023).
13. Балашова Е.Г., Шестакова С.М. Применение художественных произведений в курсе занятий, посвященных изучению жизни и подвига новомучеников и исповедников Церкви русской [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 2(14). Ст. 3. URL: <https://portal.novsu.ru/file/1442185> (дата обращения: 10.03.2023).

References

1. Prilepin Z. Nashemu narodu nado prosit' u Neba ne spravedlivosti, a miloserdia (interv'yu s Alekseem Varlamovym) [Our people should not ask Heaven for justice, but for mercy (interview with Alexei Varlamov)]. Available at: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksey-varlamov-.html> (accessed: 01.03.2023).
2. Fedorova T.A. Voploshhenie motiva sud'by v romane A.Varlamova "Loh" [The embodiment of the motif of fate in the novel of A.Varlamov "Loh"]. Gumanitarnye issledovaniya, 2008, no. 2(26), pp. 66-70.
3. Nichiporov I.B., priest. Chelovek na poroge Cerkvi v rasskazah A.Varlamova [Man on the Threshold of the Church in Varlamov's Stories]. Trudy Kolomenskoy duhovnoy seminarii, 2022, no. 1(16), pp. 92-102.
4. Avanesyan I. B. Simvolika pravoslavnogo kalendarya v tvorchestve A.Varlamova [Symbols of Orthodox Calendar in A.Varlamov's Works]. Scientific dialogue, 2018, no. 7, pp. 104-113. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-104-113
5. Red'kin V.A. Duhovnyy realizm kak literaturovedcheskaya kategoriya [Spiritual realism as a literary category]. Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury, 2020, vol. 8, no. 2(16), pp. 69-86.
6. Varlamov A.N. Eva i Myasoedov [povesti, esse] [Eva and Myasoedov [novels, essays]. Moscow, 2021. 540 p.
7. Rudalev A. Nayti krepost' [To find a fortress]. Available at: <https://lgz.ru/article/15-6780-14-04-2021/nayti-krepost/> (accessed: 10.03.2023).
8. Varlamov A.N. Val'des [Valdez]. Available at: https://azbyka.ru/fiction/valdes-aleksey-varlamov/?full_text=1 (accessed: 10.03.2023).
9. Varlamov A.N. Angel [Angel]. Available at: <https://litrossia.ru/item/7789-aleksey-varlamov-angel/> (accessed: 10.03.2023).
10. Varlamov A.N. Tainstvo [The Sacrament]. Available at: <https://pravoslavie.ru/6140.html> (accessed: 15.03.2023).
11. Kharitonova A.V. Reception of the Hagiographic Tradition in A.Varlamov's Story "Star". The Problems of Historical Poetics, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 252-271. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11602
12. Segen' A. Pokazat' voshzhdenie russkogo cheloveka vo vsej ego polnote. Beseda s A.Varlamovym [To show the ascent of Russian man in its entirety. Conversation with A.Varlamov]. Available at: <https://pravoslavie.ru/79574.html> (accessed: 15.03.2023).
13. Balashova E.G., Shestakova S.M. Primenenie hudozhestvennykh proizvedeniy v kurse zanyatiy, posvjashhennykh izucheniju zhizni i podviga novomuchenikov i ispovednikov Cerkvi russkoy [The use of artistic works in the course of lessons devoted to study of life and heroic deed of the New Martyrs and Confessors of the Russian Church]. Memoirs of NovSU, 2018, no. 2(14), art. 3. Available at: <https://portal.novsu.ru/file/1442185> (accessed: 15.03.2023).

Kharitonova A.V. Female images in A.Varlamov's short prose. In the article, the author refers to female images in A.Varlamov's short prose. The creative method of the writer, considered by researchers to be spiritual realism, allows us to reveal the features of female characters through the prism of Christian axiology. Female images created by Varlamov are distinguished by a special inner spiritual force, as a rule, not inherent in male images in his works. In the course of the analysis, typological parallels of the heroine with the image of the writer's grandmother, Maria Anempodistovna, embodied by the author in his story "Eva and Myasoedov" are established. The heroines of the works "Angel", "Valdez" are united by the idea of sacrificial service, the idea of spiritual transformation is connected with the image of Mary from the story "The Sacrament". A complex system of Christian motives accompanies the image of Lisa Nepomiluyeva from the story "The Little Star" and places it in the context of the hagiographic tradition. The axiological imperative, which carries the idea of salvation and transformation of the world and neighbor, distinguishes the female images of A.Varlamov and asserts them in the constants of the national spiritual tradition.

Keywords: A.Varlamov, Modern Russian prose, short story, motif, female character, spiritual realism, Christian axiology.

Сведения об авторе. Анна Владимировна Харитоновна — аспирант; ОНК «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта; ORCID: 0000-0002-1643-6963; anna_denisovaphij@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Харитоновна А.В. Женские образы в малой прозе А.Варламова // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 377-381. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).377-381

For citation: Kharitonova A.V. Female images in A.Varlamov's short prose. Memoirs of NovSU, 2023, no. 4(49), pp. 377-381. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).377-381

Л.А.Юрчук

**ОБХОДЫ «СО ЗВЕЗДОЙ» В КОНТЕКСТЕ СЯТОЧНОЙ ОБЯДНОСТИ ПСКОВО-ПЕЧОРСКОГО
ОБОЗЕРЬЯ И ВЕЛИКОРЕЧЬЯ**

В статье на основе анализа материалов фольклорного архива Псковского государственного университета, записанных на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья в ходе фольклорных экспедиций 1970-х — 2000-х гг., продемонстрирован процесс взаимопроникновения архаической и христианской обходных традиций в период Святков. Его действием обусловлено размывание на большей части рассматриваемой территории границ между колядованием и славлением Христа. Это проявляется в используемой по отношению к обходам терминологии, в перенесении на рождественский обход «со звездой» свойственной колядованию традиции ряжения, а также в содержании текстов, которые исполнялись христославами и включали в себя такие структурные элементы коляд, как требование подарка и угрозы скупым хозяевам. Осмыслена роль «звезды» как к обобщенного символа праздника, представлен свод данных о способах ее изготовления и использования в качестве регламентированного народной традицией атрибута.

Ключевые слова: колядка, сяточный обрядовый комплекс, обрядовый обход дворов, рождественская «звезда»

Период от Рождества до Крещения (Святки) занимает особое место в народном календаре, поскольку связан с представлением о повороте года на лето, к возрождению жизни [1]. Сяточные дни отмечены совершением множества архаических обрядовых действий, в течение веков переживших существенную трансформацию под влиянием христианства. По словам Л.Н.Виноградовой, из числа многообразных сяточных обычаев «в наибольшей степени восприняло новые элементы и символы христианского культа» колядование, поскольку церковь стремилась придать колядным обходам «новое идеологическое содержание» [2, с. 35]. Однако следствием этих усилий для большинства славянских регионов стало не «замещение» колядных обходов дворов их обходами христославами, а «удвоение» обрядовой ситуации, когда крестьянские дворы обходили последовательно две процессии, для каждой из которых нашлась своя «ниша» в структуре обрядового комплекса. Той же причиной объясняется и проницаемость структуры каждого из двух названных обходов для элементов другого.

Материалом данного исследования стали фольклорные записи 1970-х — 2000-х гг., сделанные в ходе экспедиций Псковского государственного университета на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья (Псковский, Печорский, Палкинский, Островский и Пыталовский районы Псковской области): более 1 тыс. записей, содержащих информацию о сяточной обрядности, которая сохраняет следы некогда детально разработанного обрядового комплекса [3, с. 5]. Из этого массива текстов нас будут интересовать прежде всего те, которые содержат информацию о сяточных обходах дворов «со звездой». Исторические свидетельства о таких обходах, известные с XVII в., и этнографические их описания XIX—XX вв. позволяют составить суждение о широкой сфере их бытования в восточнославянском мире [2, с. 35].

Архив ПсковГУ содержит 152 записи, в которых упоминаются обходы «со звездой». Их главным отличительным признаком было ношение специально изготовленного обрядового предмета — макета звезды, которая с распространением христианской веры стала одним из важнейших атрибутов Святков. Апелляция к звезде как к обобщенному символу праздника, ее изготовление и использование в качестве регламентированного народной традицией атрибута мотивировано евангельским преданием о прибывших с Востока для поклонения новорожденному Иисусу волхвах, которым указала путь к Младенцу Вифлеемская звезда [4]: «Звезду носили, потому что, когда родился Иисус Христос, появилась звезда на небе. Чтобы знали, что Спаситель родился. <...> Вот и пошли христославить» (зап. в 2001 г. в пос. Лавры Печорского р-на, инф. 1913 г.р.).

Появление в небе в рождественский Сочельник первой звезды расценивалось как знак окончания предшествующего календарного периода, маркированного постом, и перехода от повседневности к сакральному времени: «На Рождество нам мама больше постное давала, нам есть не давала. До зьявзды. А как зьявзда пройдет, тогда можно поесть» (зап. в 2000 г. в д. Гусинец Печорского р-на, инф. 1919 г.р.). Появление первой звезды служило сигналом для начала обхода дворов: Христа славить «ходили после первой звезды» (зап. в 2000 г. в д. Вязьмово Печорского р-на, инф. 1943 г.р.). Вечером 6 января христославы обходили дворы с пением ирмоса канона; рождественским утром они исполняли тропарь и кондак. Обход домов с пением рождественских молитв имел магический смысл [5, с. 216] и совершался, по преимуществу, группой детей или подростков мужского пола; в деревнях Жоговской вол. Пыталовского р-на христославили певчие местной церкви, которые начинали обход по окончании рождественской службы и которых хозяева обязательно приглашали в дом. Вошедшие в дом христославы исполняли тропарь под иконой, перед которой хозяева зажигали лампаду.

В свою очередь, колядовщики могли совершать обход как в рождественский Сочельник (Печорский р-н), так и в любой день Святков (Палкинский, Островский, Пыталовский р-ны). Колядование совершалось, главным

образом, молодежью или группой молодых замужних женщин (реже — *бедными, побирахами*) и, по преимуществу, под окнами дома, что типично для русской традиции колядования [6, с. 28].

Два обхода дворов — христославцами и колядовщиками, которые приносили благую весть о рождении Христа, обновлении мира и грядущем благоденствии хозяев дома, фиксируются на всей территории Псковско-Печорского Обозерья и Великоречья. В то же время утверждение о том, что оба обхода являлись здесь «обязательными» [7, с. 239] требует уточнения: в ряде мест нами записаны сообщения об отсутствии традиции колядования (напр., в д. Моложва Печорского р-на, в д. Гверздонь Псковского р-на). По мере христианизации колядные песни вытеснялись тропарями [2, с. 7; 8, с. 163]. В последние же десятилетия постепенное угасание архаической обрядовой практики, с одной стороны, и усилия сельских священников по возобновлению рождественских обходов со сбором даров в пользу церкви, с другой, привело к тому, что старожилы чаще сохраняют в памяти рождественские молитвы и в меньшей степени и, как правило, фрагментарно — тексты колядок и виноградий.

Отмеченными процессами взаимопроникновения архаической и христианской обходных традиций обусловлено размытие на большей части рассматриваемой территории границ между колядованием и славлением Христа, которое заимствовало некоторые элементы колядования. Рассмотрим их последовательно.

I. Отмеченное влияние проявляется в *терминологии*, применяемой по отношению к данным обрядовым ситуациям. Если обходы дворов колядовщиками терминологически определяются как *колядовать, кликать коляду, отпевать коляду, цыганить*, а участники обхода именуются *колядовщиками, ко́лидами, колядо́вами*, то обход дворов с исполнением рождественских песнопений определяется не только как *христославить, славить Христа, славить*, но и *колядовать* (д. Горино Палкинского р-на, дд. Загорье, Красиковщина, Смержаха Псковского р-на, дд. Гавры, Новожены, Ритупе, Савкино, Сташи, Стехны, Пышково Яшково Пыталовского р-на), а участников обхода именуют как *христославы, христославцы*, так и *колядовщики* (дд. Красиковщина, Ширяево Псковского р-на, дд. Дулбы, Коровск, Новожены, Стехны Пыталовского р-на) и даже *цыгане* (д. Ритупе Пыталовского р-на). Особенно много подобных примеров содержат записи из Пыталовского р-на: «С вечера колядовали — до четырех часов утра ездили, до службы пели божественную: “Рождество твоё, Христе Боже наш...”» (зап. в 1999 г. в д. Стехны Пыталовского р-на, инф. 1920 г.р.).

Главным отличием христославов было ношение ими *звезды*. Однако взаимопроникновение элементов соседствовавших по времени обрядовых действий славления Христа и колядования привело к тому, что, во-первых, «со звездой» могли совершать обход и колядовщики (пос. Пыталово, д. Ступаны Пыталовского р-на, д. Середка Псковского р-на, д. Полены Палкинского р-на). Во-вторых, в отдельных случаях отмечаются сдвиги в терминологии, имеющей отношение как к колядованию, так и к обходам «со звездой»: наш материал содержит множество примеров именования *звезды* — *Колядой* (дд. Гордище, Трушки, Черепагино Островского р-на, г. Остров, дд. Долгоборье, Стехны Пыталовского р-на), на что Л.Н. Виноградова указывала как на характерную черту северно-русской традиции.

Рассказы псковских старожиллов воссоздают процесс изготовления *звезды*, однотипный для большинства славянских регионов. Обруч от старого решета расщепляли, вставляли одну часть в другую крест накрест, чтобы получилось подобие сферы (иногда четырех- или шестигранника), оклеивали разноцветной («красивой» / блестящей) / «вытяжной» / «жатой» / «ёжиной» бумагой, нередко промасленной, оставляя «окошко» для установки свечи или лампадки. В локальных традициях на эту «основу» нанизывались дополнительные элементы. Так, в д. Подсосно Псковского р-на на поверхности изготовленного ритуального объекта рисовали звезду; в д. Понизовье Псковского р-на — кресты.

Звезду украшали:

- «картинками из Священного Писания» / «божественными картинками» / «иконками» (Псковский, Печорский, Палкинский р-ны),
- вырезанными звездами (Псковский, Печорский, Пыталовский р-ны),
- лентами (Псковский, Печорский, Палкинский р-ны),
- цветами (Псковский, Печорский, Пыталовский р-ны),
- «кисточками» / «кистями» / «кисточками» (Псковский, Печорский, Палкинский р-ны): «и так от калышутся эти кисточки»,
- несколькими «лучинками» (д. Гверздонь Псковского р-на),
- делали «рожки» / «роги» (Псковский, Печорский, Островский р-ны): «Рожки сделают, пять таких ражочков навярху», «роги были мелкие резанные <...>: бумагу разрезать, она так шевелится».

Звезду водружали на длинный шест, поднимали к окну дома и вращали («варачили»): «А.И.: Был вяртёп, и было так: с двум сторонам. В вяртёп — была пять сторон, вёртишь несколько, там пять картин была нарисован на этом» (зап. в 1997 г. в д. Митковицы Печорского р-на, инф. 1910 г.р.); «Сделана Коляда. <...> А Коляда такая у него, у Миши этого — решатё, где сеять мукё. Ну, они крястём от так делают, получался такой, круглая, и бумагой там, свечка. И как он там? Наверно, кони нарезаны чёрные. Звьязда сама красная, а кони чёрные. Крутит он быстро эту Коляду» (зап. в 1999 г. в д. Городище Пыталовского р-на, инф. 1922 г.р.).

Если в Псковском и Печорском районах *звезду* изготавливали по преимуществу из обода старого решета, то в Островском и Пыталовском р-нах в качестве нее нередко использовались готовые фонари, в связи с чем и сам обрядовый объект именовался *фонарём*. Фонари могли быть изготовлены и собственноручно участниками обхода: из дерева, фанеры или даже соломы: «Это постаршие делали соломенный фонарь» (д. Гверздонь

Псковского р-на). Если в роли христовославов выступали дети, то изготовлением звезды занимались старшие: «Это делал дед всё время нам», «Я сама делала рябяткам», «Нам справляли старики».

Выразительна эмоциональная оценка, неизменно сопровождающая описание жителями псковских деревень звезды: «красивая-красивая», «хорошая звезда-то, ясная такая»; «фонарь очень красивый, так и переливается весь». Удивительное устройство звезды, исходивший от нее в темноте зимней ночи свет, необычайность самого действия, на время прерывавшего привычное течение будней и преображавшего крестьянский двор, а затем и красный угол дома, заставляли жителей псковских деревень с нетерпением ждать прихода христовославов, воспринимались как наглядное воплощение рождественского чуда: «С детства-то — рад выбить акно, поглядеть эту звяздзду» (зап. в 1992 г. в д. Давыжья Гора Псковского р-на, инф. 1920 г.р.).

II. Материалы фольклорного архива ПсковГУ свидетельствуют об отсутствии на исследуемой территории строгого закрепления за одним из двух обходов *традиции ряжения*: рядиться могли не только колядовщики, но и христовославы. Обычное для славян-католиков, для восточнославянской традиции ряжение христовославов в целом не типично [9, с. 13; 10, с. 14]. Однако материал Псково-Печорского Обозерья и Великоречья дает множество примеров такого рода (ср. выше приведенное именование христовославов *цыганями* в д. Ритупе Пыталовского р-на). Христовославы могли ходить как в повседневной одежде, так и *облаженными / обделанными / ряжеными*, с вымазанными сажей лицами (Псковский р-н, пос. Палкино), в масках (Псковский р-н), в вывороченных мехом наружу шубах (Псковский р-н, пос. Палкино), переодетыми в одежду противоположного пола (Псковский р-н): «Христа славили ряженные» (зап. в 1996 г. в д. Забродье Псковского р-на, инф. 1903 г.р.), «Шапки какие-нибудь оденешь, патом какой-нибудь халат такой. Ну от, повяжешься, чтобы незаметно было. Шубу аденешь, шерстью кверху. В каво ребятишки-то есть, так спугаются, убьют» (зап. в 2001 г. в д. Гверздонь Псковского р-на, инф. 1908 г.р.); в Печорском р-не переодевались «в старую одежду, <...> не узнаешь. И тогда по деревне вприяди идет, который как регент, а позади поют “Христос рождается”» (зап. в д. Митковицы, инф. 1910 г.р.). В д. Полены Палкинского р-на «тряпочку беленькую вазмуть, помадой, углем брови навядут, дырочки наделают: и глаза, и рот, помадой сделают. Ну, чтобы не узнать человека было. <...> А ходят ут так по домам, поют “Рождество”» (зап. в 1995 г., инф. 1941 г.р.).

Ряженные христовославы плясали, шумели, пугали детей, подпирали дверь скупым хозяевам, т.е. вели себя подобно колядовщикам. Пир встрече двух групп христовославов могли происходить стычки и драки: «А патом мальчишки нам навстречу попадаются <...>. А мы с другого посёлка. Ани нам эту звяздзду раскалуют, а мы йим <смеётся>. Кто кого побьёт» (зап. в 2001 г. в д. Гверздонь Псковского р-на, инф. 1927 г.р.).

III. Еще одним сдвигом в сторону трансформации традиции славения Христа под влиянием колядования было *содержание текстов*, исполнявшихся во время обхода «со звездой». Несмотря на то, что в сознании носителей традиции «божественные / святые песни» существенно отличались от «коляд», рождественские молитвы в устах христовославов могли получать нетипичное завершение:

1)

Христос раждаётся, славится.

<...>

Ражество тваё, Христи Боже наш.

<...>

Хазяюшка с хазяином,

Схадите в сундучок,

Принясите пятачок

Или зярёнка карячок.

(зап. в 1995 г. в д. Загорье Палкинского р-на, инф. 1914 г.р.)

2)

Христос раждаётся, славите,

<...>

Аткрывайти сундучки, вынимайти пятачки!

Нам на прянички, на орешки,

А детям на патёшки!

(зап. в 1991 г. в д. Кулье Печорского р-на, женский хор (1914—1927 г.р.))

3)

Рождество твоё Христи Боже наш.

<...>

На мно́гая лето.

Капеечку за это.

Или с пёчки пирогом,

Или хлеба ламтину,

Или денег палтину.

(зап. в 2000 г. в д. Верхолино Псковского р-на, инф. 1922 г.р.).

4)

Это уж после, когда Христа уже прославишь, и вот и пели:

Ты, хозяин, не томи,

Поскорее надели:
Или хлеба ломтину,
Или денег полтину,
Или с печи пирогом,
Или с клетки решетом,
Или сена клочок,
А то и вилы в бок.

(зап. в 1996 г. в д. Забродье Псковского р-на, инф. 1930 г.р.).

Подобных примеров множество: помимо приведенных, которые содержат характерные для колядок требование подарка, угрозы скупым хозяевам [2, с. 135; 8, с. 130], подобные рождественские песнопения записаны в дд. Дворянкино, Zubовщина, Усох Палкинского р-на, в дд. Гавры, Коровск Пыталовского р-на, в дд. Выслово, Вязки, Гверздонь, Ровница, Юхново Псковского р-на, дд. Заходы, Митковицы Печорского р-на. Разнородность частей текста хорошо осознавалась исполнителями: как правило, пелась только первая часть («божественная песня»), тогда как вторая не имела мелодического оформления и проговаривалась ими.

В свете представлений о приходе в святочные дни на землю духов предков хозяева стремились радушно принять и щедро угостить участников обходов, в которых видели провозвестников будущего благополучия семьи: «Дом готовили, конечно, ждали таких вот» (зап. в 2001 г. в д. Шелино Пыталовского р-на, инф. 1934 г.р.), «Ну и от вёчером придёшь с байни, даждидаёшь» (зап. в 1995 г. в д. Елисеево Палкинского р-на, инф. 1926 г.р.). Их наделяли деньгами, давали зерно, пироги, хлеб, мясо. «Вот хуть их пять-шесть и больше — и всех аплотишь. Это ужé никогда не жалёл ни хазяин, ни хазяйка ничаво. Это такой ужé, как сказатъ? закон. Вот. Ужé такой обычай» (зап. в 1999 г. в д. Дубново Пыталовского р-на, инф. 1914 г.р.).

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о том, что ритуал обходов «со звездой», имеющий церковное происхождение, был воспринят в крестьянской среде как один из видов святочного колядования. В соответствии с этим некоторые элементы обхода «со звездой» вобрали в себя традиционные для колядования черты. Это воздействие проявляет себя в используемой по отношению к обходам терминологии (именование обрядового действия не только «христославением», но и «колядованием», участников обхода — не только «христославами», но и «колядовщиками», «цыганями», ритуального символа — не только «звездой», но и «Колядой»), в перенесении на рождественский обход свойственной колядованию традиции ряжения, а также в содержании текстов, которые исполнялись христославами и, помимо канонизированных для подобных обходов рождественских молитв, включали в себя такие структурные элементы коляд, как требование подарка и угрозы скупым хозяевам.

На примере одного из ритуалов, включенных, с одной стороны, в систему христианского календаря, а с другой — в структуру святочного обрядового комплекса, мы увидели, как элементы и символы христианского культа, исходно призванные придать новое идеологическое содержание архаическим обрядовым комплексам, включаясь в структуру типичных для народной традиции контекстов и верований, подвергались трансформации и приобретали не свойственные им изначально смысловые оттенки и форму. Подобная трансформация оказывалась возможной вследствие наличия у обеих традиций общего идеологического стержня. Таким стержнем «как для христианской трактовки праздника, так и для традиционного магического мышления было осознание важности такого сакрального времени, когда “раскрываются небеса” и на землю приходит обожествляемое существо (Спаситель-Христос и предок-покровитель), способное позаботиться о людях и обеспечить им (при условии правильного поведения человека) благополучие на весь будущий год» [7, с. 37].

1. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 143 с.
2. Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М.: Наука, 1982. 256 с.
3. Песни Псковской Земли. Вып. 1. Календарь-обрядовые песни: (По материалам фольклор. экспедиций Ленингр. консерватории) / Сост. А.Мехнецов. Л.: Сов. композитор, 1989. 295 с.
4. Krejner J.M. Cwiazda Betlejemska w oczach astronoma // Z kolędą przez wieki: Kolędy w Polsce i w krajach Słowiańskich. Tamów, 1996. P. 29-32.
5. Тихонова Е.Л. Устные рассказы русских старожилов Бурятии о праздновании Рождества и Святков // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. «Филология». 2017. № 3. С. 215-223.
6. Виноградова Л.Н. Рождественская звезда как ритуальный символ // Живая старина. 2000. № 4. С. 35-37.
7. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор материалов Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2 т. Т. 1. Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002. 688 с.
8. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков (Очерки по истории народных верований). М.: Изд-во АН СССР, 1957. 236 с.
9. «Слушания» на Святки в Каргополье // Живая старина. 2009. № 1. С. 11.
10. Святки в Калужской области // Живая старина. 2013. № 3. С. 14-16.

References

1. Propp V.Ya. Russkie agrarnye prazdniki. Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya [Russian agricultural holidays. Experience of historical and ethnographic research]. Leningrad, 1963, 143 p.

2. Vinogradova L.N. Zimnyaya kalendarnaya poeziya zapadnykh i vostochnykh slavyan. Genesis i tipologiya kolyadovaniya [Winter calendar poetry of Western and Eastern Slavs. Genesis and typology of carolling]. Moscow, 1982, 256 p.
3. Mekhnetsov A., comp. Pesni Pskovskoy Zemli, iss. 1. Kalendar-obryadovye pesni: (Po materialam fol'klora ekspeditsiy Leningr. konservatorii) [Songs of the Pskov Land. Issue 1. Calendar-ritual songs: (According to the folklore expeditions of the Leningrad Conservatory)]. Leningrad, 1989, 295 p.
4. Krejner J.M. Cwiazda Betlejemska w oczach astronoma [Star of Bethlehem in the eyes of an astronomer]. Z koledą przez wieki: Kolędy w Polsce i w krajach Słowiańskich. Tarnow, 1996, pp. 29-32. (In Polish)
5. Tikhonova E.L. Ustnye rasskazy russkikh starozhilov Buryatii o prazdnovanii Rozhdestva i Svyatok [Oral narratives of Russian old residents of Buryatiya about celebration of Christmas and Yuletide]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Filologiya", 2017, vol. 3, pp. 215-223.
6. Vinogradova L.N. Rozhdestvenskaya zvezda kak ritual'nyy simbol [The Christmas star as a ritual symbol]. Zhivaya starina, 2000, vol. 4, pp. 35-37.
7. Narodnaya traditsionnaya kul'tura Pskovskoy oblasti: Obzor ekspeditsionnykh materialov iz nauchnykh fondov Fol'klorno-etnograficheskogo tsentra [Folk traditional culture of the Pskov region: A review of expedition materials from the scientific funds of the Folklore and Ethnographic Center] in 2 vols, vol. 1. Pskov, 2002. 688 p.
8. Chicherov V.I. Zimniy period russkogo zemledeľcheskogo kalendarya XVI—XIX vekov (Ocherki po istorii narodnykh verovaniy) [Winter period of the Russian agricultural calendar of the 16th — 19th centuries (Essays on the history of folk beliefs)]. Moscow, 1957. 236 p.
9. "Slushaniya" na Svyatki v Kargopol'e ["Hearings" on Christmas Eve in Kargopol'e]. Zhivaya starina, 2009, vol. 1, p. 11.
10. Svyatki v Kaluzhskoy oblasti [Yuletide in the Kaluga region]. Zhivaya starina, 2013, vol. 3, pp. 14-16.

Yurchuk L.A. Christmas star in the context of Christmas rituals (Pskov-Pechory Obozerye and Velikorechye). Based on the analysis of materials from the folklore archive of Pskov State University, recorded on the territory of the Pskov-Pechory Obozerye and Velikorechye during the folklore expeditions of the 1970s — 2000s, the article demonstrates the process of interpenetration of the archaic and Christian traditions during the Christmas season. This process causes the blurring of the borders between archaic and Christian types of carolling in most of the territory under consideration. This is manifested in the terminology used in relation to carolling, in the transfer of specific dressing traditions from Pagan to Christian customs, as well as in the content of texts that were performed by "Christ glorifiers". The texts included such structural elements of archaic carols as the demand for a gift and threats to stingy hosts. The role of the "Christmas star" is explained as a generalized symbol of the holiday; a set of data on the methods of its making and use as an attribute defined by folk tradition is presented.

Keywords: carolling, ritual, Christmas "star", folklore, tradition.

Сведения об авторе. Любовь Алексеевна Юрчук — доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного факультета русской филологии и иностранных языков ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»; ORCID: 0000-0002-3749-1478; lk2185@rambler.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 30.05.2023.

Ссылка на эту статью: Юрчук Л.А. Обходы «со звездой» в контексте святочной обрядности Псково-Печорского Обозерья и Великоречья // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 382-386. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).382-386

For citation: Yurchuk L.A. Christmas star in the context of Christmas rituals (Pskov-caves region and Velikaya river basin area). *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 382-386. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).382-386